

КРИМ • КЪЫРЫМ КРЫМ

1
[55] 2020

Литературно-художественный журнал

Государственное автономное учреждение Республики Крым
«Медиацентр им. Исмаила Гаспринского»
ОО «Союз писателей Республики Крым»
Центр современного перевода «Таврида»

Главный редактор
Валерий Басыров
vbasyrov@mail.ru

Редактор
Ольга Прилуцкая
primula2008@mail.ru

Литературно-художественный журнал «КРЫМ»
1 [55 2020]

© **Валерий Басыров, 2020**

КРЫМ 1. 2020

Друзья, приветствую вас в Новом 2020 году!

Как-то быстро пролетел год ушедший... Тем приятнее ненадолго оглянуться назад, в лето 2019-го, "окунуться" хотя бы мысленно в Чёрное море у сакских берегов, где проходил V Международный литературно-музыкальный фестиваль "Интеллигентный сезон".

Именно ему посвящён этот номер журнала "Крым".

Здесь вы встретитесь с произведениями лауреатов фестиваля и "сопутствующих" ему конкурсов: первого Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского и конкурса переводов в специальной номинации "премия Амди Гирайбая" Международного поэтического конкурса в сети интернет "Парнас — премия Анджело ла Веккья".

За скупыми строками информации о результатах фестиваля скрыты жаркие конкурсные баталии, радость встреч, побед, дружеских объятий и... большая литература, которой мы служим!

Благодарю всех, причастных к работе V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон". И до новой встречи в Крыму в 2020 году!

ИТОГИ

V международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон-2019"

Гран-при фестиваля — Сергей ЛЕОНТЬЕВ (п. Белозёрский Московской области, Россия)

Номинация "АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ"

I место — Сергей ЛЕОНТЬЕВ (г. Воскресенск Московской области, Россия)

II место — Сергей МАКСИМОВ (г. Саки, Республика Крым, Россия)

III место — Лариса АФАНАСЬЕВА (г. Белогорск, Республика Крым, Россия)

Номинация "ДРАМАТУРГИЯ"

I место — Александр ПОНОМАРЁВ (г. Липецк, Россия)

II место — Маргарита СОСНИЦКАЯ (г. Милан, Италия)

III место — Инна ЛАРИНА (г. Липецк, Россия)

Номинация "ИЛЛЮСТРАЦИЯ КНИГ"

- I место — Эрвин СЕЙТАСАНОВ (г. Бахчисарай, Республика Крым, Россия)
 II место — Александра ПАНФИЛОВА (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)
 III место — Дарья ГРЕБЕННИК (г. Щёлкино, Республика Крым, Россия)

Номинация "МАЛАЯ ПРОЗА"

Подноминация "Для детей"

- I место — Камиль ЗИГАНШИН (г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия)
 II место — Анна БИРЮКОВА (г. Курск, Россия)
 III место — Алексей НЕБЫКОВ (г. Москва, Россия)

Подноминация "Любовь"

- I место — Инга МАКАРОВА (г. Санкт-Петербург, Россия)
 II место — Николай ИВЕНШЕВ (ст. Полтавская Краснодарского края, Россия)
 III место — Валентина ЯРОВАЯ (г. Щёлкино, Республика Крым, Россия)

Подноминация "Юмор"

- I место — Андрей НОВИКОВ (г. Липецк, Россия)
 II место — Марина ЗВИННИК (г. Севастополь, Россия)
 III место — Геннадий РЕШЕТНИКОВ (г. Киев, Украина)

Номинация "ПОЭЗИЯ"

Подноминация "Для детей"

- I место — Валерий САВОСТЬЯНОВ (г. Тула, Россия)
 II место — Сергей ЛЕОНТЬЕВ (п. Белозёрский Московской области, Россия)
 III место — Борис БОГОМОЛОВ (пгт. Новосёловское, Республика Крым, Россия)

Подноминация "Любовь"

- I место — Сулейман КРЫМОВ (г. Саки, Республика Крым, Россия)
 II место — Равиль ВАЛЕЕВ (п. Алушта, Республика Крым, Россия)
 III место — Анна БИРЮКОВА (г. Курск, Россия)

Подноминация "Природа"

- I место — Светлана ПЕШКОВА (г. Липецк, Россия)
 II место — Леонид ЯРМУШЕВИЧ (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)
 III место — Валентина БООВАН КУУКАН (г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Номинация "ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД"

- I место — Ремзи ДЕВЛЕТОВ (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)
 II место — Марина ПОЛЯКОВА (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)
 III место — Николай НАСТОБУРКО (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

Номинация "ЛИТЕРАТУРА НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ"

I место — Ирина СОЛОГУБ (г. Евпатория, Республика Крым, Россия)

II место — Вера КИРИЧЕНКО (г. Ялта, Республика Крым, Россия)

III место — Татьяна ТУРБИНА (г. Арад, Израиль)

Номинация "ЛИТЕРАТУРА НА КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ"

I место — Рефат СЕИТ-АБЛАЕВ (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

II место — Мухамед-Али СУЛАЙМАНОВ (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

III место — Весиле МЕНУСМАНОВА (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

**Специальная номинация от администрации города "САКИ:
ОЧЕВИДНОЕ, НО НЕВЕРОЯТНОЕ"**

I место — Ирина КОЛЯКА (г. Щёлкино, Республика Крым, Россия)

II место — Марина ТРУСЕВИЧ (г. Саки, Республика Крым, Россия)

III место — Алевтина КАЧКОВСКАЯ (г. Саки, Республика Крым, Россия)

**ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
имени С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО****Номинация "МАЛАЯ ПРОЗА. ИСТОРИЧЕСКАЯ МИНИАТЮРА"**

I место — Галина ЛОБОДИНА (ст. Романовская Волгодонского района Ростовской области, Россия)

II место — Александр ВОРОНИН (п. Октябрьский Зеленодольского района, Республика Татарстан, Россия)

III место — Николай БАЛИЦКИЙ (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) и Александр РАЛОТ /Александр ПЕТРЕНКО/ (г. Краснодар, Россия)

Номинация "МАЛАЯ ПРОЗА. КРЫМ В МОЕЙ СУДЬБЕ"

I место — Анна МАТВЕЕНКО (г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

II место — Наталья ОЖЕРЕДОВА (г. Зверево Ростовской области, Россия)

III место — Виктория АНФИМОВА (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

Номинации "ПОЭЗИЯ. Я ЛЮБЛЮ СВОЮ ЗЕМЛЮ..."

I место — Светлана ПЕШКОВА (г. Липецк, Россия)

II место — Сергей КРИВОНОС (г. Сватово Луганской области, Украина)

III место — Никита БРАГИН (г. Москва, Россия)

**Лауреаты Международного конкурса
"ПАРНАС — ПРЕМИЯ Анджело ла Веккья" (Италия)
в номинации "Амди Гирайбай"
(перевод с крымскотатарского)**

Ольга РАВЧЕНКО (г. Гомель, Республика Беларусь)
Виктория СМЕРНОВА (г. Гомель, Республика Беларусь)
Antonella Tagliabue (Италия)
Nevenka Bresar (Словения)

Сергей ЛЕОНТЬЕВ

(г. Белоозёрский Московской области, Россия) — поэт, автор-исполнитель. Член Союза писателей России, член международного Союза писателей и публицистов.

Автор поэтических сборников

"Первая скрипка", "Две Луны", "Полуостров", музыкальных альбомов "Листопад", "Корабли", "Я живу в Подмосковье". Публиковался во многих литературных журналах России и зарубежья. Лауреат и обладатель Гран-при различных фестивалей авторской песни и поэтических конкурсов в России и за рубежом.

Обладатель второго места в открытом творческом конкурсе на создание гимна Подмосковья, автор официального гимна города Воскресенска.

Песни на его стихи исполняют Витас, Рада Рай и другие артисты.

Ведёт активную концертную деятельность (творческий дуэт "Остров" с Алиной Серёгиной).

Обладатель Гран-при V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон", лауреат (1 место) в номинации "Авторская песня" и 2 место в номинации "Поэзия", подноминация "Для детей".

Номинация "Авторская песня"

ПОЛУОСТРОВ

Мне с тобой о пережитом
Говорить светло и просто!
Между двух морей лежит он,
Наш далёкий полуостров.
Мы туда, отживши зиму,
Вечным воздухом напиться,
Два замерзших пилигрима,
Возвращаемся, как птицы.
Нам, крылатым, век намерил
Две судьбы, одну дорожку.

Это море, этот берег —
Всё всерьёз, не понарошку!
Посмотри, как вдохновенно
Небосвод звёздами вышит!
И отныне всё, наверно,
Будет так, как мы напишем!
Потому что звёзды эти
Над тобою что-то значат,
Потому что всё на свете
Только так, а не иначе!

Разве много надо людям
Под лазоревой небесью?
Просто будь — и будь, что будет!
А оно же будет, если
Жить, любить, творить — беспечно,
Ни секунды не фальшивя,
И о малом, и о вечном —
Равно буквами большими!
Расставлять слова по росту,
Жить, заглядывая в святцы,
И на этот полуостров
Бесконечно возвращаться...

.....
Говорить о пережитом —
Это так светло и просто.
Между двух сердец лежит он,
Наш с тобою полуостров,
Где, конечно, помнят зори,
Как тогда, ушедшим летом,
После нас осталось море
Тяжелей на две монеты...

Номинация "ПОЭЗИЯ", подноминация "Для детей"

МАМИН СИБИРЯК

Он ведёт себя, как барин,
Как король себя ведёт.
Тётей Галей был подарен
Маскарадный* этот кот.

Сунув мелкого за лацкан,
Я принёс его домой.
И с тех пор живёт, заласкан
Всею нашею семьёй!

Ты его толстенным лапам
Лучше воли не давай.
Кто ещё не оцарапан?
Ну-ка, в очередь вставай!

Но как только повернётся
Ключик мамин во дверях,

Весь об ноги изотрётся
Этот мамин сибиряк!

Знает, знает наш котейка —
Есть у мамы для него
В холодильнике индейка
И ещё нибудь-чего!

Сытый кот... Чего ж дороже
Для хозяйки на земле?
Он разлечься даже может
На обеденном столе!

Знает кот, что он любимый,
Что не чают в нём души.
Глянет глазом голубым он:
"Чё сидишь? Давай, чеши!"

*Невская Маскарадная кошка — это Сибирская кошка нарядного сиамского окраса с яркими голубыми глазами. У "неваков" крупное, мускулистое тело, крупные, толстые лапы, густая, с плотным подшерстком шерсть и великолепный пушистый сибирский хвост. Мордочку взрослой кошки также украшает тёмная маска, цвет которой зависит от окраса (Википедия).

НОМИНАЦИЯ "МАЛАЯ ПРОЗА"

Подноминация "Для детей"

9
ПРОЗА

Камиль ЗИГАНШИН (г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия) — прозаик, член правления Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации и Республики Башкортостан. Действительный член Русского географического общества (РГО). Участник многих экспедиций по России и за её пределами, в том числе кругосветной "Огненный пояс Земли". Автор книг "Щедрый Буге", "Маха, или История жизни куницы", "Боцман", "Таёжные истории", "Возвращение росوماхи", "От Аляски до Огненной Земли", исторической дилогии о

старообрядцах и эвенках "Скитники", "Золото Алдана", а также многочисленных путевых очерков о самых труднодоступных уголках планеты. Награждён орденом "За вклад в просвещение" (2010), золотой памятной медалью имени А. П. Чехова (2011), медалью В. М. Шукшина (2014), медалью М. А. Шолохова (2015). Лауреат Государственной премии имени Салавата Юлаева и многих других российских литературных премий и конкурсов.

Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Малая проза", подноминация "Для детей" (1 место).

ЛОХМАТЫЙ

Рассказ

Молодцеватый, несмотря на свои пятьдесят семь лет, Фёдор Дементьевич, или, как его звали в деревне, Лапа, стоял, упёршись сильными ногами в широкие свежеструганные доски крыльца, и в который раз оглядывал резные наличники на новеньком доме зятя.

Распахнулась дверь, и из неё с шумом вывалилась, похохатывая, плотная, во всём похожая на отца, дочь Наталья, следом — высокий жилистый зять.

— Пап, кончай смолить. Пошли в дом, замёрзнешь, — выпалила дочь.

— Да пора мне, Натаха, — сказал Лапа, кивая на расплюснутый между туч багровый глаз солнца. И, потоптавшись, неторопливо спустился по ступенькам в пока ещё неухоженный, необжитый двор.

КРЫМ 1. 2020

— Лохматый! — властно позвал он собаку и направился к переминавшемуся с ноги на ногу от мороза и нетерпения Гнедко.

Ласково похлопал литой круп коня. Расправил упряжь. Взбил в санях сено. Укрылся тулупом и удобно устроился в розвальнях, облокотившись на тугую, прикрытый брезентом, мешок муки.

— Бывайте здоровы! Ждём в гости, — крикнул он, чуть обернувшись.

Крупный, с мощным загривком, лохматый кобель, крутившийся вокруг, рванул вслед заскрипевшим саням и в мгновение ока обогнал затрусившего ровной рысцой мерина. Миновав посёлок и густую сосновую посадку, въехали в берёзовый с осиной пополам лес. Солнце скрылось за ошетилившимся верхушками деревьев холмом. Темнело.

"А всё-таки правильно, что в августе на новоселье не поехал, — подумал Лапа. — Дотянул до срока и сразу двух зайцев убил: у молодых побывал и мясо продал. Однако, башка у меня с толком", — самодовольно улыбнулся он, поглаживая бороду.

Дорога нырнула под гору и завилыла по стиснутой увалами долине ручья. Сани на покатых ухабах мерно покачивали, точно баюкали. Лапа, не выпуская вожжей, вытянулся и с удовольствием прикидывал, как распорядится вырубкой.

Он не любил людей, не умеющих зарабатывать. "Лентяй или простодыра", — говорил о таких. Вот и зять тоже хорош! Буровой мастер, называется! Цемент не может подкинуть... Тоже мне, порядочный! "Тьфу!" — сплюнул он.

Его размышления прервало испуганное фырканье Гнедко. Конь тревожно прядал ушами, и, раздув ноздри, опять фыркнул. Бежавший впереди Лохматый прижался поближе к саням. Лапа обернулся и, шаря глазами по сторонам, заметил какое-то движение вдоль увала. Смутные тени скользили по гребню, не таясь, открыто!

Волки!!!

Противно заныли пальцы, засосало под ложечкой.

— Но! Но! Пошёл! — сдавленно просипел Лапа, наотмашь стегнув мерина, хотя тот и без того уже перешёл на галоп и, вскидывая в такт прыжкам хвост и гриву, нёсся по накатанной дороге так, что ветер свистел в ушах. Деревья, стремительно вылетая из темноты, тут же исчезали за спиной. За упряжкой потянулась вихрастым шлейфом снежная пыль.

Волки растворились во тьме. Лента дороги вместе с ручьём петлёй огибала высокий, длинный увал. Хорошо знавший окрестности матёрый вожак неспешно перевалил его и вывел стаю на санный путь к тому месту, куда во весь дух нёсся Гнедко.

Лапа, нахлёстывая коня, лихорадочно соображал, что делать: стоя не могла так легко оставить их в покое. Он чувал, что петля таит смертельную опасность, но повернуть обратно не решался — посёлок уже слишком далеко.

— Авось опережу, — успокоил себя Лапа. И, придерживая вожжи одной рукой, другой нашарил в сене топор.

Внезапно мерин дико всхрапнул и, взметая снег, шарахнулся в сторону — наперерез упряжке вылетела стая. Здоровенный главарь сходу прыгнул на шею Гнедко. Ещё миг — и тот бы пал с разорванным горлом, но оглобля саданула зверя

в грудь, и он рухнул на снег. Человек опомнился, схватил и с силой метнул в стаю мешок муки.

Увесистый куль ещё не успел упасть, как волки живой волной накрыли его и растерзали в белое облако. За это время Лапа успел выправить сани на дорогу.

— Давай! Давай! — осатанело заревел он, нещадно лупцуя мерина кнутом.

Обезумев от страха и боли, Гнедко нёсся, стреляя ошмётками снега из-под копыт. Он обошёл умчавшегося было вперёд Лохматого.

"Неужто оторвёмся?" — вспыхнула надежда.

Сани неслись по ухабам, то возносясь, то падая. На поворотах наездника бросало из стороны в сторону. А сзади неумолимо накатывалась голодная стая. Фёдор Дементьевич ощущал это каждой клеткой тела. Вот вожак, класая зубами, попытался достать не поспевавшего за упряжкой Лохматого, но пёс, в смертельном ужасе прибавил ходу и, изнемогая, запрыгнул в розвальни.

Вытянувшись вдоль узкой колеи, стая бежала свободно, легко, как бы скользя по снегу, молча и неотвратно настигая выдыхавшегося коня.

Лапа уже слышал их прерывистое дыхание. Ещё немного и волки, пьянея от горячей крови, разорвут, растерзают долгожданную добычу на куски. Он сдёрнул с себя овчинный тулуп и швырнул его на дорогу. Звери набросились на него, но, обнаружив обман, возобновили погоню с ещё большей яростью.

Человек снимал и кидал в сторону стаи то шапку-ушанку, то рукавицы, но однажды одураченные серые не обращали на них внимания. Разгорячённая преследованием стая жаждала крови и мчалась, неумолимо сокращая расстояние. Бешеная, изматывающая гонка близилась к финалу.

Охваченный страхом Фёдор Дементьевич, не умолкая, иступлённо вопил, брызгая слюной, то на коня: "Быстрее, Гнедко, быстрее!", то, обернувшись назад, устрашающе тряс топором, на стаю: "Порублю! Всех порублю!".

Казалось, ещё несколько секунд — и матёрый повиснет на руке, а остальные трое станут рвать его, ещё живого, на куски...

Мужик лихорадочно огляделся. В ногах жался Лохматый. Глаза Лапы вспыхнули сатанинским огнём: собака? Живая тварь, кровь — вот, что нужно стае! Он ногой пихнул пса навстречу смерти, но бедняга, широко раскинув лапы, удержался. Всё его существо выражало недоумение и обиду.

— Пошёл, паскуда, — срываясь на петушинный фальцет, завизжал обезумевший Лапа и нанёс сапогом увесистый удар псу.

Лохматый скособочился и, сомкнув челюсти, мёртвой хваткой вцепился в борт саней.

Волки были совсем близко. Человек упёрся спиной в передок, поджал ноги и с такой силой ударил по лобастой голове, что пёс, оставив на гладко отполированном дереве светлые борозды от клыков, косо слетел с саней и, перевернувшись в воздухе, рухнул на дорогу. Слух полоснули истошный визг, глухой рык.

"Всё, конец", — подумал Лапа, поёживаясь. В беспощадной памяти остался немигающий, укоряющий взгляд собаки.

Упряжка промчалась сквозь ольшаник и вывернула из ложбины на заснеженный холм, откуда уже видны редкие огоньки деревни. Загнанный Гнедко замедлил бег.

Только тут полураздетый Лапа почувствовал, как сотрясается от пережитого ужаса и холода всё его тело. Закопавшись в сено, он натянул поверх кусок брезента и настороженно вглядывался в удаляющийся непроницаемо-чёрный лес. Страх постепенно отпускал, уходил как бы внутрь. Но, раз за разом прокручивая в памяти происшедшее, Лапа то и дело невольно съёживался.

Въехав на окраину деревни, он попридержал запалённого коня: "Добрый, однако ж, у меня мерин. Другой не сдюжил бы такой гонки".

Подъезжая по унылой, пустынной улице, к своей красавице-избе за сплошным крашеным забором, расчувствовался: "Мог ведь и не увидеть боле".

Ставни были плотно закрыты. Свет в доме не горел.

"Спит чертовка. Ей-то что!" — злился Фёдор Дементьевич, вылезая из саней. Открыл ворота, загремел сапогом по двери.

В доме глухо завозились. Торопливо засеменили. Лязгнул засов. Дверь приоткрылась. Лапа, не взглянув, прошёл мимо исхудалой фигуры в сени. Щёлкнул выключателем — темно.

— Лампочка перегорела, Федя, — тихо пояснила жена.

Лапа чертыхнулся и скрылся за ситцевым занавесом в жарко натопленной горнице.

— Не думала, что так скоро. Назавтра ждала, — оправдывалась хозяйка.

— Мечи на стол, замёрз, — скомандовал муж, опускаясь на табуретку. — Эх, чёрт, Гнедко-то на улице, — и, нахлобучив старую ушанку, поспешно выскочил из дому.

Распряг и завёл мерина в тёплое стойло. Накрыл подрагивающие, взмыленные бока попоной. Подложил в кормушку охапку сухого душистого сена.

— Ешь. Это тебе за справную службу, — Лапа протянул руку погладить ухоженную гриву, но мерин почему-то отвернул морду.

— Ты чего?.. Чего ты?.. Эт ты зря! Да если б не Лохматый — нам бы конец! Понимаешь — всем конец! Я спас тебя... Спас! — горячо зашептал, оправдываясь, хозяин. Гнедко, тяжело дыша, упорно смотрел в сторону.

"А может, и не погибли б? — неожиданно уличил Лапу кто-то изнутри. — Топором саданул одного, глядишь, другим острастка, а то и на порубленного собрата позарились бы".

От этой простой мысли Фёдор Дементьевич сник. "Совсем я расклеился. Чего голову морочу... Что сделано, то сделано... Сделано правильно".

Проходя мимо конуры, зацепил цепь. Она сиротливо звякнула и обожгла сердце тупой болью. Пересиливая внезапно навалившуюся слабость, он воротился в избу.

Жена ждала у накрытого стола. Умывшись в прихожей, муж сел, прижался спиной к тёплой белённой печке и замер.

— Как съездил Федя? Видал молодых-то?

— Видал... Живы-здоровы. Хоромы здоровущие, со всеми удобствами. Топят газом. Обещают на недельку приехать... Помочь по хозяйству.

— Да у них, поди, у себя в дому работы хватает, — робко возразила супруга.

— Ничего, у себя всегда успеется.

— Мясо-то продал?

— А то! Мясо — не редька, только свистни, — Лапа нащупал заворачивающе толстую пачку купюр и, вспомнив про подарок, вынул из другого кармана свёрток.

— Держи, — развернул он цветастый платок.

— Ой, спасибо, Федя! Ой, спасибо!.. Глянь, как он мне?

— Будя трепаться, — грубовато оборвал муж, шумно хлебая щи.

Примерив обнову у зеркала, жена ещё более оживилась. На губах заиграла несмелая улыбка. Прибирая со стола, обронила:

— Пойду Лохматому костей снесу.

Лапа чуть не поперхнулся.

— Ложись-ка лучше, сам покормлю. Посмолю заодно перед сном, — торопливо возразил он, — да и Гнедко пора поить.

Взяв миску, он вышел на свежий воздух. Покурил. Напоил коня. Опять покурил. Сколько ни старался Фёдор Дементьевич заставить себя думать о происшедшем, как неизбежном и оправданном, гибель Лохматого занозой сидела в мозгу, палила огнём.

В постели Лапа без конца ворочался с боку на бок. Перед воспалённым взором вновь и вновь возникала одна и та же картина: сквозь вихри снежной пыли взлетает тёмный силуэт, плавно переворачивается в воздухе и скрывается в гуще голодной, разъярённой стаи. Взлетает, переворачивается и...

За окном время от времени раздавались странные, непонятные вздохи. Напряжённо вслушиваясь в них, он незаметно забылся. И опять стоя догоняла, окружала его, неумолимо затягивая живую петлю все туже и туже. В голове возник нарастающий гул.

— А-а-а!.. — заметался Лапа от нестерпимой боли.

— Федя, ты чего? Что с тобой? Заболел? — трясла за плечо жена.

Лапа затравленно уставился на неё — не мог взять в толк, где находится, всё ещё жил привидевшимся. Оглядевшись, наконец, узнал дом, жену.

— Фу ты, — облегчённо выдохнул он.

— Чего кричал так, Федя? — допытывалась встревоженная супруга.

— Мяса, видать, переел. Мутит. Не доварила верно... Спи...

Жена принялась участливо гладить сивые, непокорные кудри мужа. Так и заснула, оставив маленькую жёсткую ладонь на его голове. Лапа осторожно убрал её на подушку. Сон не шёл. Чем старательнее пытался он отвлечься, думать о чём-нибудь приятном, тем назойливей лезли в голову мысли о Лохматом.

С щемящей тоской вспомнилось, как принёс его, ещё безымянного щенка, домой. Как радовался тому, что растёт сильный, не признающий чужих, страж усадьбы. Как преданно сияли его глаза, как ликовал пёс, суматошно прыгал, захлабывался счастливым лаем, встречая его с работы; с какой готовностью исполнял все его желания.

Промаявшись почти до утра, Лапа осторожно встал, оделся и вышел в сени. Отпёр дверь.

У крыльца из предрассветной мглы проступило косматое чудище: морда в рваных лоскутах кожи, ухо, болтающееся на полоске хряща, слипшаяся в клочья шерсть.

— Лохматый?! Ты?! Не может быть!..

Растерявшийся Лапа невольно попятился, запнулся за порог и упал...

В голове вновь возник и стал нарастать беспощадный гул... Смерти?

Анна БИРЮКОВА (г. Курск, Россия) — поэт, прозаик, главный редактор журнала "Серебряные сверчки". Победитель фестиваля детского творчества "Начало" (г. Рязань), лауреат премии "Артиада России", лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Малая проза", подноминация "Для детей" (2 место).

СТРАННАЯ ШТУКА ЭТА ПАМЯТЬ...

Странная штука эта память... Слякоть на улице и на душе. Затяжная усталость, за окном зыбкая морось. Ничего, кроме сизой дымки и неизлечимой тоски. Хотя нет, ещё безразличные небеса и несбыточные мечты. Ноябрь тянется, будто вечность. Кто-нибудь помнит, как выглядит солнце?

А вот бы настала весна! Улизнуть в деревню, проснуться с первым отблеском пунцовой зари, помчаться вслед за южным ветром в поля. А там... васильки умываются росами, серебрится ковыль, лягушачий хор срывает последние аккорды. Сладостью веет от вишен в белоснежных вуалях. Да только приуныли одуванчики. Юность их скоротечна. Лишь вчера они светили ярче солнца, а ныне тяжелы их седые головы... На трухлявой яблоньке два соловья никак не решат, кто искуснее. Неожиданно в спор ввязывается петух. Он-то всех голосистее! Вдруг вспомнится киспинка первой ягоды. За осень и зиму так соскучишься по клубнике, что будешь есть её прямо с грядки, недоспелую, чумазую! Набегаешься, ноги мокрые от росы, голова горячая от солнца. И как оно успело взобраться так высоко?

Наконец я возвращаюсь в дом. Жалостливо поскрипывают дверные петли, им вторят уставшие от жизни половицы. Пахнет гречневой кашей и цветочным мёдом. За столом сидит прадед. Он ест молча и лишь приподнимает глаза, когда я присаживаюсь напротив него. На первый взгляд, Степан Кузьмич — сам себе на уме. Но стоит его разговорить, кажется, будто он только этого и ждал.

— Я ж в тридцать первом году родился... А, нет, погоди. Mamka меня записала тридцатым, а родился-то я в декабре двадцать девятого. Сколько мне в сорок первом стукнуло? Одиннадцать... Сестрёнке — восемь. Помню, немцы шли вон с той стороны, — отодвигает тюлевую занавеску и задумчиво смотрит на цветущий

луг. — Танки, машины гроыхали... Здесь немцы никого не тронули, да и трогать было некого: женщины, дети... А в соседней деревне десятерых мужиков расстреляли!

Его голос, и так низкий, падает до хрипоты:

— Тьфу ты, чёрт! Совсем скоро немым стану! Вот говорят, жить долго нужно, долго... А живёшь долго — так меньше хочется. До семидесяти, и всё — крышка, — прадед хлопает ладонью по столу. — А самому-то уже девятый десяток вот-вот да нагрянет, — с печальной иронией подсмеивается он.

Помолчав немного, продолжает:

— Холод собачий, есть нечего. Мать вздыхает: "Помирать, так не в родном доме!" Собрали последние крошки и вышли на дорогу. В помине здесь дороги-то не было, только слякоть и размазня. А немцы — шустрые! Асфальт положили да разъезжают. Спрашиваю у матери: "Куда идти-то собралась?" Она молчит. Я взял сестрёнку за руку и увёл в дом.

Как-то под зиму двигалась ихняя колонна. Какой-то фриц спустился с пригорка, поставил машину тут-то, под клёном, и зашёл в дом. Мать только перекреститься успела, уже плакаться собралась, только бы дитяток не мучали... А он: "Яйца есть?" Ну так я и принёс с шесть штук. Понятия не имею, что он с теми-то яйцами делал: так пил или варил... кто его знает?

Через несколько дней снова приходит. Только под шинелью у него что-то топорщится. А что — не разберёшь. Ни денег, ни еды у нас не было... Думаю, вдруг под мышкой винтовка? А нам даже откупиться нечем, — прадед на секунду замолкает и переводит дух. — Распахивает этот фриц шинель, а там соль, мыло! Ну, мать на радостях и сказала: "Налей-ка ему!" Немец сразу понял о чём речь: "Schnapps?" — "Шнапс, шнапс", — отвечаю я. Голодали мы... Когда крал, когда что-нибудь и урождалось в огороде, а этого добра — всегда было сколько душе угодно! — прадед с гордостью опрокидывает рюмку розовой от клюквы настойки. — Эх! Это сейчас я в день по рюмочке... А раньше бывало... Так вот, налил ему гранёный стакан. От души! А он смотрит на меня, не отравлено? Мол, пей первый! А я и выпил! — после этих слов прадед почёсывает щетину и иронично посмеивается. "Будь спокоен", — говорю ему. Ну, он на радостях следом за мной опрокинул этот стакан да под стол и завалился! "Hitler Kaput!" — только и услышали мы оттуда!

Этим Степан Кузьмич заканчивает свою излюбленную байку. Каждый, кто хоть раз в жизни бывал высоконских дворах, уж точно сочувствовал тому фрицу. На это прадед говорит: "Эх! Не те уж люди стали. Немцы почему не выдержали наших морозов? Скажете, шинельки тонюсенькие... Да я вообще босым бегал! Вот — жив до сих пор! А их, обмороженных, штабелями выносили. А знаете, почему? Изнутри незакалённые были! У нас-то как принято? На улице градус падает, а мы — повышаем! Мороз крепчает, так согреться нужно!"

Иногда Степан Кузьмич задумается. Он изредка делится тяжёлыми воспоминаниями. Люди его поколения были вынуждены научиться превращать слёзы в смех, радоваться простым вещам. Они испили жизнь до последней капли, но и отдали всё, без остатка.

— Да... Сколько людей загубили. Наших и их, которые иногда бывали ничуть не хуже... Потом, как немчура отступала, "наш" немец забегает в дом. Весь чумазый, в крови. Шинель изорвана... "Ма! Дай хлеба!" — просит. Мы сами голодали, но мать дала ему и хлеба, и скибку сала. Побёг он дальше, а куда побёг? Кто его знает... Зима та стояла холодная. Мороз — сорок два градуса, снег — под три метра. В комнатах темно, окна завалило. Москву они брать собрались!.. Весной снег сошёл. Вот что скажу: мёрзлых их было куда больше, чем пристреленных. И "наш" фриц, наверное, в какой-нибудь канавке оттаял...

Да уж, странная штука эта память. Глубокая осень, а мысли лишь о весне...

Алексей НЕБЫКОВ (г. Москва, Россия) — прозаик. Окончил МГЮА имени О. Е. Кутафина и ВЛК Литературного Института имени А. М. Горького. Аспирант Литературного Института имени А. М. Горького. Финалист Международной премии имени Фазиля Искандера 2018 года, лауреат Международного литературного фестиваля

"Славянская лира-2019", лауреат и финалист других международных и российских литературных конкурсов и премий, лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Малая проза", подноминация "Для детей" (3 место).

ЖДАНА

— Все мы затворимся здесь, мама, все скроемся в непробудной тишине. Одиноко и пусто тут у тебя, как и у меня дома. Ведь ты боле не шаркаешь уже под моими окнами, не слышу по ночам хрюста попадающих тебе под ноги сучьев, — обращалась к покосившемуся кресту Ждана.

Кладбище, мёртвый сон вокруг, однообразные унылые могилы, ни щебетанья птиц, ни огня, ни света — одни обломки жизни. Но что-то тянуло, раз за разом, Ждану сюда, будто тепла в этой промёрзшей земле было больше, чем в её родной деревне. Солнце скрывалось за лесом, с вечера падал снег. Внезапно засвистел ветер. Он зашуршал, заговорил о чём-то, обжёг Ждане лицо, ободрал руки. Покров тишины вдруг наполнился хрипами и шорохами. Тревожно стало Ждане, беспокойно. Засобиралась она домой, простилась с матерью и отправилась в дорогу. У околицы погоста набежала на дохлую кобылу, испугалась, как в первый раз, и ещё пуще прежнего зачастила к дому.

Подбежав к родной калитке, увидела, что защёлка отброшена. Разросшийся во дворе многолетний граб заголосил ветвями на ветру, встречая хозяйку. Он точно предупреждал её о людском присутствии. Сердце её затрепыхалось, дыхание застыло, глаза тыкались по задворкам в поисках человека или хотя бы его тени. Внезапный крик испуганной совы эхом разрезал воздух. Ждана оглянулась, а вновь обратив свой взор в сторону дома, увидела незнакомца. Он стоял в пролёте двери и разглядывал её.

— Какая славная ты, смазливая, — обратился он к Ждане, снимая шапку и спускаясь с крыльца.

В расстёгнутой заячьей шубе с просторными рукавами, в широких штанах, заправленных в голенища, с ружьём за спиной, ладный в плечах и в росте, он так же, как и отец когда-то, встречал её во дворе, и что-то давно забытое затеплилось у неё внутри.

— Откуда ты такой появился? — отвечала она ему, и по щекам её полыхнул румянец.

— Давно уж брожу по лесу. Набрёл на деревню твою, да нет никого в ней, где поселяне-то?

— Ушли все, да сгинули! Бают, что бесталанные мы. И ты уйдёшь...

— Самдели! А покусакать что-то у тебя есть, красавица?

— Было бы что кусакать, сама бы не отчуралась, второй день ничего путного не жевала.

— Ну, небось, я тебя прижалею, мы с тобой теперь глухаря зажарим, сей раз ощипаю, выпотрошу, растагарю очаг, и буде нам тепло и сытно! — и он, заулыбавшись, пошёл в дом, шумя на ходу и распоряжаясь, точно хозяин.

В доме запахло березняком, трескучий огонь засопел в печке, Ждана затеплила гасилицу, расстелила скатерть и поставила самовар. Аромат древесины смешался с благоуханием тлеющих смоляных шишек и расплылся по хате, навевая давно забытые воспоминания о полном доме, заботе и мужском участии.

Ждана ела падко в полной тишине, не роняя ни взгляда, ни слова. Закончив с едой, она обратилась к путнику: — А дорога-то куда тебя ведёт?

— Да маюсь по свету я, долю свою ищу. Обещался вернуться домой, когда опостылет. Туда и путь держу, — услышала Ждана в ответ, и надежды её опрокинулись.

Она вскочила, захотела сбежать из-за стола, но он остановил её, удержал крепкими руками. Касание его показалось Ждане тёплым, даже обжигающим. Кровь у неё закипела, губы сделались влажными, сердце заволновалось, стало выскакивать из груди. Высвободив ладони, она выбежала из комнаты, где, переводя дыхание, окончательно убедила себя, что незнакомец пришёл, чтобы её оставить.

Путник сел на крыльцо, а Ждана вскоре уместилась рядом. Она часто сидела так сама и смотрела на дорогу, всё ждала кого-то, тосковала о чём-то.

— Ну а ты? Как здесь одна? — заботливо спросил он и будто ненароком дотронулся до неё вновь.

Ладони его на морозе остыли, стали теперь холодными, но она не отняла руки и, прижавшись к нему, заговорила:

— Много дворов полных было в нашей деревне, всего всегда в избытке и в достатке. Но повадился как-то шатун по околотку слоняться, скотину валил, житницы рушил. А один раз на поселянина ночью напал. Тем и споганил души наши. Вышли охотники, загнали да ушибили. Да видно не мирской то был медведь, а особенный. С тех пор лихо пошла жизнь наша. Скотина и птица издохли, амбары заполонила шушара, люд стал хворать. Решили тогда односельчане покинуть деревню, скоро засобирались, да по весне и ушли. Наш двор только

остался - мать сделалась хворой. Отец с братом и до того не часто ласкою нас окружали, а тут и совсем истязать стали. Доставалось мне дюже, до слёз, до изнеможения. Мать на поправку не шла, совсем ослабела, не выходила из хаты, всё перхала, много молилась. Тогда мужики в путь и пустились, за доктором говорили. Я же осталась с больной, да меня и не звал никто. А мать скоро целыми днями уже стала с закрытыми глазами лежать, близко к ней не подойдёшь: протухла вся изнутри. А там как-то ночью пошла горлом кровь, и осталась я сирой. С тех пор много всего утекло, весна прошла, лето сменилось осенью, зима теперь уж на исходе, а мужиков своих я боле не видала, то ли не дошли, то ли просто покинули. И ты пропадёшь... — и Ждана заплакала, закрывшись ладонями.

— Ну, буде, буде. Вернутся они. Да и я никуда пока не собираюсь. Помогу тебе во всём, доколе я здесь.

— Знаю я баи твои... Да и чем помочь мне хочешь? Разя воды накипятить. Стосковалась я по силе мужской, накопи мне путник дров. А то я все чурки невеликие уж повиытаскала, да пережгла, а с большими мне и не сдобровать. Топор принесу, поленница за домом.

Вскоре на заднем дворе застучало лезвие. Впервые за долгое время Ждана почувствовала успокоение. Она водрузила громоздкий котёл над очагом, наплатала его водой, снарядила парню для сна полати, а сама села в полудрёме на лавку, ошалев от воспоминаний и давно позабытого счастья.

Могутный стук в окно всколыхнул её, она кинулась к стеклу, но путника во дворе не увидела. Он входил в хату и, заметив оробевшую Ждану, жажнул дрова на пол.

— Шумнул под окном кто-то. Думкала ты, — обратилась она к нему и, закрыв занавеси, продолжила: — Мерекали в старину, что по ночам упокойники к домам своим приходят, проведать, всё ли там, как было в их времена. Давно никто уж меня не беспокоил. А ты всё же не выходи ночью, мало ли что, — и Ждана, наполнив кувшин, ушла.

— Небось, не сбегу! — бросил путник ей вслед.

Ждана обливалась жгучей водой. Теперь её было в избытке. Наконец-то она отогрелась, и кожа её приятно горела, отзываясь на прикосновения. Она тихо и осторожно ласкала себя. Грудь её налилась, ноги задрожали, голову повело, тело стало изнемогать от приятного томления. Ждана чувствовала, что что-то вот-вот в жизни её переменится, и не было ей от этого ни страшно, ни совестно.

Путник спал. Где-то тихо отворилась дверь, комнату наполнили неуверенные шаги, кто-то, обнимая и целуя его, лёг с ним рядом. Он пробудился, вдыхая запах чистого женского тела. Виски его загудели, горячие губы, отзываясь на ласку, стали нежить плечи и грудь, руки его загрубелые катились по линии бёдер. Ждана задрожала. Разлучив колени, она закрыла глаза, он привалился на неё, руки её крепко сжали простыню, глубокий стон пробился сквозь её дыхание, а следом, на улице раздался дикий крик одинокой совы. Птица, рассекая крыльями воздух, сорвалась с крепкого граба и устремила в сторону погоста, заполняя своим движением пустоту окрестностей.

Ждана лежала на спине, губы её горели, сердце кружилось, всё никак не могло успокоиться, слёзы потоками сбежали из глаз.

— Ну что ты, что ты. Выспимся нонче, а завтра и в путь заторопимся. Вместе с тобой уйдём. Негоже здесь одной хорониться, — успокаивал её путник. — Желанна будешь родимым моим — сестре да родителям!

Все опасения её вмиг рассыпались. Всё теперь могла она ему объяснить, всё доверить, и она тихо-тихо попросила:

— Не уходи, останься. Ладно-то как, полно-то как нам здесь вместе. Держит меня моя деревня, одна осталась она у меня. Чувствую, что крепко связалась я с местами родными — с этими стенами, лесом, погостом. Любят они меня, никогда не изменят и не прогонят, больно потерять всё это, как могу всё это оставить? А теперь и ты есть у меня, а боле ничего и не надо.

— Пустое ты говоришь, освободись от оков своих здешних, нет нужды тебе в местах этих, изведут они тебя. А коли хочешь, забирай их с собой, в сердце своём, в памяти. Теперь не перечь, как сказал, так и буде. Вскину завтра поутру ружьё и тебя с собою присвою, — он прижал Ждану к себе и крепко поцеловал.

А она застыла в его объятиях в глубокой печали. Пошевелиться не смела, боялась поверить в то, что стены её родные стали самой большой помехой счастью её и талану. Но прав был путник, ничего не ждёт её тут, кроме гибели, и решила она, что оставит очаг свой утром, скажет ему, что любит безмерно, что пойдёт с ним в чужие края и на любые стороны. Ждана забывалась в сладкой дреме, давно завязавшийся узел в судьбе её на рассвете будет распутан, всё теперь уладится по-другому.

Внезапный стук по крыше вмиг растревожил её. Удары были не громкими, размеренными. Потом несколько раз что-то сильно садануло по кровле. Затем появился скрежет, точно шаркал кто-то наверху, а за ним послышались непрерывные бряканье и стукотня. Жутко стало Ждане, выскочила она из постели, запалила лампадку. Пламень окрасил стены дома, спящего путника и оробелое девичье лицо. Схватила она платье своё затворное и суетливо принялась собирать его на себе. Подбежав к окну, увидела, что началась непогода. Порывы ветра налетающей грозы захлопали отворённой калиткой, двор пришёл в движение, изгородь начало срывать, всё кругом зашомонило, заухало и застонало, брызнувший дождь превратился в ливень, забахал и зарокотал гром. Ждана затряслась, затрепеталась:

— Закреть, закрыть калитку!

Распахнула входную дверь, выскочила на улицу босиком, протянула руки навстречу дождю и ветру и побежала по грязи в сторону истомившейся от скрипа дверцы.

— Мама, зачем пришла? Знаю, что обещала не покидать тебя, знаю! Но жаждет душа расстаться с местами этими. Хочу уйти с ним, отпусти меня. Не могу боле тянуть эту нить, порву её, ненавистную!

Яростный гвалт непогоды внезапно утих, глухо стало вокруг, безветренно. Вспыхнула ослепительно белая полоса, затрещал, застонал многолетний граб, озарился в мгновение огнём и упал разбитый молнией наземь, а рядом с ним грянулась Ждана.

Очнувшись, она нашла себя распластанной на земле, супротив неё догорал граб, столько лет оберегавший её от раскалённого солнца. Он и сейчас защитил её — принял поlying на себя. А теперь, навсегда угасая, согревал её последним своим блеском. Опасаясь неладного, Ждана вернулась в дом. Путник покойно сопел на полотах, в комнатах было глухо и пусто. Гроза, сотрясая и покачивая стены, поскидывала с настилов посуду, горшки и всякий припас. Отцовский серп лежал на полу. Ждана подняла его и села на лавку, зачарованная его блеском.

Уже давно отболело, а он всё так же ворошил в памяти её помяты об ушедших днях. Она вспоминала маму, как та тешила её, как заступала от отца и других сельских теснителей. Незабывной была встреча её с супругом. Жалела она те дни, когда муж полюбился ей, когда проводила она с ним всё порожнее время, когда провожала вечера, лёжа с ним на сеновале, и слушала всякую от него пустяковину о том какие у неё глаза, коса и губы.

И вот всё это, что было так давно, показалось случившимся ныне, и Ждане стало горько от того, что этого уже ничего нет, никогда больше не будет и с ней не случится. Слезы накатились на глаза её. Ей представилось, что с приходом путника, она точно потеряла что-то, жизнь её, до того тихая, словно оборвалась, и сердце её зануло от обиды и жалости.

Ждана вошла в комнату и села рядом с путником. Томимая разладицей в самой себе, она сперва замыслила задушить, удавить возмутителя своего спокойствия. Но любуясь в темноте кудрями его, вспоминая сильные, нежные руки его, она позабыла намерения свои, почувствовала снова нежную к нему привязанность, опять захотела оберегать, целовать его.

"А я ведь могу оставить его здесь, даже против воли, против желания", — внезапно подумала Ждана. Поражённая этой нечаянной мыслью, она затаила дыхание, с любовью покручивая древко серпа у себя в руках.

И вот утро неизбежное настало. Ждана отворила дверь, впустила в хату приятный морозный воздух, прошла по свежему снегу к сараю, распахнула высокие непослушные ворота, выкатила оттуда крупные санки, смахнула с них пыль, уложила поверх лопату и двинулась обратно к крыльцу. Вскоре рядом с лопатой был водружён куль, что-то замотанное в простыню и одеяло. Ждана собрала ещё кое-что из припасов и отправилась в сторону кладбища. Пробороздив санками останки истлевшего за ночь граба, она с удивлением вспоминала вчерашнюю ночь и странные свои помыслы, чуть не сбившие её с выверенной стези.

На кладбище она вырыла рядом с упокоенной матерью могилу, скатила в неё куль с санок и села рядом, утомившись от пахоты.

— Ну, знакомься, олахарь. Кровники все мои здесь. Матя, батя и муж. Некогда и мужики наши в дорогу наряжались, мать одну хотели оставить. Да не вышло. Теперь и ты будешь здесь с ними вечера провожать. Храбрым ты был, не голосил по-бабьему, улыбнулся лишь криво как-то, вздрогнул, да так и замер. Жаль, только имени твоего не узнала. Что на кресте-то теперь нацарапаю?..

Подноминация "Любовь"

Инга МАКАРОВА (г. Санкт-Петербург, Россия) — поэт, прозаик, бард. Победитель и дипломант различных литературных и бардовских фестивалей, лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Малая проза", подноминация "Любовь" (1 место).

ДВОРОВЫЕ ИГРЫ

У каждого дерева во дворе было имя: когда в 60-х годах город набухал по краям пятиэтажками и люди радостно перетекали из коммуналок в эти, ещё не обустроенные, но такие уже свои квартиры, в каждом начал просыпаться садовод, цветовод, деревовод... Ещё не был убран строительный мусор, а дворы уже прорастали первыми саженцами: вот бабы Манино деревце, вот тёти Женино... Тёти Женин сын Борис привёз из леса (о, у него был свой "Запорожец"!) берёзу, довольно не маленькую, привязал вот к багажнику и привёз. И посадил. И выросло оно — Борино дерево.

60-е... Время надежд... Дворы забиты малышней. Классики, штандер, выбивалы... Бабульки в платочках сидят на скамейке - кинотеатр 60-х. Партер. Среди строительного мусора — огромная лужа. По луже носится полторагодовалая девочка в платице и домашних тапочках. Ух, брызги! Ух!! Это я. Улизнула из дома (о, счастье свободы!) в неплотно закрытую водопроводчиком дверь. Бабушки смотрят с интересом. Чуть в стороне — открытый люк, но он ведь в стороне! Из парадной выбегает мама, хватается, тащит (зачем? почему? брызги ведь!), кричит на бабушек... Счастливое дворовое детство!..

Мне три или чуть больше. Уже гуляю одна без взрослых, моя мама только просит старших детей присмотреть за мной. Я ношусь с ними (за ними) по микрорайону и чувствую себя совершенно счастливой. Правда, я всё время отстаю, и ребятам приходится меня ждать. В итоге меня сажают в лесополосе в кустах, на краю канавы с водой, и велют никуда не уходить. Земля сырая, весна... Холодно... Я жду, но никто не приходит, начинает темнеть... Дальше — провал. На какое-то мгновение прихожу в себя — меня несут на руках. Это мама. Она почему-то бежит. Потом — тёплая вода. Меня окунают в ванну, в памяти больше ничего нет, только ощущение тепла... Меня нашли уже в сумерках, увидели среди веток мою красную вязаную шапочку. Её мне связала моя бабушка. Шапочка была похожа на будёновку — с такой высокой пимпочкой на макушке. Не знаю уж, почему бабушке пришла в голову именно такая форма. Возможно, сыграло роль то, что в далёкие времена, в Гражданскую, её папа служил начальником санитарного поезда, а возможно, она просто не справилась с выкройкой, но, как бы то ни было, шапочка получилась именно такой, какой получилась. Когда мне будет четыре с половиной, благодаря ей, я стану красноармейцем.

На "будёновку" наклеят звезду, вырезанную из тетрадного листа и закрашенную красным карандашом. И ещё у меня будет флаг, родиной которого станет всё та же тетрадка. Поскольку закрашивать его было значительно дольше, бабушка просто написала на нём слово: "красный". Увы, не все мои дворовые приятели умели читать, и потому я сразу стала "белогвардейцем". С флагом пришлось расстаться, но характер эта история, несомненно, закалила.

Мне пять. Мы играем в магазин (какой прекрасный укроп из листьев ромашки!) и ещё делаем "секреты", играем в "хали-хало", в "колечко-колечко"... И в "ножички"! Какое-то невероятное количество игр и друзья мои дворовые Алёшка и Вовка. Ободранные коленки, синяки и ссадины. Я мечтаю, когда вырасту, стать пацаном. А пока — отчаянно дерусь, лучше всех играю в "ножички", режу себе пальцы на спор, чтобы никто не подумал, что я боюсь...

По вечерам бабушка пытается перевести мою активность в мирное русло: мы играем в "морской бой" и "крестики-нолики". Я терплю. Но бабушку я очень люблю, а она говорит, что тихие игры мне в жизни тоже пригодятся...

Мне сорок. Дочери моей пять. Я стала врачом, и живу там же, где выросла — в моём старом, любимом дворе. Двор стал тихим: дети играют теперь в тихие игры. Так же растут за домом ромашки, но никому не приходит в голову варить из них суп... Нет многих моих соседей — кто уехал, кого нет уже в живых... Нет уже и многих деревьев: бабы Манино спилили три года назад, Борино и тётки Марусино — в прошлом году. Сначала двор бурно реагировал — мы писали заявления и жалобы, ходили на приём к муниципальным депутатам и даже становились под деревья, когда приходила карательная техника. Но нельзя всё время жить под деревьями — мы уходили на работу, а когда возвращались, нас ждали свежие пни. Так уходили в прошлое деревья моего детства, а с ними и совсем покидали двор те, кто их когда-то сажал. Выходя во двор, мы вдруг обнаруживали на стволах метки — кресты и круги. Очень быстро стало понятно, что это значит: или дерево идёт на спил, или обрезается. Порою, обрезается безжалостно, но не до смерти. Ничего личного — работы по "благоустройству"...

Между появлением меток и наступлением "события" обычно проходило довольно много времени, как будто нам давали привыкнуть к мысли о будущей пустоте. Любые жалобы и попытки активного противодействия только увеличивали количество крестов и букв "О" на стволах. Двор, пройдя стадии возмущения, затем негодования и истерики, начал постепенно впадать в апатию...

Однажды я вышла из дома и увидела крест на бабушкином дереве. Остановилась. Обессиленно замерла... Я уже давно ждала этого. Ждала с ужасом и тоскою...

"Мамочка, мамочка! Это дяденьки с нами в крестики-нолики играют?.." Моя дочка... "Да, дорогая... Играют..."

Так начались мои тихие игры (вот, бабушка, они мне в жизни игодились!). Я принесла кисточки и краски и стала закрашивать крест, пытаясь воссоздать цвет коры. Кора впитывала краску, но я приходила снова и снова. Так бабушкино дерево осталось жить.

С тех пор я играю в крестики-нолики. У меня два чемпионата — весной и осенью: я закрашиваю кресты на деревьях в нашем дворе. Если совсем закрасить не получается, рисую поверх него нолик, и дерево только обрезают. Я давно поняла, что отбраковка деревьев идёт бессистемно, главное — освоить их количество по району. Но ещё я понимаю, что бесконечно так продолжаться не может. Однажды я приду с работы, и меня встретит пустота.

И да, я жду это с ужасом и тоскою.

Но, может быть...

Тихие игры. Тихие дворы. Затишье...

Николай ИВЕНШЕВ (ст. Полтавская Краснодарского края, Россия) — член Союза писателей России. Автор 25 книг стихов, прозы,

публицистики. Обладатель нескольких литературных премий, победитель различных конкурсов, лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Малая проза", подноминация "Любовь" (2 место).

ТРЕПЕТ ТАЙНЫ

Добрый Дед сурового вида, владеец всей этой цветущей прелести, сдвинул кустистые брови и ткнул толстым пальцем в сторону леса:

— В лес глубоко не заходите, змей в этом году рясно.

"Рясно", как вишен в саду.

Добрый Дед положил свою тяжёлую ладонь на Ленины коленки:

— Мне только и остаётся, что женскими ногами... Глядеть на них...

Окуневу было это неприятно, неприятен был и юмор хозяина, взглянувшего на джинсы корреспондента Королькова.

— У тебя ширинка расстегнута, птичка вылетит!

Надо было терпеть и переключаться. Он со счастливым сердцем подумал, что вот эта "тайная Лена" — самая красивая женщина здесь. У неё прямые каштановые волосы, глаза то ли синего, то ли зелёного отлива. Всегда эти глаза смеялись, даже в моменты грусти. То есть эти глаза оставляли надежду на лучшее.

Никто не подозревал об их отношениях. В принципе, в этих отношениях ничего такого плотского и не было. Они просто разговаривали. Порой он тайно гладил её пальцы. Раз в три они целовались, когда все уходили на обед. Целовались воровато, с оглядкой на дверь.

В ней сохранился детский наив. Он понял это тогда, когда Лена рассказывала про свою крохотную дачу в сибирском посёлке, как они с матерью выходили на весеннее солнышко. И половицы на крыльце приятно грели и слегка щекотали ступни. Что в этом особенного? Но этот короткий рассказик колыхнул сердце: "Как она мила!"

Добрый Дед посоветовал всем пить как можно больше кумыса и отчалил на своей тяжёлой блестящей чёрной "Волге".

У нас такое милое свойство: на природе надо как можно больше есть, а дома — как можно больше говорить о любви к природе. Посему все сосредоточились на сумках, выкладывая снедь на длинный дощатый стол, расположенный под густым клёном.

Всем было невдомёк, что Володя Окунев и Лена Мельникова исчезли из этой

компании. Они пошли на бережок, где бултыхалась тёмная, как Дедова машина, только что просмолённая лодка.

— Спасение от змей. Уж тут-то они нас не достанут, — блеснула глазами Лена и первой прыгнула в качающуюся посудину. Плюхнувшись на тесную скамейку, они сразу стали целоваться, погасив в голове все мысли. При этом не так, как в "конторе", а жадно. Ведь здесь природа. А природа всегда благословляет влюблённых. Это, кажется, он изрёк в перерыве между поцелуями. А она ответила:

— Как ты пошёл!

Сказала это не осуждающе, даже поощрительно.

— А слабо нам в лесу! — с дрожью в голосе проговорила она, отдышавшись от очередного затяжного объятия. — Опасность нужна.

— Ничуть не слабо! — Окунев ухватил её за запястье и выдернул на бережок.

Лена послушно, словно сомнамбула, двинулась к недалёкой опушке. За ним. Деревья здесь были разные, малорослые. И всё было схвачено весенним, размашистым кустарником и вязкой травой. И трепетом тайны. И жаждой опасности.

И чего греха таить, Окуневу и в самом деле было боязно волочить ноги в плотной траве. Ей же ей, на гадюку наткнёшься. Ойкало внутри. Змеи весной злые, плотному как голодные. Но однако же... Странная мысль вцепилась в его мозги:

— А тогда ведь, при сотворении мира, свидетелями платонических отношений Адами и Евы были одни лишь змеи. Хм-м, это змеи их совратили! Ясень пень. И за счёт этого появилось всё человечество, в том числе и раб божий Владимир, и раба божья Елена.

— Молчи, молчи! — она опять уткнулась в его губы, прошептав: — Я чувствую это!

И они упали в траву. Он было потянулся туда. Но Лена, ласково погладив, убрала его руку.

Они только целовались то ласково, то ожесточённо. И от опасности, что, как пел когда-то сиплый, модный баритон "Змеи, змеи кругом", эти поцелуи были ещё слаще, ещё желаннее.

Грех ли это?! Да, грех! Ведь и у неё был муж — начавший лысеть, с круглым животиком Саша. И у него была жена. И, в самом деле, бесценная жена, которую невозможно оторвать от сердца.

Но этот грех казался весёлым и радостным, желанным, потому как всюду разлито весеннее солнце, и ветер пахнет неизвестными цветами, и там, недалеко, волны плещутся о борт новейшей лодки. И от длинного стола с закусками раздаются весёлые слова. Да ещё и "А-у-у-у!". Видно, их ищут, чтобы всем вместе выпить и закусить.

Нет, конечно же, он не разобьёт свою домашнюю жизнь, не уедет с ней в Сибирь. С Леной, с этой красавицей с весёлыми, надёжными глазами. Он её любит, да, конечно, он жутко в неё влюблён. И целуются они с таким упоением, что змеи в кустах жмурятся от зависти.

ПЫЛЬЦА

Берег реки пах ученическим ластиком. Он был так же упруг, как бедро, на котором парила моя голова. Гелий внутри головы отобрал последнее сознание, оставив по закоулкам лишь скудные мысли. Одна из них была назойливой: "Сейчас я её поглажу".

Но я не погладил. Мы болтали без умолку.

— А что там, на другом берегу?

— Там чабер растёт, коровы пасутся. И система для полива травы.

— Фу, как это скучно!

— Мне тоже так кажется.

— А ещё дальше казаки дишканят.

— Что это?

— По-казацки — поют. От слова "дискант". А вот если от моста идти вверх, там речка Песковатка. Через неё шаткий мостик...

Наши велосипеды прильнули друг к другу, обнялись рулями. Не то что мы.

— Шаткий мостик, — она засмеялась. Чисто, не как все. — Интересно — Песковатка. Пищит, что ли?

— Пескари в ней пищат. В ледяной прозрачной воде машут хвостиками и пищат.

— О чём?

Хотел сказать: "О любви! О моей любви к тебе!" Но моя голова совсем потеряла ориентир, подумав: "Как это грубо! Об этом надо говорить другими словами. Лучше музыкой".

По серому, промокашечного цвета песку сновали муравьи. Они не трогали нас. Велосипеды не разнимали объятий.

Пахло не только ластиком, но и её загоревшей кожей.

Она подняла мою голову, взяла её, как берут чашу, и стала целовать долго и безумно, откидывая назад свои дымчатые волосы. Звали её Зиной... Или Зоей... Зоя! Зоя — жизнь, значит.

Я лет десять назад приезжал в станицу летом. Там всё так же звенели по вечерам сверчки, и старые яблони роняли с глухим стоном подгнившие яблоки.

Под яблоней за клеёнчатым столом сидели с другом школьных лет Пашкой Евдокимовым, пили чай с тем же хопёрским чабором. Я отважился спросить, где же Зоя Синякина.

Пашка помолчал, потом сказал

— Пыльца!

Он работал ветеринарным врачом. И я не понял его ответа.

— Пыль и пыльца всё... Наша школа, гитарист Волков, которого любили все девчонки. И Зоя твоя. Она вышла замуж за Сашку Маклака, да неудачно. Маклак калдырил. Она долго это терпела, не решаясь разводиться, таскала его из кустов, из бурьяна...Н-да... И потом сама... Нет, не спилась. Хворь её свалила. Насовсем. Знаешь, как траву косят за Хопром.

Я вспомнил, как те самые шолоховские крепыши косили траву — тут сто километров до Вёшенской, двадцать до Букановки: "Хээк, хээк".

Так косили, протяжно.

Пашка продолжал:

— Пыль ведь всюду, пыль да песок, вода.

— А как ещё, станица-то наша так и называется — Кумылга. Песок и вода с тюркского.

— А где те кочевые орды? — вздохнул Павел, поседевший, брудастый, совсем не тот, похожий на прямое, с крючком, сапожное шило. Как поддёрнет словом, мало не покажется.

— Пыль, песок, вода.

— Пыльца! — добавил я, вспомнив оглушающее внешний мир бедро Зои. Той Зои.
Упало тяжёлое яблоко. В небе дрожал татарский караван звёзд. Тянуло полынком от заросшей, обмелевшей Песковатки.

ЧИНАРИК

Самсонов не курил. Но какая разница. Всё равно перед отбоем послали собирать "бычки" возле казармы. Собирали он их вместе с нескладным костлявым солдатом Тутовым. Кажется, тот был подслеповат. Сейчас в армию берут всяких, в основном деревенских, ещё не очнувшихся от сна.

Близорукий, сонный Тутов всё-же собирал их проворнее. Его полулитровая стеклянная банка почти наполовину была наполнена искуренными остатками сигарет.

Антон Самсонов уже дослуживал свой срок, потому мог себе позволить расслабиться:

— Слышь, зём, уймись, всё равно медаль не повесят. Покури трошки.

— Я не курю, — радостно осклабился Тутов.

Всё же сели, привалившись к иссиня тёмному в рыжеватых подпалинах цоколю казармы. Кадык на длинной шее Тутова вздрагивал, остро торчали коленки. А серое лицо его то ли плакало, то ли улыбалось.

— Дембель в маю? — спросил Самсонов.

Он отлично знал, что в мае. Но спрашивал для того, чтобы завести разговор. Мишка Тутов это понял:

— А мне письмо пришло.

— И что, Мишель, что пишут?

Почта в части давно уже не в моде. Все давным-давно прячут мобильники. На это начальство закрывает глаза. Прогресс.

Нет, всё-таки Тутов улыбался. И рассказывал: "От неё письмо, от Мариночки". Он достал из-за пазухи листок. Стал читать, снабжая паузы испуганными улыбками. В письме говорилось о том, что Мариночка выходит замуж за Андрея Берсенёва, который уже отслужил и работает теперь на стройке подсобником. Ситуация традиционная, хорошо, что Самсонов никого на гражданке не оставил. Кроме матери, естественно. Необычно было то, что Тутов радовался этой ситуации и искал поддержку у Антона. Что ж, пожалуй, следует поддержать.

— Это хорошо, — одобрил Тутов. — Лучше раньше это узнать. Видишь, честная девушка Марина твоя.

— Да, честная, — обрадовался Тутов. — Сама сообщила. Она меня поцеловала, когда я уже в автобус садился. Толпа прёт, пьяные все, а она меня из толпы выдернула и в губы впиалась. Не забуду, грит, никогда.

— Она и не забыла — вишь, письма пишет.

Что он говорит?! Вот это поддержал! Какие письма — "замуж выходит"...

— А он, знаешь, Андрюха-то Берсенёв — красивый парень. Сильный. Штангу в огороде своём ворочает.

"Какую бы кличку дать этому толстовцу, — подумал Тутов. — Блаженный? Да, блаженный. Чему лыбиться-то? Выпросил бы отпуск да нагрязнул бы на свадьбу. Ну и что, что штангу ворочает. Врезать в морду всегда можно".

Самсонов взял деловой тон:

— Ну, давай опять на сбор земляники, а то Тимофей прикопается.

Тимофей — замкомвзвода.

— Я генерала ни разу не видел, неужто придется смотреть на наши порядки? А ты видел генерала?

— Видел, ещё какого. В лампасах, в бурке...

Самсонов улыбнулся наиву — горе ведь у парня, а он генерала хочет увидеть. Никакой он не Блаженный, Чинарик он. Вот как в этих банках. Смолоду докуренный.

Уже смеркалось. Мишель помог добрать банку с окурками старшему по возрасту и призыву. Парень он был хороший. У себя там в деревне трактористом был. И здесь на танк посадили. Старый танк, "застиранный", как Мишкино хэбе. Но солдатик его отрегулировал, не стучит, не громыхает, а словно электрическая, детская игрушка. Танцует танк.

Утром ждали генерала. В казарме хором ликвидировали последние соринки. Но генерал так и не приезжал. Зато в расположение ворвался капитан Маковкин, с красным испуганным лицом. Но лицо это стало багровым. И лицо орало — в ружьё.

Кинулись в оружейку, сбивая, толкая друг друга. Так истошно орал Маковкин.

Оказалось, надо было взять танк. Свой. В танк этот каким-то необъяснимым образом забрался солдат Тутов. И у него в руках граната-лимонка. Ползком, перебежками человек тридцать подбирались к заведённой машине. Из люка отчётливо ясно было видно: тёмный силуэт размахивает рукой. Да, в руке что-то зажато. Камень, должно быть. Откуда у солдата лимонка.

Ветер доносил хриплые, надрывные клочья слов.

— Хо...ди...те! Ма...рина.

Это можно было разобрать.

Когда приблизились метров на тридцать и припали к земле, прозвучал взрыв. Самсонову он показался глухим, словно под каким-то одеялом. Он взглянул на небо. Живой. И увидел как все, почти все, ринулись к месту взрыва.

Капитан Маковкин не стал давать оголтелых приказов. А вяло спросил — он знал, что ему грозит — были ли у рядового Тутова друзья. Их не было. Откликнулся лишь Самсонов. Но какой он друг...

Антон Самсонов и ещё двое — фельдшер на гражданке Земнухов и аптекарь Поликсёдов — стали убирать всё, что осталось от Мишки Тутова. Лимонка разнесла его на разные кусочки. Складывая в цинковое ведро часть кишечника, Самсонов пошатнулся. Его вырвало. Но мимо ведра.

В каптёрке всем трём выдали по сто граммов неразведённого спирта.

— Анестезия! — ворчал башкир-копёрщик Сулейманов, — привыкайте к боевым условиям.

Сулейманов всем рассказывал, что он воевал на второй чеченской. Врал, скорее всего...

Валентина ЯРОВАЯ (г. Щёлкино, Республика Крым, Россия) — поэт, прозаик, член ОО "Союз писателей Республики Крым", клуба фантастов Крыма, Международной общественной организации "Союз писателей и мастеров искусств", член творческого объединения "Skruv" (сотрудничество поэтов и писателей Украины, России, Швеции). Автор трёх

книг. Победитель нескольких литературных фестивалей. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Малая проза", подноминация "Любовь" (3 место).

ЛЮБОВЬ МОЯ — КАЗАНТИП!

Есть одно из самых любимых мест моих на земле, где я нахожу благодать, покой, очищение. Это небольшой клочок её, выдающийся в Азовское море на несколько километров, образующий полуостров, который называется Казантип. В самом названии этом есть что-то таинственное, необычное. И не только в названии. Поражает первородная, дикая красота каменистой пустыни. Когда заходишь вглубь её, то кажется, что, кроме ветра, почти всегда дующего в этих местах, камней, поросших лишайником и мхом, выгоревшей на солнце травы, здесь ничего нет. Но это на первый взгляд. Стоит внимательней присмотреться, и тебя захватывает причудливость и разнообразие цветовой гаммы раскинувшейся перед тобой степи. В ярких солнечных лучах серебрится ковыль, янтарным блеском сверкают кустики мелких жёлтых цветов, белый выюнок стелется, колышутся головки степного мака. Неотразимы склоны внутренней котловины, украшенные лилово-голубыми бусинами цветущего перекатиполя. Он, ближе к зиме, под резким порывом ветра срывается и летит, летит, рассыпая свои семена по всему полуострову. То тут, то там выглядывает из травы нежный глаз василька...

Пустынно, тихо вокруг, только за холмами, откуда доносится еле слышный шум прибоя, — своя жизнь. Всё побережье изрезано трещинами-оврагами, образовавшими множество бухточек, где царствуют тень, полумрак. Кажется, стоит раздвинуть ветви кустарника, густо растущего на склонах, тянущихся к воде, и можно обнаружить загадочные пещеры, ведущие к центру Земли, и населённые фантастическими существами — кентаврами, увидеть русалку, греющуюся на камне под ласковыми лучами солнца. А дальше — продолжение легенды.

Оживают ясными ночами, когда лунная дорожка ложится на водную гладь, и древнеегипетская царица Нефертити, профиль которой запечатлён на поднимающейся из моря скале, и верблюды с погонщиком, что в виде камней-островов

спешат к берегу. На западном побережье начинают возню и погружаются в воду гигантские крокодилы — мысы, далеко уходящие в море...

И начинаешь чувствовать какую-то сакральную связь со всем этим. Задумываешься о смысле своего существования на земле, появляется желание творить. Космос вселяется в твоё сердце, всеобъемлющая любовь ко всему, что вокруг, радость заполняют его. И ты уже ощущаешь себя не только жителем нашей прекрасной планеты, но и Вселенная открывается перед тобой во всей своей красоте, необъятности, таинственности, в своём величии!

Андрей НОВИКОВ (г. Липецк, Россия) — поэт, прозаик, журналист, член Союза писателей России. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Публиковался в различных СМИ России. Победитель и дипломант нескольких литератур-

ных конкурсов и фестивалей, в том числе международных. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Малая проза", подноминация "Юмор" (1 место).

СТО ОДНА КЛЯУЗА

В этот летний день в посёлке Бредкино была очередь писателю Капитанкину коров пасти. Пастуха в посёлке не было, и все жители, кто коров держал, пасли по очереди. А жена писателя Капитанкина шесть коров завела, дачникам из столицы молоко продавать. И что было ей делать, коли муж нигде не работал — он же писатель, — а в доме пятеро детей.

Надел писатель Капитанкин чёрный костюм, голубую рубашку, галстук в горошек повязал, да чёрные лакированные ботинки, подаренные племянником, на босу ногу напялил и ещё фотоаппарат "Виллия-авто" с боку прицепил. Стоит с кнутом в прихожей возле зеркала, кудрявую шевелюру начёсывает, а жена уж тут как тут:

— Ты куда, придурок, коров пасти так вырядился?

— Ты глупая, недалёкая женщина, — сурово ответил жене писатель Капитанкин и даже пальцем погрозил, — неужели не понимаешь, что я — писатель? И я должен прилично выглядеть. Как я могу, как простой пастух, коров пасти, все должны видеть, что я — писатель!

Детство и юность писателя

Жизнь у писателя Капитанкина всегда суровой и трудной была. Больше всего любил писатель Капитанкин в детстве со спичками баловаться. То стог сена подожжёт, то дом, то детсад, то школу. Потому архивов о его пребывании в этих учреждениях доподлинно не сохранилось. Одни легенды, сказки, были и саги. Односельчане писателю Капитанкину шалости эти всегда прощали, считали, что пиromanия его служит заменой полового удовлетворения. Умелым мальчиком писатель Капитанкин рос. Велосипед деревянный смастерил с колёсами из железных мисок. С горы покатился, да в берёзу лбом угодил. Тормоза не сообразил поставить.

А самые тёплые воспоминания о первой учительнице остались. Один раз в родную деревню заехал, хотел её повидать. К деревне подходит, видит, какая-то пьяная баба с зелёного бугра катится. Присмотрелся и обрадовался: "Да это же моя первая учительница — Марыванна!"

Любили в те времена праздники. На Октябрьскую и Первомай по три недели гуляли, каждый день в новой избе. А если из гостей идут и не кувyrкаются — значит, плохо угощали. Не боялись шумно гулять — здравпункт в деревне был, советская власть о здоровье крестьян хорошо заботилась, местный фельдшер всегда здоровые поправит. Даром, что армянин, Амбарцум Саркисович. Бабы его по-простому звали "Амбар Сараич".

Поначалу противился фельдшер, конфузился очень:

— Вы, бабы, как угодно меня называйте, только с постройками не путайте!

Но потом привык, прижился, теперь тоже с красным носом и в телогрейке ходит.

С женским полом в юности писателю Капитанкину не очень везло. Пригласил одноклассницу на первое в жизни свидание за гумно, да и пукнул нечаянно. Пытался казус исправить, всё подошвой по траве чиркал, а звук, как назло, всё время не тот выходил. Вот и не пришла к нему больше зазноба вечерами на звёзды смотреть.

Однако заметили селяне, что отрок растёт нравов строгих, и основательный очень. Спросишь что, а он голову долго чешет, вроде, как полным дурачком прикидывается, а сам соображает задним крестьянским умом, как лучше и заковыристей ответ держать, а потом его и в письменную форму укладывать научился и публиковать в местной газете в стихах и прозе. Так он и стал писателем Капитанкиным.

Писатель и иностранцы

В эти же молодые годы иностранцев писатель Капитанкин шибко не полюбил. Приехала к ним в колхоз немецкая делегация по обмену сельскохозяйственным опытом. Ну немчура и давай над словом "колхоз" потешаться, дескать "коль" — по-ихнему — "капуста", а "хост" — штаны. Вот и выходит, что наш "колхоз" — это по всем признакам — немецкие капустные штаны. А потом и вовсе ехидно говорят:

— Вот мы у себя работаем, чтоб жить, а вы тут живёте, чтоб работать!

Смолчал тогда писатель Капитанкин, только желваки на щеках перед немчурой катал.

Но многое в той советской жизни он тоже не понимал и не принимал. Например, почему районная газета называется "За изобилие". Какая-то двойная мораль в этом сквозила. Ибо "изобилие" писатель Капитанкин ещё как-то мог представить: сапоги кирзовые, телогрейка новая с каракулевым воротником, каждый день макароны с киселём на столе, шмат сала, да четвертинка вечером. Наконец, мопед "Верховина" с двумя скоростями и приёмник "Спидола". Это чтоб по деревне возле клуба гоголем тарыхтеть и доярок завлекать. А вот что означает понятие "за изобилие"? Большая загадка. Никак его писательский ум такого простора потребительского охватить не мог.

Писатель и овчина

А ещё в те суровые времена из колхоза на работу или учёбу в город трудно уехать было. Паспорта в сельской местности не выдавали. Вот и пришлось писателю Капитанкину сумасшедшим притворяться. Залез он на русскую печь и стал,

молча, овчину жевать. День жуёт, второй жуёт и на вопросы односельчан упорно не отвечает. Только нежно блеет. Связали его верёвками и в той же овчине срочно свезли в психиатрическую больницу. Врач молоточком ему по лбу сильно стукнул и сурово спросил:

— А что тебя, паренёк, ещё беспокоит?

— Когда Святое Писание читаю, разные эротические мысли возникают, — пуска слюни, отвечает писатель Капитанкин.

Хитрый был доктор, всё понял, пожалел пациента и из колхоза в городскую жизнь выдернул, даже в ПТУ на электрика учиться пристроил.

Как писатель облысел

Пошёл писатель Капитанкин на пруд от злой многодетной жены утопиться. Видит, а на середине водоёма нутрия плавает. Нутрий его сосед разводил, стало быть, клетку животного прогрызла и убежала. Раздумал писатель Капитанкин топиться и полез в воду нутрию ловить. Залез в пруд, размышляет, дескать, обменяю я эту нутрию у знакомой демократки на квочку, цыплят выведу, будут в доме куры — будут яйца и суп из сладких петухов. Подплывает он к нутрии, а она его не боится, смотрит на писателя Капитанкина злобными красными глазами и жёлтые клыки скалит. Голыми руками в воде нутрию не взять. Поплыл писатель Капитанкин обратно к берегу, а нутрия — за ним, и давай его за кудри хватать. Орёт писатель Капитанкин, а сделать ничего не может, только воды от боли нахлебался. Так он влез в пруд кудрявым, а вылез на берег лысым. Но нутрию он через несколько дней всё же поймал сеткой из-под картофеля и на квочку злобную животину поменял.

Писатель и яйцо

Приехали на выходные дачники-москвичи, чей дом по соседству с писателем Капитанкиным стоял, крыльцо в крыльцо. Жарят москвичи в духовке курицу-гриль, аромат аж по всему посёлку стоит. Только за стол сесть собрались, а в калитку писатель Капитанкин вбегает. Бледный, глаза сверкают, ноги у него босые и чёрные, как головёшки, и кричит:

— Вы тут развлекаетесь, музыка с утра играет, час дня, а я ещё ничего не ел! — сказал он это и москвичам руку протягивает, а в руке куриное яйцо.

А сосед говорит:

— А сколько у тебя кур, что ты мне яйцо показываешь?

— Пятнадцать.

— Почему не ел? Пять яиц разбил, да яичницу себе пожарил, чего ж ты голодный?

— Да жена в церковь ушла, а я посыпку коровам заваривал...

Сосед молча протянул ему сочную куриную ножку и кусок батона.

Ест её жадно писатель Капитанкин и не унимается:

— Выключите музыку, приехали и веселитесь, а меня всё это раздражает, я нервный человек, и музыку не люблю. Я здесь хозяин. Тут много негодяев живёт, меня все раздражают.

— Ты очень хороший хозяин, — только и ответил сосед, — а почему у тебя на участке овца гуляет, наполовину острижена, на улице такая жара?

— Я писатель, у меня нет времени овцу достричь. Даже у двух коров копыта гнилые, лежат на дворе, и встать не могут.

Пожалел сосед животных, овцу писательскую достриг, а коровам копыта марганцовкой промыл и гниль с копыт обрезал.

Писатель и земляки

В родной деревне он появился в начале февраля в изъеденном молью полушубке, в рваных башмаках на босу ногу, со старой пишущей машинкой "Москва" и с картонной коробкой, полной порнографических журналов.

— Вот видишь, жёнка выгнала, — сообщил он мамаше. — Не кормила она меня ни в прямом, ни в сексуальном смысле.

И правда, ел писатель Капитанкин через каждые полчаса. Просил оладьи, жареной на сале картошки. И постоянно мёрз:

— Мамаша, подтопи печь, я что-то озяб.

За стол сядет и начинает носом шмыгать. Мамаше показывает, что есть хочет. Напечёт ему мамаша оладьи, много съест, аж вспотеет:

— Ох, что-то я устал.

— Да ты что? Есть, что ли, устал?..

На старой печатной машинке печатал он каждый день письма — ответы на брачные объявления. Отправлял в день штук по десять. Соседи думали, на работу ходит.

— Да на какую работу, — сокрушалась мамаша, — на почту он ходит с письмами и новую невесту ищет, новую дуру.

Сидит писатель Капитанкин, пишет письмо очередной невесте из газеты брачных объявлений, а в избу заходит одноклассник:

— Здорово, Колюха!

— Прошу не оскорблять: я не Колюха, я Николай Семёнович!

Уж и мамаша его урезонивала:

— Не веди себя так, мужики и побить могут.

Испугался писатель Капитанкин, дубинку из осинки выстругал, да гвоздь в неё вколотил — от земляков обороняться. Так с дубинкой на почту и ходил. Три месяца кормила его мамаша, всё ждала, когда он новую невесту найдёт. Даже старые солдатские ботинки у соседа выпросила, в растительном масле вымочила и молотком поддолбила — так сильно они усохли. Ничего, в пору пришлись ботинки.

Выпроводила его мамаша обратно к жене. Провожала на железнодорожном вокзале. Пошёл писатель Капитанкин в туалет и тут же вернулся — не могу, дескать, нужду справить, на меня все смотрят.

— Да кому ты нужен, — удивилась мамаша, — снял штаны и делай своё дело.

Ходит писатель Капитанкин вокруг мамыши, пальцем грозит:

— Я заметил уже давно, в деревне ты со мной грубо разговариваешь.

— Так зачем же ты тогда ко мне приезжал? — недоумевает мамаша.

— Ты не понимаешь, я писатель, я член союза писателей, меня в ростовскую писательскую организацию приняли за книгу "До ветру".

— Пороссячий ты член, — рассердилась мамаша, — возьми ливерную колбасу в дорогу и больше ко мне не приезжай.

А как вернулся к жене, случилась у него встреча не только с женой и детьми, но и с непознанным.

Проснулся писатель Капитанкин ночью, пошёл в туалет. А там стоит инопланетянин метра два ростом, глаза горят у него красные, и мысленно говорит писателю Капитанкину:

— Вы очень хороший человек, умный, я вас забираю сейчас с собой на другую планету.

После этих слов писатель Капитанкин оказался в летающей тарелке.

А инопланетянин снова мысленно внушает:

— Не бойтесь, мы утром доставим вас опять на Землю.

Секунды три прошло, и уже писатель Капитанкин на другой планете, увидел очень красивый город, весь в зелени, люди двухметрового роста, как мужчины, так и женщины. Встретили прекрасно и опять мысленно внушили:

— Мы будем с вами иметь контакт, нам такие люди нужны, будем с вами мысленно общаться и навещать вас.

И внушили они писателю Капитанкину:

— Вокруг вас в посёлке Бредкино живёт много негодяев, завистников вашего таланта.

Под утро писателя Капитанкина инопланетяне доставили обратно в нужник на летающей тарелке.

С тех пор писатель Капитанкин, по заветам инопланетян, стал бороться с негодяями в своём посёлке. Боролся он с ними посредством писательского дара во всевозможные инстанции. Всего написал на жителей посёлка сто одну клязу.

Марина ЗВИННИК (г. Севастополь, Россия) — поэт, прозаик, журналист, кандидат в члены ИСП. Автор ряда публикаций в СМИ Севастополя и России. Победитель нескольких литературных конкурсов и фестивалей, в том числе международных. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Малая проза", подноминация "Юмор" (2 место).

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ БОМЖ

Севастополь — город особенный. Это даже и не город вовсе, а какое-то изумительно мягкое, искрящееся на солнце, пахнущее жасмином и сиренью, тёплое и весёлое существо. Что-то вроде чеширского кота с волшебной улыбкой шириной в Графскую пристань.

У меня в Севастополе — кума Веруня, обладательница роскошной кустодиевской фигуры, зычного голоса и неистощимого запаса тяжёлого военно-морского юмора. Она двадцать лет на подводной лодке каптенармусом прослужила и поэтому характер у нее "военный". А вообще-то, кума моя — "девчонка нежная", с дипломом культпросветучилища, и с ней не соскучишься. И мне, и всем моим родственникам и друзьям с Верой повезло. Поэтому, собравшись в отпуск, мы с сестрой Наташкой особенно и не думали, куда поехать. Конечно, к куме в Севастополь!

Веруня двух бледных северянок встретила бурно, минут пять тискала в своих знойных объятиях, и тут же, не дав передохнуть, заявила: "Девы, не расслабляться, быстро сумки бросайте, ноги — в руки и летите на квартиру к моей дочери. Она у меня сейчас в море, на вахте, поваром на корабле служит. А я к её приезду хочу ремонт закончить. Так что, если хотите жить в уюте — отмоете полы от извёстки, шторочки повесите, диванчик соберёте — больно хорошо будет. И меня, главное, стеснять не будете. Я гостей люблю, конечно. Но не до такой степени, чтоб вы мне тут голову морочили".

Нам с Наташкой к трудностям не привыкать, мы девчонки простые, навязчивым сервисом не избалованные. Без вопросов пошли в чужой квартире марафет наводить. Через два часа, злые, потные, запудренные известковой пылью, вылезаем на балкон покурить. А там — панорама — как на картинах русских баталистов! Бухта — рукой подать, корабли-яхты на горизонте серебрятся, воздух от избытка неба и моря ярко-синий. "Ты ж посмотри, красотища-то какая, волшебство! Просто не верится! Это же Се-ва-сто-поль! — нараспев говорит Наташка, — а мы тут, как две дуры, полы моем!"

Тряпки побросали и обратно к Вере.

Эксплуататорша для нас уже и стол накрыла, и бутылку шампанского выудила

откуда-то из недр дивана. Сидит, довольная, смотрит, как голодные, заморенные гости салатки уплетают, и подначивает:

— Что, девы, небось, по пляжам и аквапаркам шляться собираетесь, да крымское винцо попивать?

— Да нет, — говорю устало, — культурную программу хотим: в театр, к примеру, или, может, на Малахов курган.

Идею о Малаховом кургане Вера отмела сразу, а в драматический театр нам пришлось собираться в тот же вечер. Там как раз "Дон Жуана" давали. Наташка с Верой за билетами в театральную кассу пошли, а я на скамейке в скверике ждать уселась. Сажу с баночкой пива, по сторонам поглядываю. Публика на театральной площади гуляет самая разномастная, колоритная: загорелые голопузые девочки, мальчики в военно-морской форме, высохшие на севастопольском ветру старушки в панاماх, везущие в колясках утомлённых жарой внуков. Потрясающий ангелоподобный мужчина на аллее появляется как-то вдруг: лет на вид от двадцати пяти до сорока. Высокий, легкотелый, с длинными выщипанными золотистыми волосами, в красной майке и вытертых до белизны джинсах. За спиной несерьёзный рюкзачок болтается. Самый мой "гардероб", как сказала бы Вера. "Хорош, бродяга, — мечтательно вздыхаю я, — бывают же такие экземпляры".

А "экземпляр" между тем направляется прямо к моей скамейке, усаживается рядом, дышит на меня лёгким перегаром и на хорошо забытом, красивом русском языке осведомляется:

— Извините, мадам, ничего, если я тут с вами присяду? Вы показались мне смутно знакомой. Где я мог вас раньше видеть?

— Понятия не имею, я в Севастополе проездом, — отвечаю заинтриговано.

— Боже мой! Как я мог забыть! Ну конечно! Эти глаза, овал лица, полуулыбка! В Лувре! Я видел вас в Лувре! Не отпирайтесь — Мона Лиза, Джоконда! Вы что-нибудь слышали о высшем женском начале?

— Ну ещё бы, я читала "Код да Винчи", — отвечаю уже совсем по-дурацки, краснею и медленно отодвигаюсь.

— Нет, нет, вы не подумайте, я вас тр...ть не хочу, — а глаза такие синие-синие, ласковые. Ну вот, дожила — не хотят... Сразу становится как-то скучно.

— А чего же вам надо? — скорбным голосом спрашиваю я.

— Если вам не трудно, поделитесь глотком пива. Сушняк, а деньги как-то незаметно ушли. Ну, вы сами знаете, как это бывает.

"Ангелочек" жадно пьёт моё пиво, я давлюсь в приступе гомерического хохота, а подошедшие Наталья с Верой изумлённо наблюдают живописную картину. Пиво улётывается, мой удовлетворённый герой, рассыпая воздушные поцелуи и лучезарно улыбаясь, раскланивается и исчезает.

— И что это за ком с горы? — спрашивает Наташка.

— Это был всего лишь севастопольский бомж, — печально говорю я.

— Девы! Какой бомж! Это звезда местной театральной труппы! — трубит всезнающая Веруня. — Вот, в программку гляньте, он сегодня Дон Жуана играет! Пошли, а то третий звонок скоро!

На сцене мой "бомж" был великолепен. Он двигался сытым леопардом среди окружающих его героинь и страстно мурлыкал: "О, донна Анна!", а я слушала его хриплый голос и думала о том, как, наверное, у него болит голова. Вера кричала "Браво!", а Наташка весь спектакль просидела, затаив дыхание. "Какой мужчина! — постанывала она и теребила подлокотники красного бархатного кресла, — везёт тебе, Маня, на пьющих и нищих актёров!"

В антракте мы с Веруней сбежали за цветами и банкой пива для Дон Жуана...

Геннадий РЕШЕТНИКОВ (г. Киев, Украина) — прозаик, юморист. Лауреат IV и V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Малая проза", подноминация "Юмор" (3 место).

АПОКАЛИПСИС

У нас в семье дураков нет. Только полудурки. Верим во всё, даже в Деда Мороза. Поэтому и жизнь похожа на загадочный иероглиф — сами пишем, сами же и прочитать не можем. Вот и вчера, всё началось с юмористического рассказа Варфоломея Угрюмого "Кладбищенская тишина". Прочитали — побледнели. "Всем кранты!" — заявила тёща, вслух прочитав ещё пророчество астролога Васи-Тумана. И в очередной конец света поверили даже мы с тестем. Тесть сразу прыгнул в белые кальсоны, испуганно шепча:

— Надо успеть за водкой сбежать!

— Водка есть! — остановила тёща. — На всякий случай припасла. Инфляция.

О! К заначке с водкой помчались так, как в восьмидесятые за салями не гонялись. И, под лозунг тёщи: "Эх, поживём полдня, как люди!", распечатали "НЗ" — "Бычки в томате".

И началось. Даже не пьющая тёща хлебала водку так, что из телевизора высунулись верблюды, чтобы посмотреть. И один сдох от изумления.

Газеты больше не читали. У них апокалипсис на носу, а у нас водка не допита.

В общем, компания сложилась очень тёплая. Через час — уже чуть тёплая. А ещё через полчаса тесть чужого мужика в зеркале заметил и кинулся выгонять. А мы за тестя — горой. И только приступили к делу, взвод барабанщиков явился. Встал вдоль стен и всю ночь... Без перерыва... Даже черти по углам оглохли. Просили барабанщиков унять. А нам же некогда, у нас чужой мужик в хате.

И не выгнали, пока зеркало не грохнуло.

И только-только от чужого алкаша избавились, только в организмы кинули по капелюшечке, двухсотграммовые — инопланетяне через форточку припёрлись. И давай по подоконникам скакать. Жена выручила. С возгласами: "Я — экстрасенс!" стала изгонять их пассаами Елены Ваенги. А эти нахалюги три раза возвращались. Нам трижды водку приходилось прятать. Потом её ещё искать. Пока не догадались форточки закрыть.

И снова только "статус-кво" в себя... Из таза... Чтобы быстрее... Из-под дивана гномы вылезли и уселись Белоснежку ждать. Тесть сразу крикнул: "Водки нет!" И показал всем кукиш. А тёща тут же им призналась, что это она Белоснежка, и

пустилась с ними в пляс. Тесть прищурился: "Это не танцы, это хоровод в дурдоме". И пообещал морды гномам всем набить. Из ревности.

Но они разлеглись на потолке, и стали ему рожи строить. Думали, мы их не достанем.

А мы их пылесосом. И пылесос — в окно! Двенадцатый этаж — хрен теперь вернутся.

Ох и денёк... Закусить не успевали. Одна только радость и была, когда примчалась эта, в ступе и с метлой. Ужас, какая красивая. Жена и тёща всё испортили. Сбили шваброй и устроили разборки.

А я посмотрел трезвым глазом на всю эту интеллектуально упавшую публику, уполз с бутылкой водки в туалет, закрылся и "ушёл в нирвану". Здесь меня черти не найдут.

**Лауреаты первого Международного
литературного конкурса
им. С. Н. Сергеева-Ценского
в номинации "Историческая миниатюра"**

Галина ЛОБОДИНА (ст. Романовская Волгодонского района Ростовской области, Россия) — журналист, поэт, прозаик, публицист, член Союза писателей России. Лауреат литературных региональных конкурсов им. В. В. Карпенко и М. А. Шолохова, дипломант Международного литературного конкурса "Большой финал". Лауреат Первого литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации "Историческая миниатюра" (1 место), проходившего в рамках V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

НА АЗОВ!

К рассвету ждали пластунов. Три брата-запорожца — Павел, Иван и Микола Шкоды — отправились ещё позапрошлую ночь к Азову "в секрет" и должны были вернуться с вечерней зарёю. Но серпик луны за прибрежным лесом уже стал истаивать, одна за другой — вянуть звёзды, и даже Большая Медведица переместилась к востоку и так низко легла на небе, что казалось, вот-вот зачерпнёт воды из Дона большим своим ковшом, а "охотников" всё не было, и казацкие дозоры доносили раз за разом, что со стороны Азова шлях чист, тропы, распадки и укромные урёмы тревожат лишь зверь да птица.

Атаман Михайла Татаринов, он же и походный атаман, подремал, как кочет на насесте — всего чуток, да и то вполглаза: где тут спать, ежели в Монастырском яру светло и шумно во всю ночь, как днём божьим, ежели атаманы то и дело хлопают дверьми куреня, ежели нудными цимбалами стонут, не переставая, высокие приступки, а на крыльце — несмолкаемый и весёлый перезвон — всенощная чьих-то острых сабель.

— Не журысь,* — в пятый раз повторял одно и то же запорожский кошевой Омелько Вернигора и чмокал в растворе саблей, крутя её так, что солёные брызги скакали ему на жупан и доставали до широкой лавки, где под образами сидел Татаринов. — Хутче** моя шаблюка не заржавие, нежели хлопцы мои — запорожцы — до свитанку*** не пидоспиють****.

— А может, попали в полон, а может, турки все броды заняли, и они дожда-

* журитися — переживать

** хутче — быстрее

*** свитанок — рассвет

**** не пидоспиють — не успеют

ются доброго часу, — рассуждал вроде бы сам с собою раскидистый умом, хоть и молодой ещё летами есаул Осип Петров.

— Не-е-е, дуром они не попрут. Не на тех напали, — вставил и своё слово державшийся за бровку входа Фёдор Черкашин. — Не дарма слухом об их земля полнится, не дарма передавали турки, что за головы Шкод, особливо за среднего, за Ивана, дадут золотых две тысячи чистоганом.

— Енто правда, — закивали головами атаманы, дожидаясь возвращения пластунов, а с ними — рассвета, с которым рать выступала в свой великий, без обратного хода путь.

...Павел, Иван и Микола Шкоды научались своему "охотничьему ремеслу" не от кого-нибудь, а от своего кровного батьки Василия Шкоды. Не одним сынам толковывал Василий казачье "секретное радение" и "пластунский — смертушки родимый братец — лихой забубённый талант".

Целый курень на Сечи прозывался не как-нибудь, а Пластунский по той причине, что едва ли не каждый третий, проживавший в нём, ходил в порубежные секреты, умел "замертво" лежать пластом, сливаясь с землёю, травой, всем видимым и невидимым миром, умел цельно, без промаха стрелять "на хруст" из лука и пистоля и, вдобавок, не оставлял за собою следов.

Когда Василий Шкода, настрадавшись от полученных ран, с миром преставился (доставили его умирать побратимы в "казаческий" монастырь по воле покойного), слава о сыновьях-погодках знаменитого пластуна Василия Шкоды гремела не только среди запорожцев и братьев-донцов, но и по всему поморью, всему Османскому царству.

Особенно "докучал" Иван. Невысокий, худощавый, как и остальные братья, смекалистый и весёлый нравом, он, бывало, пробирался в самое логово врага и, владея языками — ногайским, турецким, татарским, — зная обычаи и нравы улусцев со всей Анатолии, незримой, неведимой тенью уходил из-под носа чуткого "джимураза" даже тогда, когда тень эта мерещилась везде и повсюду, нагоняя животный страх и заставляя усиливать и без того неприступные кордоны. "Иван нанёс шкоду, — бесились турки, прознав после набега на них запорожцев, что все-то их секреты, все-то их слабины выведал Шкода. — Но подождь, уж с тебя шкуру сдерут, уж четвертуют. Зрит Аллах, когда-нибудь попадётся", — грозились напоследок, неся на плаху пока что свои головы за урон.

Но Иван не попадался. Равно как и его отчаянные братья, как и отдавший за казачью вольную волюшку голову, упокой его, Господи, душу, батько, — уходил из вражьего стана, как песок сквозь пальцы. "Недарма говорят, — радовались за Шкод запорожцы-братья, — что пластунский талант, он от Бога, да ещё от переданной по наследью жилы, отцовской крови... С голого ветру пластунской удаче не понаучаешься, будь хоть колыска* твоя золотая..."

Радовались казаки да пели в минуты покоя охотникам-пластунам величание, в котором угадывалась великая любовь к искусным "лыцарям" темноты, замешанная на "жалю" да печали об их шатучем опасном промысле.

Ой, та як изийду, та на ти горы,
Та й на ти горы, та й на високи,
Встану-гляну, подивлюся
На лагери на козацьки.
Ой, там идэ бидный пластун,
На гостру шаблю обпырається.

*колыска — колыбель

Павел Шкода, привязав "языка" с кляпом во рту и с туго стянутыми плёткой руками к собственному поясу, шёл за Иваном по незаметной в ночи, но знакомой пластунам звериной тропе в невысоких плавнях. Замыкал шествие Микола. "Языком" был знатный мурза, брат хана Богадур-Гирея, которого братья-пластуны взяли, что называется, тёпленьким. Его милость вышла до ветру среди ночи, зевнула, едва взглянув сонными глазами на неусыпно бдящего его покой и сон (несмотря на то что Богадур-Гирей в азовском кремле, а кремль за крепостными башнями и стенами, а стены за рвами, а по вдоль тех стен и рвов стоят янычары) стражника, буркнула по-татарски, по-своему, что-де ночь уже сильно темна, на что стражник стиха ответил, что "месяц только что скрылся", и вдруг случилось немыслимое. Тот же знакомый часовой в янычарском одеянии вдруг прыгнул на него татыю из преисподней, зажал рот и, говоря уже не по-татарски, приказал по-своему:

— Иды тихенько за мною. А не то тоби зараз смерть.

Десятым чутьём, наверное, из-за прикосновения к телу могильно леденящего ужаса он понял всё до последнего слова, хотя русский язык знал плоховато, а оборотень в татарских шароварах ещё и повторил то же самое по-татарски, прибавив, что идти надобно не к воротам, а к тому месту, где завис над стеною высокий явор...

Дальше всё было похоже на дикий сон. Крикнуть, позвать на помощь, если б и осмелился, мурза отчего-то не мог: онемел язык, прилип намертво к нёбу, всем телом овладело бесчувствие. И когда ещё один, похожий, как две капли воды, на "оборотня" человек, отслоившись, не иначе, от ствола толстого явора, подхватил его, словно пёрышко, и связал, и заткнул его же, мурзы рубахой ему рот, и стал спускать его, словно камень, вниз по бесшумной вервице, а потом третий, такой же, как и первый, и второй, поймал его в самом рву, где у воды колыхался камыш, мурзе вяло подумалось, что и глазам его, как и языку, и телу, пришёл конец, что отслужили они ему службу, раз в них, окаянных, не только двоится, но уже и троится, что надобно бы призвать Аллаха, но что нету на это сил, и что теперь уже всё равно...

Тонкая, но жёсткая, потому как крученая из конского волоса, мотузка* ослабела, и мурза остановился.

"Свить-свить-свить-сви..." — раздался где-то в камышовых зарослях мелодичный свист дикого селезня. И этот такой настоящий звук из мирной жизни вывел мурзу из немоты, вдохнул в нутро его живой дух, и мурза стал помалу чувствовать, как ноют запястья, туго стянутые вначале плёткой, а потом волосяной вервицей, как оживает, пробуя биться, замершее было сердце, и страх, присущий живому, проникает под кожу.

"Свить-ти-ти-сви..." — засвистел чирок к ужасу мурзы под самым ухом, и он, холодея от новой волны страха, догадался: утиный зов — это переклики страшных оборотней, нечистых духов, один из которых стоит во плоти прямо перед глазами.

Мурзе стало не хватать воздуха, и он, раздувая и без того широкие ноздри, нечаянно чихнул. И тут же с той стороны, откуда "селезень" подавал изначальный знак тревоги другому "чирку", державшему мурзу на привязи, раздались всполошённые, разрозненные крики "Алла". Трескуче и с натугой пистоли выплеснули снопики огня, за ними наугад зашумели стрелы, падая обочь мурзы, в камыши, свистя дождевым вихрем над головою. Мурза догадался, что это турецкий отряд, сидящий в засаде у брода, благодаря его чиху, обнаружил их и напал на его мучителей.

*мотузка — верёвка

"Я тут!" — хотелось крикнуть мурзе, позвать на помощь, но оборотень-казак — мурза давно его распознал — придавил его голову, плечи, каждую косточку и сустав, словно они были глиняными и повиновались воле молчаливого вора, без его, мурзы, ведома и чувства, к самой земле, к вонючей топи.

Беззвучно, вынырнув из ночи, появился ещё один, за ним замыкающий похититель и, подняв его дрожащее тело, они двинулись вроде бы уже не на восток, а на запад, откуда пришли, обходя засаду.

Мурза, не находя в истерзанном сердце силы расстаться с призраком надежды, которая откликнулась знакомым словом "Алла" так неожиданно совсем рядышком, оглянувшись, но вместо спасителей-однокровок увидел в слабом лунном свете выставленную напоказ казачью папаху. По ней, крича и беснуясь, усиленно палили дозорцы-турки, а трое казаков, пластаясь земными гадами и волоча за собою полуживого мурзу, уходили живыми и невредимыми одними им ведомыми тропами, во тьму, туда, где жила и привечала этих разбойников, конокрадов и бестий колдовская лешачья тайность.

* * *

Пластуны братья Шкоды, незамеченные даже своими разъездами, вернулись в главный казачий стан на začínающемся рассвете. Поведав о том, что турки о намеченном казачьем промысле извещены и готовятся встретить "гостей", не жалея ядер и зелья, о новых вражых засадах, замках и секретах, выдуманных недавно хитроумцами, они сдали "языка" с рук на руки атаману.

Когда над излуиной Дона кромка неба засветилась червонным золотом, предвещающая восход, и рать после отпетого молебна стала готовыми полками в "стройном чине" "на штык", атаман Татаринов, узнавший от "языка" многое, послал одну конницу в сторону Темрюка и Тамани "дозорить" реку Кагальник, другую — во главе с Мариинским атаманом Черкашиным — в заслон "супротив Ногая и Крыма" на правый высокий берег, третий же отряд с большинством сорвиголов-запорожцев — в самое устье Дона, дабы на юрких и лёгких стругах стать надёжным оберегом с моря.

Двадцать восемь одномачтовых струг, в сорок вёсел каждый, с рейными парусами, брустверами по бокам и фальконетами* Татаринов повёл Доном сам. Наступало утро третьего дня, двадцать первого апреля месяца, лета семь тысяч сто сорок пятого от Сотворения мира и тысяча шестьсот тридцать седьмого от Рождества Христова.

Рать двинулась на Азов...

*фальконеты — артиллерийские орудия

Александр ВОРОНИН (п. Октябрьский Зеленодольского района, Республика Татарстан, Россия) - прозаик, драматург, историк, выпускник Литературного института им. А. М. Горького, заместитель главного редактора литературного журнала "Агармак. Татарстан". Лауреат Первого литературно-

го конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации "Историческая миниатюра" (2 место), проходившего в рамках V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

ОТ ОРЕАНДЫ ДО ОРЕХОВА

В конце октября по приглашению генерал-губернатора Новороссийского края и Бессарабской области графа Воронцова император Александр Павлович посетил Крым. Царь побывал в Симферополе и Севастополе, любезно согласился отдохнуть в Алупке — новоприобретённом имении Воронцовых, где немецкие архитекторы уже расчищали урочища под будущий парк.

Утром двадцать седьмого числа октября 1825 года выехали из Ялты. Не проехали и пяти вёрст, как внимание государя привлекли две отвесные скалы, нависшие над дорогой. Выше живописно расположились строения усадьбы графа Кушелёва-Безбородко.

То была Верхняя Ореанда.

Император пожелал осмотреть имение. Воронцов предупредил, что там давно никто не живёт, тропинка заросла. Но Александр решительно полез в гору. Позже ту тропу назовут Царской.

Он прошёл вдоль фасада из белого камня, остановился у крыльца. От сторожки к ним шёл отставной инвалид со связкой ключей. Вагенмейстер Соломко остановил его и велел дожидаться. В дом государь зайти не пожелал. Пока граф Воронцов громко, с ненужными никому подробностями, рассказывал, почему Безбородки столько лет не могут найти покупателей, царь подошёл к Волконскому, который любовался открывавшимися с обрыва морскими и небесными просторами. Князь кивнул императору и прервал тираду Воронцова.

— Его величество изволит приобрести усадьбу для одного отставного полковника, которому лично обязан. Впрочем, сам герой наверняка забыл об услуге, что оказал государю в годы заграничного похода. Голубчик Дмитрий Александрович, соблаговолите подготовить купчую до нашего возвращения в Таганрог, и мы сразу вышлём причитающуюся сумму. С доверенным лицом, который займётся тут ремонтом. Только одна просьба, господа, — покупатель не хочет, чтобы сей анекдотец получил широкую огласку. Сами понимаете, дело деликатное.

— Как будет угодно, ваше императорское величество, — отвечал Воронцов. — Мои делопроизводители выправят купчую, согласно доверенности, оставленной мне Кушелёвым Александром Григорьевичем. Только укажите имя благоприобретателя...

Одного взгляда в сторону Волконского было достаточно, чтобы старый лис кивнул и увлёк графа за собой — в пять минут они обговорили формальности. О цене речи не шло, поскольку имение приобреталось из казны.

То, что император сильно взволнован и не хочет никого сейчас видеть, все отлично видели. Процессия потихоньку стала направляться по тропе вниз. Волконский догнал царя уже внизу. Тот велел князю сесть к нему, а Соломку попросил перебраться в запасную коляску.

— Не правда ли, любезный Пётр Михайлович, странное совпадение! — воскликнул Александр Павлович, как только поезд тронулся. — Тот самый Безбородко, который передавал мне письмо покойной бабушки о престолонаследии... И вот теперь, оставив престол, я смогу жить в его доме!

Александр I всегда мечтал жить "робинзоном" на необитаемом острове или отшельником в бескрайней Сибири, отказавшись от верховной власти. Об этом приближённые слышали не раз. Князь Волконский был одним из немногих сподвижников Александровых, кто к таким высказываниям относился с полным доверием и пониманием. Вот почему монарх решил ему первому доверить тайну.

— Как только я увидел две скалы, нависшие над морем, Соломка нашёл по карте название сих мест, — продолжал император, — меня словно молнией пронзило! Ведь старец указал именно это место! Правда, назвал его Ариадной... Вы помните, Пётр Михайлович, два месяца тому назад в Сарове мы молились в скиту, а потом долго говорили наедине. Я вам не рассказывал подробности, поскольку мне самому они казались дикими... Отшельник за долгие годы молчания то ли говорить отвык, то ли с рождения косноязычен. Я никак не мог разгадать его пророчеств. Они не укладывались в логичную, удобопонятную конструкцию. Вот две скалы я запомнил. И про Ариадну, дом с белыми колоннами полукругом. Но не это самое странное, самое страшное... От заговора и покушения меня спасёт тот, кто готов лечь в гроб вместо меня!

— Я первый жизнь отдам за тебя, мой государь Александр Павлович, — ответил князь, — и уверен, собою не я один пожертвую ради твоего спасения.

— Нет, не то... — покачал головой государь. — Он вообще слова говорил, сроду таких не слышал. Вроде, по-русски, но совершенно непонятно. Помню, я ещё переспросил: неужто явится такой человек, кто согласится подменить меня на смертном ложе? Старец перекрестился на икону, дескать, сам не разумеет, как сие возможно измыслить. Однако твёрдо повторил, что в гробу будет лежать человек, коего все примут за меня!

Разгадка наступила ровно через неделю, третьего ноября, когда царь выехал из Крыма. Утром в селении Знаменском император инспектировал артиллерийскую бригаду. Обедал в местечке Гальштадт (в переводе с немецкого "полугород"), основанный колонистами-меннонитами у слияния двух рек. Токмачка и Чингул далее текли к Днепру вместе — под чудным названием Молочная река. Так значилось на картах полковника Соломки, придворного картографа, ехавшего в первой карете царского поезда.

На мосту через Молочную их встречал фельдъегерь Масков, доставивший Александру I депеши из Санкт-Петербурга, а также письма от супруги Елисаветы Алек-

сеевны. Соломко проводил фельдъегеря до коляски государя. Барон Дибич принял от гонца бумаги — и тут же закрыл дверцу, дабы не впускать холоду в салон, обшитый медвежьим мехом.

Масков остался стоять навтыжку, стараясь разглядеть сквозь запылившееся окно самого Александра Павловича, на которого так стремился в жизни походить. Из-за схожести с государем, говорят, его и взял на фельдъегерскую службу генерал де Витт. И даже устраивал не совсем приличные розыгрыши с двойником... Александру докладывали, будто Масков влюбился в императрицу. К подобным разговорам царь прислушивался мало — многие были влюблены в Лизе, в Санкт-Петербурге собирался даже кружок её почитателей.

На сей раз государь сам приоткрыл дверцу и кивнул тёжке-двойнику. Масков вытянулся в струну, сияя от счастья и ожидая любой милости от кумира.

— Благодарю вас, господин Масков, особенно за письма от жены. Ответа можете не дожидаться. Возвращайтесь в Таганрог и порадайте Елисавету Алексеевну известием, что я намерен сам быть завтра. Счастливого пути!

— Счастлив умереть за вас, ваше величество! — выкрикнул фельдъегерь так, что даже тройка его встrepенулась, и ямщик еле удержал коней.

— Это лишнее, — слегка поморщился Александр Павлович. — И передайте генералу Васильеву, что мы едем. Он ждёт нас в Орехове с обедом и готовит всем ночлег.

Масков отдал честь, лихо вскочил в открытую коляску, хлопнув ямщика по плечу, так что пыль поднялась столбом. Кони взвились и помчали под гору.

На повороте ямщик всё-таки не удержал поводья. Экипаж накренился, ударился колесом о камень при дороге — и Масков, всё ещё глядевший на другой берег, переживая краткий миг лицезрения императорской особы... бедный фельдъегерь не просто выпал из коляски, но вылетел ногами вверх!

Тройка встала, ямщик кинулся помогать пострадавшему. Потом в отчаянии замахал руками, чтобы привлечь внимание царской свиты, проезжавшей по мосту через Молочную речку...

Медик-хирург Тарасов принуждён был свидетельствовать: врачебного вспомоществования не требуется. Масков уже не дышал, лишь левый сапог мелко подрагивал. Ехавшие в арьергарде гвардейские офицеры спешили и обступили место происшествия. Князь Волконский, барон Дибич и баронет Виллие даже не вышли из карет, но государь Александр Павлович выскочил на обочину и склонился над несчастным.

— Очевидно, перелом основания черепа, ваше величество, — коротко сообщил Тарасов. — Сделать ничего невозможно.

Вагенмейстер Соломко приказал гвардейцам: "Разойдись!". Подданным не положено видеть монарха в таком волнении.

— Откуда он мог знать? — выдохнул Александр. — Как в воду глядел... Бедный Масков! Нелепая смерть. Дмитрий Климентович, дорогой, закрой ему глаза.

— Он жив, пульс ещё прощупывается, — сказал Тарасов.

— Я всегда говорил, не к добру эти фельдъегерские лихачества... Последние его слова, вы слышали их? Как будто предчувствовал... Непостижимы знаки судьбы!

— Служба у них такая, ваше величество, — тихо вставил Соломко. — Ваше величество, надобно поспешать... Агония может длиться несколько часов.

Александр отошёл было, но замер, вернулся.

— Он правда похож на меня? Жутко, будто на самого себя смотрю со стороны... Афанасий Данилович, проследите, чтобы нас никто не услышал, — попросил царь картографа, понизив голос, и повернулся к Тарасову. — Дмитрий Клименто-

вич, вам следует остаться с несчастным. Мы пошлём гонца, чтобы вам тотчас выслали подмогу из Орехова... К ночи вы должны прибыть туда и доложить барону Дибичу, что фельдъегерь Масков скончался... Соломко останется с вами, чтобы всё устроить и задокументировать. Послезавтра на Ореховском кладбище вы опустите в могилу гроб, набитый взятой с этого места землёю, что полита кровью несчастного фельдъегеря... А теперь самое главное — Масков должен быть доставлен в Таганрог. Афанасий Данилович, можно будет сие исполнить тайно, ночью?

— Конечно, ваше величество, — отвечал Соломко. — Ни одна душа не узнает.

— Крайне желательно, чтобы во всё это время Масков оставался жив! — Александр Павлович снова повернулся к Тарасову. — Можно поддержать тело в таком состоянии какими-нибудь врачебными средствами?

— Не могу ручаться, что бедолага до вечера протянет. Но сделаю всё, что в моих силах. Государь, можете во всём на меня полагаться!

— Не сомневаюсь в вашей преданности, господа, потому и поручаю вам столь опасное предприятие. Поскольку все мы рискуем жизнью, не могу скрывать от вас причин необычного поручения, — Александр Павлович был строг и спокоен. — В сентябре, по дороге в Таганрог, если помните, Афанасий Данилович, я просил вас не отмечать на картах крюк, какой мы сделали, чтобы найти в нижегородской глуши неприметный монастырь. Там я имел беседу с неким старцем. Тот подтвердил, что заговорщики ищут убить меня. Коли не отравят в течение зимы медленными ядами, то к весне непременно застрелят. Именно — на торжествах по случаю 25-летия восшествия на престол... Вы, конечно, догадывались, Дмитрий Климентович, когда я просил вас дать хинину — каков он на вкус. Хотел проверить, что за пилюли лейб-медик Виллие, ваш непосредственный начальник, прописывает мне от крымской лихорадки...

— Неужели и Виллие?... — прошептал Тарасов.

— В разговоре многие армейские чины. Мы не знаем поимённо, кто из придворных им сочувствует. Доказать причастность к заговору невозможно, пока злоумышленники не начнут действовать. Но тогда будет поздно... Вот почему я решил действовать на упреждение, — Александр снова посмотрел на Маскова, точнее, на собственную маску с недвижными глазами. — Избегнуть верной гибели мне удастся только при одном условии: кто-нибудь из приближённых должен принять смерть вместо меня! И ляжет в гроб под моим именем... Представьте, Маскова тоже звали Александром Павловичем!

— Ваше величество, мы сделаем всё, что в наших силах, даже больше того, — сказал Соломко, — коли вы полагаете, что словам старца нужно верить.

— Мы получили — здесь и сейчас — достоверное подтверждение, что монах говорил правду. Хотя он сам не вполне представлял, как такое возможно в действительности. Только повторял: "Богородице и не такое ведомо".

Все трое перекрестились.

— Кроме вас двоих в мою тайну посвящён лишь князь Волконский. Вам я доверяю, как самому себе, господа. Но более никому... даже супруге и верному кучеру!

Государь сел в коляску, но не в свою, а вместо оставшегося Соломки, с которым ехал князь Волконский.

— Выходит, он и это знал, — проговорил монарх после долгого молчания. — По предсказаниям монаха, так я избежну смерти и исполню давнюю свою мечту. Исчезнув для всех, под другим именем я проживу тридцать три года!

Пётр Михайлович не мог разлепить губ. Наконец выдохнул:

— Ай да старец...

Николай БАЛИЦКИЙ (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — прозаик, публицист, член ОО "Союз писателей Республики Крым" и заместитель председателя Международного правления Интернационального Союза писателей (ИСП). Призёр различных литературных фестивалей и конкурсов, в том числе международных. Лауреат Первого литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации "Историческая миниатюра" (3 место), проходившего в рамках V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

ЛУЛА И КАВИТТИ

Судак — небольшой крымский городок, раскинувшийся между скалами и морем. Его волшебная природа покорила меня. Прожив в этом городе добрый десяток лет, я влюбился в необыкновенную красоту горных лесов, окутанных прозрачным морским воздухом, в бескрайнюю синь моря, манящую и завораживающую, в открытость и приветливость судакчан, гостеприимно принимающих любого заезжего странника.

Я перечитывал всё, что попадалось, об истории, сложившейся за добрую дюжину веков существования Сидагиоса и Сугдеи для греков, Солдайи для итальянцев, Сурожа для русичей — вплоть до современного Судака, название которому подарили турки. Особенно меня поразил тот факт, что этот маленький приморский городок смог стать центром Великого шёлкового пути.

Как бы трепетно мы ни относились к нашим любимцам, но судьба, порой, диктует свои условия.

Так случилось, что в "лихие девяностые" мне пришлось покинуть Судак и поработать пару лет в Братске. Возвращаясь в Крым, я ехал в одном купе с Валерием Павловичем — преподавателем истории и очень интересным собеседником. Узнав, что я из Судака, он поведал мне удивительную легенду о любви флорентийца и девушки с берегов Амударьи.

— Наш поезд движется по одному из отрезков Великого шёлкового пути, — начал свой рассказ мой попутчик. — Как известно, Судак долгое время был центром этого легендарного маршрута. А открыт шёлковый путь был с лёгкой руки китайского императора У-ди, отправившего ещё во втором веке до нашей эры своего сановника Чжан Цяня на запад для поиска союзников в борьбе с набегами степных народов. После долгих лет скитаний, опасных приключений и даже плена Чжан Цянь всё-таки вернулся домой и рассказал императору, что видел многое из того, чего нет в Китае: восточные сладости, полотняные ткани, вино. Но особенно

впечатлил Великого Правителя рассказ о "крылатых" конях Давани, которые по размерам и скорости превосходили низкорослых китайских лошадок. У-ди вспомнил завет Конфуция о том, что для успешной империи необходимо развитие внешней торговли, и снарядил караван с шёлком и бронзовыми зеркалами в Среднюю Азию, дабы обменять это добро на ферганских скакунов. Таким образом, как это часто бывает, совершенно случайно зародился Великий шёлковый путь.

Справедливости ради надо сказать, что не все полагали полезными достояния Шёлкового пути: в Риме, к примеру, считалось аморальным носить одежду из чрезмерно дорогого шёлка, и даже был принят закон, запрещающий ношение шелков, но, к счастью, этот закон был вскоре отменён. А Чингисхан и вовсе использовал торговый маршрут для захвата новых территорий и порабощения других народов.

Вскоре после смерти монгольского хана-захватчика итальянские купцы начали активную торговлю с востоком, и даже опасные приключения не останавливали их.

Флорентийский банкир и купец Франческо Пеголотти советовал своим коллегам брать с собой полотняные ткани, продавать их в Ургенче и запасаться сомами - серебряными слитками, чтобы покупать на них шёлк.

Купец Кавитти так и сделал: прибыв в Ургенч, он продал весь свой товар за несколько сот сомов и остался дожидаться большой партии шёлка, чтобы взять его по оптовой цене.

В селении рядом с мечетью была христианская церковь, куда Кавитти ходил просить Господа дать ему силы на благополучное возвращение в Италию. Около храма к нему подошёл парень, выдававший себя за сумасшедшего, и несколько раз шепнул купцу: "Не жди караван — уходи в свою страну! Не жди караван — уходи в свою страну!" Кавитти не обратил внимания на слова больного, но на всякий случай отдал серебро и деньги на хранение хозяину постоянного двора. И правильно сделал, потому что однажды вечером шайка бандитов, увидев богато одетого купца без охраны, напала на него. Не найдя при нём денег, грабители избили Кавитти, забрали почти всю одежду и бросили бедолагу на дороге.

Лула — дочь зажиточного местного мельника — рано утром пошла с подругой по воду. Недалеко от источника девушки нашли полуживого несчастного в окровавленном нижнем белье и попросили крестьян, проходящих мимо, помочь перенести его в дом. Лула выходила пострадавшего, а когда Кавитти смог говорить, она узнала, что спасла богатого флорентийского купца.

Через некоторое время пришёл караван с китайским шёлком, фарфором, пряностями и другим богатством. Кавитти успешно завершил сделку и явился в дом мельника просить руки и сердца Лулы. Девушка, влюблённая в флорентийца, согласилась ехать в далёкую Европу. Несколько дней ушло на подготовку к свадьбе, и после пышного пиршества новый караван с молодой семьёй отправился в далёкий путь.

По суше они добрались до Солдайи — так итальянцы называли Судак. Для того чтобы двигаться дальше, необходимо было зафрахтовать корабль. Но кораблей не было, поэтому Кавитти пришлось ждать, когда в Солдаю придут суда из Европы. Бывало, ждали месяц, а то и два.

Кавитти и Лула поселились в довольно комфортабельном, по тем временам, постоялом дворе, которых было несколько в Солдае.

Пользуясь выгодным географическим положением городка, местные жители часто устраивали ярмарки. Во внутреннем дворе крепости и на поляне под её стенами разбивали пёстрые шатры, палатки, лавки и совсем маленькие лавчонки, из

которых голосистые зазывалы на разных языках приглашали отведать их угощения и покупать всевозможные товары. Тут же работали кузнецы, ювелиры, портные, готовые выполнить любой заказ посетителя ярмарки. На импровизированной сцене выступали бродячие артисты. Их музыка была слышна далеко за пределами ярмарки.

Оставив беременную жену в апартаментах постоялого двора, Кавитти пошёл посмотреть, чем торгуют в здешних краях. Ближе к обеду уставший купец решил спрятаться от палящего солнца под камышовым навесом чайханы и выпить чаю. На дастархане возлежал представительный господин, судя по одежде, европеец. Кавитти сел рядом, они познакомились. Это был путешественник, писатель и купец Марко Поло. Кавитти много слышал о своём знаменитом земляке, но только в Солдае удалось познакомиться с ним.

Разговор зашёл, конечно же, об Италии, которую они давно оставили и скучали по родным местам. Марко рассказал о задуманной им книге, о своих путешествиях по разным странам, о купеческих делах. Оказалось, что у Марко Поло в Солдае был собственный торговый дом.

За разговорами время пролетело быстро.

Между тем Лула с прислужницей вышла на берег моря прогуляться. Был жаркий солнечный день. Женщины подошли к самой воде и с облегчением вдохнули морскую прохладу. Пустынный берег, как это всегда бывало во время ярмарки, и спокойное море предвещали приятную сиесту.

— Посмотри, как красиво плывёт эта лодка, — показала Лула на единственное судно, медленно двигавшееся вдоль берега.

Шестивёсельной лодкой управлял рулевой на корме. Поравнявшись с женщинами, одиноко стоявшими на берегу, лодка резко повернула к берегу и причалила. Несколько парней проворно выпрыгнули на песок, и женщины не успели опомниться, как оказались брошенными на дно лодки между гребцами и рулевым. Гребцы налегли на вёсла, и вскоре бандиты вместе с добычей скрылась за ближайшим скалистым мысом.

— Признавайтесь, с кого мне требовать выкуп! — рявкнул рулевой, который был здесь главный, — а не то... — бандит живописно провёл ребром ладони по своему горлу, скорчив при этом страшную рожу.

Узнав, что Лула — жена флорентийского купца, бандиты обрадовались "удачному улову". Через пару часов ходу лодка оказалась в небольшой бухте и причалила к берегу. Главный прохрипел пропитым голосом, обращаясь к прислужнице:

— Беги к своему хозяину и скажи, чтобы он сегодня ночью оставил в этой бухте лодку с дорогими товарами. И чтобы никакой охраны! Если он не пожадничает, то наутро получит свою жену в целостности и сохранности.

Высадив прислужницу, бандиты отправились дальше. Лодка обогнула очередной мыс и скрылась из виду.

Солнце клонилось к закату, когда Кавитти вернулся в арендованные апартаменты. Не найдя супруги, он призвал к себе хозяина постоялого двора. Тот рассказал, что Лула с прислужницей пошла прогуляться к морю, но это было ещё в полдень. Кавитти поспешил на берег.

— Искать! Всем искать мою жену! — кричал Кавитти, вернувшись с берега.

Почти все, кто был на постоялом дворе, вышли на поиски в город и его окрестности. Марко Поло, узнав о горе, постигшем Кавитти, отрядил своих людей на помощь. Но все старания искавших были напрасны.

Когда стемнело, появилась прислужница Лулу, смертельно уставшая с разбитыми в кровь ногами. Перепуганная женщина поведала о том, что с ними приключилось, а закончила свой рассказ такими словами:

— Бандиты предупредили: если они заметят, что за бухтой, где надо оставить выкуп, будет вестись наблюдение, то они убьют Лулу, если товар будет плохой или его будет мало, то они убьют Лулу. А если всё будет по-ихнему, то утром мы сможем забрать Лулу в той же бухте.

Кавитти, долго не раздумывая, приказал загрузить самую большую лодку дорогими товарами. Во вторую лодку он взял с собой несколько мужчин и прислужницу, которая должна была показать место, где оставить выкуп. Обе лодки связали канатом, и купец со своей командой отправился в указанную бухту.

Пока мужчины вытаскивали лодку с товаром на песчаный берег, Кавитти обратил внимание на почти непроходимые отвесные скалы, окружавшие крошечный пляж. Он спросил у прислужницы, как она выбралась из этого каменного мешка, но бедная женщина ничего не могла вспомнить, а лишь только всхлипывала. Мелькнула мысль: "Возможно, бандиты морем придут за выкупом".

Кавитти не пошёл обратно в Солдайю, а, отплыв за ближайший мыс, стал на якорь. Он спрятался между скалами, так, чтобы был виден вход в бухту. Благо, ночь выдалась лунная, а море спокойным. Не сомкнув глаз, Кавитти и его помощники до утра наблюдали за морем, но никто не заходил в бухту.

Взошло солнце. По-прежнему никто не заходил в бухту.

Неожиданно Кавитти отчётливо понял, что навсегда потерял самое дорогое на свете. Его обманули! Он никогда больше не увидит цветок своей жизни — любимую Лулу, которая спасла ему жизнь, а он, мужчина, не смог защитить дорогую сердцу женщину.

— Гребите, чёрт бы всех побрал! Гребите в бухту! — заорал он на ни в чём неповинных людей.

Кавитти нашёл на берегу лодку, оставленную им ночью с товаром — она была пуста. В глазах флорентийца появились слёзы.

— Мы должны найти Лулу, — с трудом выдавил из себя Кавитти и отправился в скалы.

Мужчины последовали за ним. Невдалеке от лодки Кавитти нашёл грот, переходящий в пещеру. В глубине пещеры виднелось тусклое свечение. Пройдя на свет, который с каждым шагом становился всё ярче, он оказался на другой стороне мыса. Внизу около моря росла одинокая сосна. К дереву была привязана Лула, — закончил свой рассказ Валерий Павлович.

— Я знаю этот сквозной грот, он действительно находится в Разбойничьей бухте недалеко от Судака, но эту историю про Лулу и Кавитти слышу впервые, — проговорил я, вспоминая родные края.

Заканчивая эту удивительную историю, остаётся лишь добавить, что во Флоренцию молодая пара прибыла с пополнением: по дороге Лула родила прекрасного мальчика — будущего путешественника и успешного торговца.

Александр РАЛОТ /Александр ПЕТРЕНКО/ (г. Краснодар, Россия) — прозаик, публицист, краевед. Автор 15 книг. Победитель различных литературных конкурсов и фестивалей. Лауреат Первого литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации "Историческая

миниатюра" (3 место), проходившего в рамках V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

ПРАВО ВНЕСТИ ФАМИЛЬНЫЙ ГЕРБ В ИЗОБРАЖЕНИЕ ПИСТОЛЕТА

Всё! Решено! Сегодня ни строчки! Прямо сейчас (ну или чуточку позже)! Беру тряпку, тащу в свой кабинет пылесос и начинаю беспощадную борьбу со своими "Авгиевыми конюшнями". Что ни говори, а моя "половинка" права. Пыль — это микробы, бактерии и прочие паразиты. А иммунитет у такого человека, как я, однозначно, ослабленный. Сказано — сделано. Материалы из этой папки в макулатуру. Всё уже издано и переиздано. И из вон той тоже. Только место занимают.

Так. А это что? Беру в руки пухлый скоросшиватель, на котором фломастером начертано "Нессельроде". Помню, о нём я уже писал. И довольно давно. Рассказ назывался "Кисель вроде". А папка до сих пор на столе лежит. Но ведь я отчётливо помню, что в прошлом году уже устраивал в кабинете шмон, подобный сегодняшнему. Однако сей самодельный фолиант не выкинул. Сохранил. Для чего?

* * *

— Решился? Похвально. Только не останавливайся. Прояви, наконец, свою мужскую силу воли и доведи уборку до логического конца. А то я тебя знаю. Опять усядешься в кресло и будешь переключать листочки из одной стопки в другую.

Это моя супруга заглянула в кабинет, для выдачи порции ценных указаний.

— Через час жду тебя на кухне. У нас сегодня макароны по-флотски.

Какая же она у меня умница! Не выпуская папки из рук, я нежно целую оторопевшую супругу. По-флотски — это же великолепно.

— Понял! Замечательно! Обязательно буду! Можно сказать, всенепременно. А сейчас, будь добра, оставь меня одного. Мне тут надо...

— Знаю, что тебе надо, — ворчит жена. — Что-то срочно записать потребовалось. Вот так всегда...

Я хотел было возразить. Но передумал. По-флотски... Флот... Русский... Парусный... Я сохранил папку "Нессельроде" из-за удивительного письма!

* * *

Высокопоставленному вельможе писал турецкий офицер. Штурман корабля "Реал-бей": "...мы погнались за ними, но только догнать могли один бриг. Корабль капитан-паши и наш открыли тогда сильный огонь..."

* * *

Бриг капитан-лейтенанта Александра Казарского получил своё название в память об отважном катере, отличившемся в сражениях со шведами. Корабль оснастили восемнадцатью чугунными пушками и двумя переносными орудиями. Корму украсили статей римского бога Меркурия.

С началом очередной Русско-турецкой войны "Меркурий" участвовал в боях за Варну и Анапу. Захватил два вражеских корабля с готовящимся к высадке десантом.

* * *

Супруга не ушла. Вздыхнув, взяла в руки тряпку и стала вытирать пыль с многочисленных полок.

— Послушай, а откуда у нас эта репродукция Айвазовского? Что-то я её раньше не замечала.

— Как раз о кораблях, на ней изображённых, я и собираюсь написать. А ты мне, мягко скажем, мешаешь...

— Это я тебе мешаю! Признайся честно: если бы не я, ты бы сегодня не вспомнил об этом бое. Я слушаю! — Она решительно опустилась на диван. — Иван Константинович абы о ком картины не писал. Что же там произошло?

— Каюсь. Ты, как всегда, права. Не только я, но и многие мои соотечественники либо не помнят, либо вообще не знают о подвиге брига с красивым именем "Меркурий".

* * *

В один из майских дней отряд русских кораблей заметил вражескую эскадру. Командующему захотелось поближе разглядеть противника. На фалах его судна взлетел приказ: «"Меркурию" лечь в дрейф». Турки умели читать русские вымпелы. Они прекрасно знали значение этого сигнала. Вражеские суда подняли на мачтах все паруса. Совсем скоро за кормой брига Казарского вырос лес из мачт. Стодесятипушечный "Селимие" и семидесятипушечный "Реал-бей" поравнялись с "Меркурием". Остальные корабли турецкой эскадры легли в дрейф, издали наблюдая за тем, как будет захвачен, либо потоплен небольшой русский кораблик.

Неукоснительно соблюдаемый обычай российского флота предоставлял первое слово младшим чинам. "А чего тут думать? Вступить в бой и драться до последнего снаряда и человека". Матросы поддержали это многоголосым криком: "Ура!" Весь состав корабля переоделся в парадные мундиры и форменки. Прочитали молитву Святому Николаю — покровителю русских моряков. Командир положил возле порохового погреба заряженный пистолет. Коротко распорядился: "Последнему оставшемуся в живых выстрелить в бочки. Взорвать бриг, дабы врагу не достался!" Кормовой флаг крепко-накрепко прибили, чтобы никто и ни при каких обстоятельствах, его не спустил. Все документы и карты, не мешкая, сожгли.

* * *

"Селимие" уже заходил с кормы. На приказ противника о сдаче "Меркурий" ответил яростной стрельбой. Начался неравный бой. Тридцатифунтовое ядро про-

било борт брига, погибли два матроса. Александр Казарский вёл корабль так, чтобы большинство турецких ядер не достигало цели. Бриг подошёл к турецкому флагману почти вплотную. Теперь русские снаряды ложились точно в цель. Получив пробоины и повреждения, "Селиме" лёг в дрейф и вышел из боя. Тем не менее, его прощальный залп повредил одну пушку "Меркурия" и пробил корпус брига ниже ватерлинии. Над "Меркурием" нависла угроза затопления.

Невероятными усилиями команды течь удалось кое-как заделать.

Тем временем "Реал-бей" расстреливал русский корабль с другой стороны. Трижды на судне возникал пожар. Но русские моряки продолжали сражаться. От турецких ядер невозможно было увернуться. Оставалось одно. Сражаться. Стоять до последнего. Наконец получилось снести основные мачты турецкого корабля. Рухнувшие паруса закрыли отверстия для пушек. Обстрел прекратился. "Реал-бей" не смог далее продолжать бой и вышел из сражения.

Повреждённый "Меркурий" медленно шёл к Сизополю. Четверо русских моряков были убиты, шестеро ранены. Капитан получил ранение в голову. Наскоро перевязав рану носовым платком, капитанский мостик он не покинул.

* * *

Супруга открыла скоросшиватель и прочла: "В воздаяние блистательного подвига брига "Меркурий", вышедшего победителем из беспримерного боя 14 мая им выдержанного противу двух турецких кораблей, Государь Император всемилостивейше пожаловать соизволил: командира капитан-лейтенанта КАЗАРСКОГО в капитаны 2 ранга, с назначением флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству, и сверх того кавалером ордена св. Георгия 4 класса; лейтенантов СКОРЯТИНА и НОВОСИЛЬСКОГО, мичмана ПРИТУПОВА и поручика корпуса флотских штурманов ПРОКОФЬЕВА следующими чинами, и первых орденами св. Владимира 4 степени, а ПРОКОФЬЕВА, как предложившего мужественный совет взорвать бриг, орденом св. Георгия 4 класса. Всем нижним чинам знаки отличия военного ордена. Всем вообще, как офицерам, так и нижним чинам, в пожизненный пенсион двойной оклад жалованья по окладу, какой они получали до Настоящего времени. Вместе с тем Его Императорское Величество соизволил отличить и самый бриг, пожалованием на оный Георгиевского флага. А дабы увековечить в роде сих офицеров память примерной их храбрости и мужественной решимости на очевидную гибель, Государь Император соизволил повелеть, чтобы пистолет, как оружие, избранное ими для взорвания на воздух при невозможности продолжать оборону, был внесён в гербы их".

Адмирал А. С. Грейг. ("Морской сборник" № 6 — 1850 г., с. 493–494).

— Непременно напиши об этом! Подвиги славных предков забывать нельзя. Только после обеда. А сейчас идём на кухню. Ты же знаешь, макароны потому и называются по-флотски, что их едят горячими.

Анна МАТВЕЕНКО (г. Донецк, Донецкая Народная Республика) — поэт, прозаик. Член Союза писателей ДНР. Публиковалась в различных литературных альманахах и сборниках. Победитель нескольких литературных конкурсов и фестивалей. Лауреат Первого литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации "Малая

проза. Крым в моей судьбе" (1 место), проходившего в рамках V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

БУСЫ ЛУННОЙ ДОРОЖКИ

(немного автобиографии от третьего лица)

Чем был для неё Крым? Так с ходу и не скажешь. В пять лет — заборами из плоских, положенных друг на друга камней по-над узкими, серпантинистыми улочками. С левой стороны улочки срывались в обрыв за невысокими парапетами. Справа шли каменные кладки заборов и лезущие из-за них ветки с мелкой жёлтой алычой. Алыча падала прямо на асфальт и сразу растекалась лужицами пахучего сока. Слева — за парапетами — виднелись верхушки растущих на обрыве кипарисов и внизу, вдали, море. Оно было таким большим, синим и даже слегка зеленоватым. Иногда — с белыми полосками волн. А ещё отсюда, сверху, на море были видны дорожки, оставленные проплывавшими мимо кораблями. Это было так удивительно — следы на воде, на которой, казалось бы, следов не может оставаться вообще! Но они были — чёткие, белёсые, широкие...

А ещё справа, за заборами и алычой, были горы. Высокие, изломанные, поросшие кривоватыми соснами. Недостигаемые и поэтому жутко для неё, пятилетней, интересные. К морю можно было спуститься, море ласкало или грозно шумело, перекачивая галечные голыши, в него можно было войти и набрать в ладошку... Но горы оставались всегда там, вдалеке. И хранили свои тайны.

Вечером с гор спускались сумерки. Они густели, стекали с обрыва и вливались в море. И тогда горы исчезали во мгле. Но тайна оставалась. Она прокрадывалась с темнотой, растворялась в море и зажигала то, чего прекраснее на свете и быть не могло: лунную дорожку.

О, трудно представить тому, кому уже минуло пять лет, что такое эта впервые увиденная светлая дорожка! Чудо, соединяющее море и небо, ведущее прямо к огромному кругу луны над чёрной водой! Невозможная, гибкая, прямая и, как горы днём, недостижимая — ведь никто не пустит ребёнка туда, далеко вниз, поздним

вечером. А так хочется подбежать, погладить лунный шёлк, ступить на него босыми ногами...

Годы шли, жизнь текла своим чередом в большом городе среди безводных степей и других гор — правильных, конусовидных, которые называли звонким словом "терриконы". Они тоже были по-своему красивы и она, конечно, очень любила и свой город, и эти необычные, но такие родные рукотворные горы, и красноватый диск луны над широкими, укрытыми травами, просторами. Но слово "Крым" неизменно пробуждало в памяти образ других гор, другой луны и серебряной дорожки на воде. Именно поэтому каждый раз, когда это было возможно, поезд вёз её на юг, через Джанкой, мимо топких лиманов Сиваша — туда, где искрилась ночами лунная дорожка.

И воспоминания множились, откладываясь, подобно памятным, дорогим сердцу вещичкам в старой, подаренной в детстве шкатулке. Или разноцветным бусинам на самодельном ожерелье. Вот одна бусина — запах Крыма. Запах солнца, нагретого камня, моря, можжевельника и кипарисов. Вот другая — маленький замок на скале над волнами, Ласточкино гнездо. Что там, внутри? Да разве это важно! Смотри, какая красота вокруг! Вот третья бусина — любимая дорога "Симферополь — Ялта" с крутыми поворотами, связками-косичками фиолетового плоского сладкого лука — их продают на обочинах через каждые полкилометра. Со старенькими пузатыми троллейбусами, которые никуда не торопятся и потихоньку скользят вдоль троллеи, позволяя обгонять себя всем, кому не терпится проглотить очередной, лежащий под колёса, километр. Но ведь так забавно проехать до Ялты именно на троллейбусе, сидя у окна и с трепетом ожидая, когда же между гор сверкнёт краешек моря! А вот ещё одна бусина. Да нет, не бусина — целая россыпь блестящих гранёных хрусталин! Крымские дворцы: Воронцовский, Ливадийский, дворец в Массандре... Как ни рассматривай грани воспоминаний, а каждый раз привидится что-то новое, но неизменно — берущее за душу, незабываемое! Церковь на красной скале, высоко вознёсшаяся над долиной. Ханский дворец в Бахчисарае и две розы на "Фонтане слёз" — золотая и алая. Пещерные города и разрушенные стены укреплений Мангуп-Кале. Колонны Пантикапея над Керчью. Как много, оказывается, она успела увидеть! И всё, всё нанизывалось на нить лунной дорожки...

Та, последняя, поездка врезалась в память особо. В её родной город пришла война. Канонада гремела всё ближе и ближе. Окна пришлось оклеить полосками скотча и постоянно оставлять открытыми. Так было меньше шансов, что их вынесет взрывной волной. Звук летящего самолёта, сирена "скорой" или "пожарной" — всё это заставляло сердце сжиматься и тело каменеть. Особенно тяжело приходилось ночью. Днём была хотя бы какая-то иллюзия, что от тебя что-то зависит, что ты можешь что-то сделать. Ночью никаких иллюзий не оставалось. Ночью была темнота и звуки разрывов — ближе, ближе... Её скручивало судорогой. Это был не страх, а глубинный, нутряной ужас, с которым невозможно бороться. Наверное, так и сходят с ума. Наверное, она была уже на грани безумия. Наверное, это было всё же заметно, хотя она изо всех сил пыталась держать себя в руках, скрывать панику... Хорошо, что мужа бывают не просто людьми, с которыми связывает штамп в паспорте. Иногда мужа бывают самыми близкими друзьями. В этом ей повезло. И хорошо, что у таких мужей тоже есть настоящие друзья. "Едем, нас приглашают!" — сказали ей после очередной бессонной ночи. "Куда?" — вопрос был задан почти безразлично, эмоции притупились от усталости и безнадёжности. "В Крым, в Ялту!"

Благословенны будьте, друзья! Благословен будь, интернет, связующий людей и разные (к тому времени уже разные!) страны! Благословенна будь, удача! Им

повезло договориться обо всём заранее: в день отъезда разбомбили крупнейшую распределительную электроподстанцию города, и свет исчез. Интернет, естественно, тоже. И вода... Воды тоже не стало...

Поезда уже не ходили. В аэропорту шли бои, новейший терминал лежал в руинах, на взлётную полосу сыпались снаряды. Работал один автовокзал в центре города. Как они туда добирались — рассказ отдельный. Автобус уходил поздним вечером. Одна из центральных улиц была пустынна. Это смотрелось жутко — ни трамваев, ни "легковушек". Люди на вокзале вздрагивали, когда издали ветер принесил очередной звук разрыва...

А потом автобус проезжал огромные "спальные" микрорайоны — ряды многоэтажек, в которых не горело ни одного окна. И это тоже было жутко. А ещё позже были блокпосты и ночные досмотры в украинских городах, когда молоденькие рядовые просили показать всё содержимое сумок и чемоданов. И было видно (в то время!), что эти мальчишки устали и не испытывают к ним, выезжающим, особой вражды. И на рассвете было чистилище — разделительной полосы между двумя странами, когда твой автобус часы стоит на "ничейной" земле, а в салоне жара и сушь, и не работает кондиционер. У кого-то закончилась питьевая вода, а сидящие сзади рассказывают, как обстреливали их городок, один из шахтёрских посёлков — и соседи тётчи погибли, но она, слава Богу, осталась жива, хотя дом и повредило...

Но всё когда-нибудь заканчивается. Закончилось и это мучительное ожидание. Когда колёса зашуршали, наконец-то, по пыльной крымской земле, странное чувство поселилось в её груди — чувство освобождения. Будто там, позади, за пограничной чертой, осталась давящая грозовая мгла, а перед машиной развернулась невидимая лунная дорожка. И теперь всё обязательно будет хорошо!..

И всё же тревога и страх, таящиеся в глубине, под коркой сознания, не спешили уходить. После приезда первые несколько дней она почти не вставала с дивана и вздрагивала, заслышав доносящиеся из распахнутых рам массандровской квартиры то рокот вертолётного винта, то сирену МЧСовской машины, то отзвуки далёкого салюта в честь Дня города. Но вместе с этими тревожащими её звуками в дом вливался ветер, пахнущий кипарисами и сосновой хвоей. Ветер, покачивающий пушистые кроны пиний и плоские ярусные ветви кедров. А если удавалось сделать над собой усилие и добрести до окон, то в одном можно было увидеть стену высоких гор, обнимающих Ялту и баюкающих долину, как чашу в сильных ладонях. Можно было видеть полосы виноградников и росчерк далёкого водопада среди скал. А в другом окне далеко внизу, как в детстве, виднелось море. И ночами на нём расцветала текущим серебром лунная дорожка.

Ялта жила ярко и радостно. Улыбались люди, смеялись дети, маршрутные "газельки" бодро сновали по узким, идущим вверх от моря, улочкам. По-прежнему вводил куда-то в тенистые секретные уголки старый, слегка запущенный, но ставший таким родным массандровский парк. Ясно горели по вечерам окна высоток, в кафе на набережной жарили шашлыки и предлагали салат из рапанов, от порта отходили прогулочные теплоходы, повергал в восхищённое изумление Никитский ботанический сад и его кактусовая оранжерея, в которой некоторые из колючих "шариков" были больше, чем обхват человеческих рук. Море, вечно обкатывающее гальку у подножия города. Горы, стоящие на его защите. Какая тревога может быть сильнее их векового уверенного покоя?

И тревога ушла. Затерялась в придорожных соснах "верхней Ялты", размылась прибоем, была унесена ветром яйлы, утонула в облаках Чатыр-Дага. Исчезла,

будто её и не было. А взамен возникла уверенность. Уверенность в том, что всё будет хорошо. Ведь не зря горит по ночам на волнах крымская лунная дорожка! Она ведёт туда, к горизонту — в будущее, которое обязательно будет счастливым!

И эта уверенность осталась с ней и тогда, когда пришло время возвращаться в израненный родной город. Полтора месяца покоя и тихой радости, полтора месяца мирной жизни — много это или мало? Наверное, много, если этого отдыха хватило ей на несколько последующих лет, которые не были ни мирными, ни лёгкими. Но когда душа вновь начинала дрожать, она вынимала из шкатулки памяти связку крымских бусин на лунной дорожке и перебирала их, мысленно поглаживая пальцами и ощущая в воображении то пряный запах трав и хвои, то звон волны, ласкающей мелкие камешки, то шершавость опадающих чешуек сосновой коры. Она знала — там, вдали, есть чудесная земля её детства под названием "Крым", и она к ней обязательно ещё раз вернётся.

Ради этого стоит всё выдержать и выжить...

Наталья ОЖЕРЕДОВА (г. Зверево Ростовской области, Россия) — прозаик. Публиковалась в изданиях России и Беларуси. Лауреат Первого литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации "Малая проза. Крым в моей судьбе" (2 место), проходившего в рамках V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

бе" (2 место), проходившего в рамках V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

КРЫМСКИЙ НОКТЮРН

*Я часто в этом рассказе использовала
многоточие. Потому что иногда мне
просто не хватало слов, иногда я
просто не хотела произносить их вслух,
а иногда — это просто непонимание
окончания тех или иных событий...*

Автор

Вот и собран чемодан. Автохолодильник заполнен до отказа. И ещё сумки, пакеты, заполненные продуктами: банками с вареньем и огурцами, донской рыбкой, домашними пирожками и всякими другими вкусняшками, которые любят детки, внучки... И, конечно, подарки-подарочки.

Надо присесть на дорожку, и можно в путь. Всего каких-то 750 километров дороги. И мы приедем туда...

Туда, где, прожив до 50 лет, не была ни разу.

Туда, где сегодня моя душа, мои мысли, моё счастье.

Туда, где живут мои дети и внуки.

Крым. Симферополь, где живёт дочь со своей большой семьёй — трое детей, это не шуточки.

Крым. Севастополь, где живёт сын.

2014 год. Октябрь.

"Крым наш!" — этот слоган уже полгода был на устах не только крымчан, но и россиян. Мы не совсем понимали суть политических перипетий, не предполагали, сколько негодования во всём мире вызовет этот момент — Владимир Путин и Алексей Чалый подписывают документ, который поставил точку (или многоточие) в вековой истории Крыма и России.

Я была рада, как и все жители нашей страны, но я даже не предполагала, как это событие изменит и мою жизнь.

Звонок от сына, из Москвы: "Мама, я ухожу в армию. В Крым. В Севастополь. В морскую пехоту". Мир замер. Мне кажется, что в тот миг даже шарик земной перестал вращаться вокруг своей оси. И только слёзы катятся по моим щекам. Мне кажется, из моей жизни вылетело лет пять-десять.

Прошло два месяца. И вот я в первый раз лечу в Крым, на присягу сына. От Ростова-на-Дону до Симферополя самолёт летит всего ничего: час — и приземление. На удивление, он долго катился по полосе. Я уже подумала, что так мы и до Севастополя доедем. Но самолёт остановился. Аэропорт. Выход в город...

Мне показалось, что я на самолёте времени улетела куда-то туда, в год 80-й, 90-й. Таксисты, перекрикивая друг друга, предлагали свои услуги. Кафе со столиками, покрытыми клеёнчатыми скатертями. И даже стаканы были гранёные! Автобус ушёл, пока я искала остановку. Следующий рейс только через час. А так хочется увидеть сына! До которого осталось всего каких-то сто с хвостиком километров. Сажусь в такси. Водитель армянской внешности стал моим первым гидом в Крыму. Он с восторгом поведал и историю Крыма, и как рады они присоединению к России, и как в марте со страхом ждали поезд из Украины, и что заброшены сады в Крыму, и яблоки они едят турецкие, а раньше... И про виноградники. И про заброшенные заводы. И про лавандовые поля. И про разбитые дороги.

Я слушала в пол-уха. Я так хотела увидеть сына... Как он, мой мальчик? А он был ничего. Довольный. С чувством, с толком, с расстановкой чётко произнёс присягу. Выучил наизусть. И вот всё — матрос Черноморского Флота. Мальчики строем пошли в часть. А нас, родителей, командование решило морально добить, устроив экскурсию на 35-ю батарею. Говорят, что город Севастополь — это город силы и славы. Я думаю, что в этом месте соединились и сила, и слава этого города. Здесь нет мрамора, золота, напыщенности. Но сердце перестаёт биться, когда заходишь в пантеон, спускаешься вниз... Присяга сына, 35-я батарея, аллея славы в 801-й бригаде. Это слишком для матери!

Первый раз в Севастополе. Посетили Панораму, Графскую пристань. Прокатились на чёртовом колесе. По-другому это проржавевшее архаичное сооружение не назовёшь. Я думала, под порывами ветра это техническое чудо просто развалится. Но нет. Благополучно "приземлились".

На Графской пристани народ прогуливается с российскими флагами. Молодёжь поёт Гимн России. Цветут одуванчики. Альбатросы парят над памятником Затонувшим кораблям.

Возвращаемся в "Казачку" (район Севастополя, где расположена бригада морской пехоты). Автобус. Сын сидит рядом. В куртке, джинсах, кроссовках. Но местные жители сразу вычислили — морпех. И при попытке мальчика уступить место женщине, остановили:

— Сиди, сынок.

На моё предложение всё же занять предложенное место, женщина неожиданно спросила:

— А вы не местная?

— Нет, — ответила я.

И тут весь автобус стал мне рассказывать, что морские пехотинцы — это их защита, спасение. Что пережили они в марте 2014 года! И нам, на материке, этого не понять. И что Севастополь они бы не сдали никогда украинским оккупантам...

2015 год. Февраль.

Я вновь лечу в Крым.

Проведать сына.

Он пришёл худой. Загоревший. Запомнила руки — с заусеницами, с обломанными ногтями, с грязью, которая въелась в кожу.

"А руки. Совсем недавно эти руки не держали ничего, тяжелее айфона, айпада. А теперь? Земля, кажется, впилась в кожу, обломанные ногти, заусеницы. Эти руки заряжают патроны в обойму, копают окопы сапёрной лопаткой, где это возможно на скалистой крымской земле, осваивают технику ведения боя штыком, чистят оружие, моют боевую технику, орудуя иглой.

Они за это время научатся многому. А главное, они научатся верить в себя, в свои силы. Они научатся жить в коллективе, чувствовать плечо товарища, спину командира" ("Морская пехота: записки мамы морского пехотинца").

Но всё у него хорошо...

Принёс букет подснежников. Собрал на полигоне.

Всё так же мелькают российские флаги на Графской пристани. Так же звучит Гимн России.

Таксист, который вёз с автовокзала до части, отказался брать деньги. Он был в самообороне Севастополя. Они тренировались на полигонах морских пехотинцев, которые были их наставниками.

— Прости, мать! Но деньги не возьму. Спасибо за сына!

Строятся дома. Ремонтируют остановки. Исчезли "тапики", маршрутные автобусы, в которые не мог поместиться мой сынок, росточком с дядю Стёпу. В магазинах уже нет украинских товаров, но и российских ещё недостаточно. Всё подорожало. Но хештег #КрымНаш — в силе, несмотря на все сложности в жизни крымчан.

2015 год. Май.

Парад, посвящённый 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Загоревший до черноты красавец-сын среди линейных. В его руках карабин с красным флажком на штык-ноже. А как красиво они выходили! Нога поднята параллельно земле, подбородок вверх. Мой оловянный солдатик!

2015 год. Октябрь.

Ура! Год прошёл!

Ростов-на-Дону. Аэропорт. Встречаю сына.

Красавец. Чёрная форма. Берет. Тельняшка. Медалька. Крымские розы.

— Мама, я остаюсь в Севастополе. Служить по "контракту".

Всё, шарик опять перестал крутиться. Мир замер. Слёзы покатались вновь.

2016 год.

Едем в Крым. В Севастополь. Уже на автомобиле.

На пароме нет бешеных, многочасовых очередей.

Альбатросы кружат над паромом. Где-то вдалеке строится надежда всех — Крымский мост. Как нас убеждал весь мир, что это только мечта!

Крым меняется на глазах.

И не так важны отары и стада на полях, молодые виноградники и сады, заводы. Самое главное — люди. Замечательные жители Крыма. В них осталась советская наивность, доброта, человечность. Мы тоже были такими, тогда, в 90-е. Прошу вас, оставайтесь такими на долгие-долгие годы! Мы любим вас!

Мне очень комфортно в Крыму. В любом месте. Феодосия, Севастополь, Симферополь, Джанкой, Керчь, Алушта, Ялта... И всё это благодаря вам, крымчанам.

2017 год.

Мы ездим в Крым, как домой.

И рыбу ловим: и на озере, и в Балаклаве. Как же мне понравилась пикша! Я просто влюбилась в неё. Помыл и на сковородку. Класс!

И как мне не понравилась морская рыбалка! У нас, на Дону, станешь с удочкой, и наблюдаешь за поплавком. Иногда час-другой. А здесь, забросил, дёрнул раз-два, крутанул — и вот с десяток рыбёшек в ведре. Нет удовольствия от самого процесса.

А дегустации спиртных крымских напитков... Всё приготовлено с любовью — и вина, и коньяки, и шампанское, и даже чача! И есть у моего супруга друг-товарищ, к которому он заезжает всегда, за этим (как он утверждает) замечательным "экологически чистым" напитком!

А очаровательные люди на пляжах: "Крымская пахлава!", "Крымские чебуреки!", "Черноморские креветки!", "Раки отварные в родниковой воде!"

2018 год. Май.

Едем в Крым. В Севастополь. Всё до боли знакомо. Кроме одного... Крымский мост!

После поездки все спрашивали меня: "Ну, как? Какой он? Какие чувства? Не шатается?"

Мне было неудобно отвечать: "А я и не поняла, когда мы въехали на мост! Мне казалось, что это прибрежная часть Азовского и Чёрного морей. И только вывеска убедила меня — я еду по мосту! По Крымскому!"

Всё больше узнаю Крым. И всё больше влюбляюсь в него.

Сын, как старожил, возит нас по интересным местам: Херсонес, Балаклава, Инкерман, Бахчисарай.

2018 год.

В альманахе "Доля" опубликован мой рассказ-эссе "Морская пехота: записки мамы морского пехотинца". Я надеюсь, что кто-то из сослуживцев моего сына прочтёт этот рассказ. И поймёт, как мы, мамы, волнуемся за них. Потому что писала я его сердцем, порой со слезами на глазах... Может, кто-то из них наберёт родной номер и скажет: "Мама, привет! У меня всё ОК!"

2019 год. Апрель.

"Мама, я уезжаю жить в Симферополь!" — это уже дочь.

И что мне делать? Плакать или смеяться...

Дай Бог вам удачи, дети мои, в Крыму!

Крым в моей судьбе... Нет, Крым — это моя судьба, моя жизнь. Там живут мои дети, мои внуки. Он принял их. И они полюбили эту землю, воспетую художниками, поэтами, музыкантами.

А как можно не полюбить это безгранично-голубое небо днём и чернильно-чёрное со звёздными вкраплениями ночью? Эту землю, покрытую садами, виноградниками, пшеничными и лавандовыми полями. Тёплую. Изумрудно-зелёную. С вкраплениями ковыля, маков.

Горы... Покрытые лесами. Лугами. С золотыми маковками церквей, сияющими на солнце среди зелени лесов. С монастырями, вросшими в эти горы.

И море. Чёрное. Оно синее, бирюзовое, голубое, но только не чёрное. Доброе и ласковое в моменты спокойствия. Но вот бурунчики волн сводят седые брови моря: "Сейчас, рассержусь!". И ведь рассердится — волны будут бежать всё быстрее, пытаясь догнать друг друга. Но это им не удаётся уже много веков. Они бегут, бегут... Но, увы, разбиваются о прибрежный песок, гальку, скалы, горы... И исчезают.

* * *

Рано утром мы уезжаем...

В утренней дымке вырисовывается берег материка. А за спиной остался уже почти родной Крым. И мы скоро приедем туда вновь!

Виктория АНФИМОВА (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — поэт, журналист. Член Союза писателей России, ОО "Союз писателей Республики Крым", Союза писателей Восточного Крыма. Автор трёх поэтических книг. Публиковалась во многих журналах и литературных альманахах России, Украины, Белоруссии, Болгарии, Австрии, США. Победитель различных литературных конкурсов и фестивалей, в том числе международных. Лауреат Первого литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации "Малая проза. Крым в моей судьбе" (3 место), проходившего в рамках V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

МОЙ ГРИН

(эссе)

"Есть люди, напоминающие старомодную табакерку. Взяв в руки такую вещь, смотришь на неё с плодотворной задумчивостью. Она — целое поколение, и мы ей чужие. Табакерку помещают среди иных подходящих вещей и показывают гостям, но редко случится, что её собственник воспользуется ею как обиходным предметом". Так начинается рассказ А. Грина "Корабли в Лиссе". Мне кажется, эти же слова в полной мере можно отнести и к самому Александру Степановичу.

Автор

Каждому феодосийцу с детства знакомы эти имена — Айвазовский и Грин. Приезжим об Айвазовском говорят с благоговением как об отце города, сделавшем многое для развития будущего курорта и строительства торгового порта, привлёкшим внимание всей России к маленькой захолустной Феодосии. О Грине говорят как о диковинке: "Посмотрите картинную галерею, можете потом и в музей Грина сходить — это совсем рядом".

Для меня, феодосийки в четвёртом поколении, словосочетание "Музей Грина" звучало примерно так, как описывает в своих детских воспоминаниях памятник Пушкину в Москве Марина Цветаева в чудесном очерке "Мой Пушкин": "Памятник Пушкина был не памятник Пушкина (родительный падеж), а просто Памятник-Пушкина, в одно слово, с одинаково непонятными и порознь не существующими понятиями памятника и Пушкина". Так и для меня сразу существовало понятие "Музей Грина".

М. Цветаева пишет: "Первое, что я узнала о Пушкине, это — что его убили". Повторяя вслед за Цветаевой, осмелюсь сказать: первое, что я узнала о Грине —

он писатель, и у него есть музей. Александр Степанович ассоциировался у меня с музеем — странным, необычным, — только я тогда ещё не знала, что этот музей не похож на все остальные — как будто в каждом приморском городе есть музеи, имеющие огромное, во всю стену, панно "Бригантина", корабельные якоря у окон, дубовые двери, обитые медью, свисающие фонари у входа. Были и школьные экскурсии в музей, но то ли экскурсоводы скучно рассказывали, то ли меня утомляли старые чёрно-белые фотографии и пожелтевшие страницы рукописей, написанных убористым неразборчивым почерком с "ятами", то ли Несбывшееся ещё не коснулось моей души — но тогда они оставляли меня равнодушной. Грин тогда ещё был чужим. Я ничего не знала о нём.

Открылся мне Грин знаменитым шеститомником: серая обложка с красными и белыми буквами, — изданным в 1965 г. в Москве в издательстве "Правда". Страницы с того времени уже успели пожелтеть, и это придавало особую прелесть чтению.

Моим любимым писателем в детстве был Джек Лондон с его мужественными героями, отважно преодолевающими сложные жизненные обстоятельства среди ослепительных снегов или под палящим солнцем южных тропических островов, но в рассказах Грина было совершенно другое. И я сразу это почувствовала. Я не смогла бы тогда это объяснить, но разница была очевидна. Только у Грина я нашла название тому щемящему сердце чувству, которое толкает тебя за порог дома: "Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовёт нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватываясь и дорожа каждым днём, всматриваемся мы в жизнь, всем существом, стараясь разглядеть, не начнёт ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты? Между тем время проходит, и мы плывём мимо высоких, туманных берегов Несбывшегося, толкуя о делах дня" ("Бегущая по волнам").

Этот чудный и странный мир завораживал. Поражал яркий, образный язык писателя. И тебе кажется, что ещё задолго до того, как ты прочёл описание гриновских городов, ты видел их сам, и не один раз.

"Нет более бестолкового и чудесного порта, чем Лисс, кроме, разумеется, Зурбагана. Интернациональный, разноязычный город определённо напоминает бродягу, решившего, наконец, погрузиться в дебри осёдлости... Жёлтый камень, синяя тень, живописные трещины старых стен: где-нибудь на бугрообразном дворе — огромная лодка, чинимая босоногим, трубку покуривающим нелюдимо; пение вдали и его эхо в овраге; рынок на сваях, под тентами и огромными зонтиками; блеск оружия, яркое платье, аромат цветов и зелени, рождающий глухую тоску, как во сне — о влюблённости и свиданиях; гавань — грязная, как молодой трубочист; свитки парусов, их сон и крылатое утро, зелёная вода, скалы, даль океана; ночью — магнетический пожар звёзд, лодки со смеющимися голосами — вот Лисс" ("Корабли в Лиссе").

Возможно, так или почти так выглядела Феодосия, когда Александр Грин вместе с семьёй в 1924 г. переехал сюда. Именно здесь он напишет свои лучшие произведения, и я не удивлена — мой город словно создан именно для того, чтобы вдохновлять. Истинный писательский талант меняет восприимчивого человека, так и Грин исподволь менял своих читателей, заставлял верить в лучшее, давал надежду, убеждал, что "чудеса нужно делать своими руками".

Как писала в своих воспоминаниях Нина Николаевна Грин, она спрашивала мужа, не скучна ли ему такая уединённость, и не вредна ли она писателю? На что

Грин отвечал, что он занят своими персонажами, устройством их личных дел, думает о тех, кто уже был и кто будет, — как же ему может быть скучно? Он окружён друзьями. Настоящий писатель живёт внутренней жизнью, впитывая и перерабатывая всё, что он видит вокруг. "Сочинительство всегда было моей внешней профессией, — писал Грин в 1918 году, — а настоящей внутренней жизнью является мир постепенно раскрываемой тайны воображения...". Писатель говорил о себе, но этими же словами он мог бы сказать о многих своих героях: они все — неисправимые мечтатели.

Мне очень нравятся короткие рассказы Александра Грина — написанные чёткими, сочными мазками, они повествуют о лучших чувствах, которые бывают у человека, и, конечно, о любви. Чего только стоят рассказы "Сто вёрст по реке" и "Позорный столб", которые заканчиваются одинаковой фразой: "Они жили долго и умерли в один день"! И хотя ты понимаешь, что так заканчиваться могут только добрые сказки, ты всё равно в это безоговорочно веришь!

А многие другие рассказы Грина: "Редкий фотографический аппарат", "Словоохотливый домовой", "Капитан Дюк", "Вокруг света" — вот что нужно читать подрастающему поколению! Когда мои любимые ученики, услышав об Александре Грине, в лучшем случае вспоминают "Алые паруса", морщатся и отвечают, что им было скучно читать "Дорогу в никуда" и "Золотую цепь", я, смотря в их глаза, говорю: "Ребята, вы не знаете Грина! Почитайте "Корабли в Лиссе", а потом мы с вами поговорим". И действительно, они открывают для себя совсем другого Грина. А не того, которого они "проходили".

Мне грустно говорить о том, что сейчас Грина почти никто не знает и не читает. Я говорю "почти", потому что, слава Богу, осталась ещё "старая гвардия", воспитанная на лучших традициях классической литературы, остались романтические и восторженные молодые души, которые предпочитают проводить время за книгами, а не в интернете. Но их так мало! Я спрашивала своих знакомых, какие произведения Грина они читали — да, феерию "Алые паруса" называли все. Но и только. Дальше этого познания не шли. И становилось так обидно, и так много хотелось рассказать о жизни и творчестве этого удивительного человека!

В июле 1965 года школьники ленинградского клуба "Алые паруса" построили в Коктебеле палаточный город Зурбаган. Традиция поднимать алые паруса родилась в 1967 году, когда эти же ребята со своим учителем Идой Славиной в день рождения Грина 23 августа в Старом Крыму на рассвете подняли алый парус. Здесь, под парусами, звучали стихи, бардовские песни, красивые и добрые слова. Молодые люди знакомились, обменивались адресами. Потом переписывались. В трудные времена эта традиция прервалась. Но в 2005 году, в дни празднования 125-летия со дня рождения Грина, 23 августа на горе Агармыш вновь были подняты алые паруса.

Мне посчастливилось быть участницей этого события. И, собственно, Грин как близкий мне человек начался с этого. Именно как человек, а не писатель. До этого времени я видела "официальное" лицо писателя, его музей, читала книги. Но я никогда не задумывалась, каким он был. Да и скажите, многие ли из нас задумываются, каким человеком был, например, Лермонтов, Тургенев, Толстой?

В 2005 году на поднятии алого гриновского паруса были многие ведущие крымские поэты и прозаики, журналисты. Они искренне радовались продолжению традиции. Прочитали много чудесных стихотворений, посвящённых писателю и романтической тематике, алым парусам и Киммерии. Некоторые приезжали ещё несколько раз. А я с тех пор каждый год приезжаю в Старый Крым. Меня влечёт та

особая, удивительно душевная атмосфера, в которую я попадаю, едва только ступив на эту благословенную землю.

Маленький, уютный Старый Крым неизменно располагает к себе не только благоприятными климатическими условиями и многовековой историей, но и своей духовной насыщенностью. Среди интеллигенции и культурной элиты прошлого столетия обычным делом считалось иметь небольшой домик-развалюху в Старом Крыму или его окрестностях, или в Коктебеле, чтобы уезжать туда от суеты Москвы и Ленинграда.

Дом Грина затерялся среди таких же маленьких одноэтажных домов, заросших цветами, орехами и алычой. И только вывеска, на которой изображён корабль с алыми парусами, подсказывает вам, что вы не заблудились. Вы пришли в гости к Грину. Распахивается калитка — и вы попадаете в обычный крымский дворик. В августе на клумбах разрастаются пышные кусты, украшенные небольшими ярко-оранжевыми цветами с чёрной серединкой, они словно прикасаются к каждому, кто идёт по дорожке, с ласковым приветом.

Каждый, кто переступает порог этого дома, сразу словно переносится во времени в начало прошлого столетия. И для большинства становится открытием уникальная история старокрымского музея: они узнают, что это единственное собственное жильё писателя, купленное его женой Ниной Николаевной в обмен на золотые часы. Узнают о трудной судьбе этой женщины, о годах лишений, немецкой оккупации, ссылках, и что именно Нина Николаевна смогла создать и сохранить Дом-музей Грина в Старом Крыму. Директор Дома-музея Ольга Байбуртская рассказывает о семействе Гринов так, как будто это её хорошие знакомые, о жизни которых она знает всё-всё до мельчайших подробностей. Мне особенно нравится комната, в которой на стенах висят старинные пожелтевшие фотографии с видами Старого Крыма и Кара-Дага, самого Грина с ястребом на плече, можно увидеть книги, рукописи. На столе — самовар, накрытый необычной салфеткой: на ней вывязаны Ниной Николаевной крохотные чашечки с блюдечками с красной каёмкой. Как известно, Грин очень любил чай, и даже на его последней прижизненной фотографии рядом с ним на столе мы видим стакан чая. Во вторую комнату — ту, в которой умер Грин, — всегда заглядываешь с щемящей сердце грустью. Железная кровать у окна, белоснежные простыни... Слова здесь лишние. Нужно просто постоять и помолчать, думая об этом великом человеке...

В 2019 году мы будем отмечать 139 лет со дня рождения Александра Степановича Грина. Большие празднества в августе пройдут по всем гриновским местам, городам и музеям, в том числе и в Литературно-мемориальном музее А. С. Грина в Феодосии — это один из наиболее известных и посещаемых крымских музеев. А я снова буду в Старом Крыму, но уже не одна, а со своими воспитанниками — членами Республиканской литературной студии имени Николая Кобзева, известного учёного-гриноведа, внёсшего значительный вклад в изучение творческого наследия писателя. И мне радостно оттого, что я поделилась "своим" Грином с теми, кто мне доверяет как литературному наставнику, кто смог с моей помощью увидеть в Грине не лубочную картинку, не приевшийся со школы штамп, а удивительного и доброго мыслителя, который указал дорогу — не в "никуда", а в мир фантазии и света.

Павел КРЕНЁВ /ПОЗДЕЕВ/ (г. Москва) — военный, журналист, писатель, статс-секретарь Союза писателей России, заместитель Председателя Правления Союза писателей России. Окончил аспирантуру Академии безопасности России. Кандидат юридических наук. Долгое время состоял на военной и государственной службе

России на высших должностях, являлся сотрудником Администрации Президента РФ, был Полномочным представителем Президента России в Архангельской области. Работал на руководящих должностях в российских федеральных ведомствах. Имеет ряд правительственных и ведомственных наград. Генерал-майор в отставке.

Печатался в ряде старейших российских журналов. Лауреат всероссийских и международных литературных премий. Произведения переведены на болгарский, турецкий, польский и литовский языки. Член жюри V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

БЕСПАЛЫЙ

Ох и медведя развелось в этом году, ох и развелось! И откуда их столько взялось в один-то год? Сбежались с других мест, что ли? Как клопы, например. Их в одном доме дустом посыплешь, они в другой кидаются и кусаются, изголодавшиеся по свежей кровушке, с ещё большим остервенением.

А может, просто год такой урожайный на медведя выдался? Бывают же года урожайные на морковь, на клубнику. Почему же не может быть на медведя? Трёх коров задрали, шутка сказать! Вроде и меры предпринимали всякие: перестали выгонять бурёнок на дальние летние пастбища, на старые пожни, стали держать их в прилесках да кулигах, навязали им на шеи колокольцы, чтобы отпугивали медвежью братию. Теперь не стадо — колокольный оркестр, сопровождаемый мычаньем. Пастушьего матюга уже не слышно — всё перебивает разноголосье бубенцов.

И что бы вы думали?! Не помогло. Только оплошает какая-нибудь рогатая Ласточка или Певунья, сунется в клеверный травостой, впадающий углом в лес, и пожалуйста — из-за куста на неё вываливается громадный и могучий хозяин леса. Только бубенчик последний раз звякнет — и всё, нет коровёнки!

А уж в лесу самом, и говорить нечего, — сплошные страхи. Особенно под осень, когда пошла, повалила ягода, грибы да прочая благодать. Народ хлынул в чащу за таёжными дарами с кузовами, с пестерями. И нате вам! То тут, то там — следы медведя, помёт, а то и сама морда лохматая из-за дерева высунется. Тогда крику, визгу — не приведи господи! Баба в одну сторону, мишка в другую — неизвестно, кто кого больше испугался.

Давно признано: когда воскликнет русская женщина, в панике ретируется любое цивилизованное существо. Чего уж говорить о неподготовленном и тёмном лесном обитателе. А уж рассказов потом, рассказов, да приврут ещё...

Бабка Калинична кудахтала в деревенском магазине:

— Ой, жёночки, вот беда-та, ведь чуть меня ушкуй-от не заломал, анчехрист.

Была бабка худа до крайности, низкоросла и костиста, и народ поэтому сомневался:

— Нужна ты ему очень, Аграфена Калинична, он бы кого помасластей избрал для продовольствия.

Но Калинична шуток не воспринимала (видимо, и впрямь перенесла серьёзную стычку с зубастым лесным хищником), рассказывала:

— За малиной вчера пошла, жёночки, в Бревенник. В куст-от залезла, копошусь в ём, а малин-таядреняшша, хорошашша, страсы! Увлелась я, ягоды кладу да кладу в туесок. Потомагды слышу, о! Кто-то в кусту-то, с другой-от стороны, шамкат. А я вниманья-то не обращаю, думаю, Васька Беляев, хто ешшо, — он намерен собирался в Бревенник-от, кладу да кладу, ем да ем.

Тут Калинична заговорила вкрадчиво, глаза зазыркали по сторонам. Народ в очереди замер, приготовился к кровавой развязке.

— А Васька-то всё ко мне да ко мне, ближе да ближе... Думаю, чичас физию высунет, дак и поздоровкаюсь с им.

И бабка замолчала, поправила платочек. Народ взвыл, народ желал кульминации. Все понимали уже, что "физия" будет не Васьки Беляева. И Калинична всё сделала как надо. Она переложила матерчатую авоську на локоток, выставила вперёд, как страшные когти, сухонькие свои пальчики и продолжила с леденящей душу интонацией, причём жуть в этой интонации нарастала с каждым словом.

— Ну он и высунул мордю-то свою, змеюка! Высунул — и смотрит на меня, глазами хлопат. Рыло — во! — Калинична расставила руки во всю ширину. — Приблизилось сперва-та — леший-батьюшка, а перекреститься не могу — руки отнялись. Нет, жёночки, гляжу, у того-то, у лешака-та, физия человеческа должна быть, так кто видел, дак бают, а тут-то — эко шерсти-то, ведмедь, гляжу. Я ка-ак завижжу, жёночки, — и Калинична в этом месте действительно звонко взвизгнула, отчего все ещё больше напугались, и кто-то нервно хохотнул. — А он, радемой-от, как взялся на задни лапы-то, думала — вот смертушка-та мне и встрелась.

Бабка замолчала, мелко перекрестилась, встревоженный за неё народ стал интересоваться:

— Не тяпнул он тебя, Калинична?

Хотя народ, конечно, понимал, что если бы это произошло, то беседа эта вряд ли бы состоялась, и на бабке были бы надеты не сандалеты, как сейчас, а, скорее всего, тапочки белого цвета.

— Не-е, гляжу, а уж и нету его, паразитика, только в лесу стрешшало.

Феофан Павловский в этом году работал на сальнице. Что такое сальница? Это внушительных размеров сарай, в котором принималась и обрабатывалась добытая рыбаками на тонях нерпа, морской заяц-лахтак, а когда и белуха — маленький беломорский кит.

Но белуху специально не ловили, она сама иногда заскакивала в погоне за селёдкой в тайники ставных сельдяных неводов.

Сальница стояла на морском берегу сразу за деревней. В деревне её ставить

нельзя было: обработка морского зверя — дело вонючее, тяжёлый приторный запах всегда стоял вокруг сальницы плотной стеной.

Феофан пошёл на эту работу поневоле. Ещё в начале лета крепко приболела жена Зинаида, куда тут деваться, пришлось отказаться от сельдяной и семужьей путины и быть возле неё. Председатель в ситуацию вошёл, сказал: "Бери сальницу", — оказал таким вот образом доверие. В общем, всё ничего, и Феофан не чуждался никакой работы — это подтвердит каждый, но здесь — больно уж замарашиста. Идёшь по берегу домой и чувствуешь сам — воняет от тебя, как от раука — нерпичьей тушки. Но переболеет Зинаида, поднимется, в конце концов, — женщина крепкая, — и тогда снова — вольный воздух дальних тонь, весёлый и дикий морской берег, серебряная семужка... В общем, он верил во временность своего нового занятия и не унывал.

Медведи добрались и до его сальницы. Несколько раз, придя утром на работу, он замечал их следы со стороны, противоположной деревне. "Принюхиваются, заразы", — отмечал про себя Феофан. Известное дело, морской зверь — обычное для мишек лакомство. Феофан, хоть и не был путним, как говорили старики, то есть хорошим охотником, но в следах разбирался неплохо, как мог, следил за медвежьей суетой около сальницы.

Вот медведь лежал ночью за кустом, лёжка тут его, наблюдал, выслеживал: нет ли опасности? Вот подходил к заплёстку, нашёл вымытые из воды старые нерпичьи кости, погрыз их.

Дальше следы вели прямо к дверям, медведь здесь долго топтался, нюхал, наверно, воздух, тянущийся из пазов. Ага, вот царапины, да как высоко-то, напротив его лица, значит, вставал на задние лапы, скрёб дверь когтями. Особенно впечатляли размеры следов — огромные круглые, как тарелки, когти, словно толстые проволочные крючки, глубоко увязали в сыром песке.

"Ну и медведяра!" — думал Феофан, и ему было маленько жутковато, потому что приходил он на работу в самую рань, и на берегу было безлюдно. Выйдет вот сейчас такой громила волосатый из-за куста, и привет вам — моргнуть не успеешь, как скальп снимет. В общем, он не испытывал большой радости от того, что медведи заинтересовались сальницей, ничего хорошего ждать от этого не приходилось.

Так и вышло. Через пару дней утром замок был сорван, вернее сказать, вырван вместе с петлями и валялся под дверью, будто его зацепили и рванули трактором. Песок был весь в медвежьих следах и утрамбован до плотности грунта. Видно, косялапому пришлось долго-долго повозиться с замком.

Феофан вошёл в распахнутую дверь с опаской: вдруг зверь не убрался ещё из сальницы, затаился, ждёт его? Но медведя не было, зато не хватало двух свежих нерпичьих шкур из четырёх, что вчера только вечером были сданы рыбаками. Остатки одной, правда, валялись на затоптанном жирном полу. Это были огрызки кожи с выеденным салом, которое толстым слоем облегло каждую нерпичью шкуру. Другой шкуры не было вовсе. Уволок, бандюга лесной.

Прибывший на место происшествия бригадир Мишихин долго разглядывал вырванный замок, трогал разогнутые петли, прицокивал языком, присвистывал:

— Это ж какую силищу надо иметь злодею!..

Внимательно проинспектировал результаты медвежьего хулиганства. Сомневался насчёт второй шкуры, вероломно украденной:

— Как же это он, не понимаю, утянул-то её?

И подозрительно при этом поглядывал на Феофана. Того это возмущало.

— Не я же её съел, честное слово!

— Ну, я так не считаю, — мямлил Мищихин. — Я чисто технически не могу понять: что, взял в охапку и понёс, так, что ли? Или на плечо закинул, интересно, черт...

Феофан терпеть Мищихина не мог, потому не спорил с ним, не обсуждал медвежьих возможностей. Только сказал:

— Если интересно, возьми да подежурь здесь ночью, он тебе покажет, как это делается.

Бригадира такая перспектива не прельстила. Он сразу засобиравшись, отдал распоряжение:

— Шкуры списать, на дверь приделать стягу.

Феофан стягу приделал, благо имелась в запасе. Она легла поперёк двери стальной лентой и закрыла её наглухо. Так ему казалось.

Но на другое же утро стальная стяга валялась у дверей, вырванная с корнем, и похожа была на измятую ленточку от матросской бескозырки. Опять не хватало одной шкуры...

Мищихин был на этот раз более категоричен:

— Не-е, так это дело не пойдёт. Этот ушкуй нас из плана выбьет. Надо пристрелить заразу!

Феофан вспомнил свою одноствольную пукалку — старенький дробовичок двадцатого калибра — и усомнился.

— Вот сам и берись за такое дело, я лично — пас!

— Брось отнекиваться, Феофан Александрович, — отрезал бригадир, — дело общественное, вишь, что творит, змей, все границы перешёл. А из меня, сам знаешь, какой стрелок, целюсь через приклад...

То, что Мищихин не охотник, — это понятно. Балаболка, одно слово. Но и сам он не Робин Гуд, чего уж там...

— У меня ружья нету, — возразил Феофан.

— В колхозе карабин имеется, "Лось", десятизарядный, и пуля у него девять миллиметров, блямба! Кого хошь завалит, хоть слона. Выпишем, Фаня, не дрейфь, — чтобы умаслить, Мищихин стал фамильярничать, старый лицемер.

— Дай кого-нибудь в подмогу, одному страшновато, — честно признался Феофан.

Мищихин обрадовался: "Уломал-таки!" — и наобещал гору:

— Выделим, Феофан Александрович, лучшего охотника выделим!

"Лучшим охотником" оказался Санька Турачкин, лысый тридцатилетний долговязый парень, крикливый и немного нервный. Суета и нервозность появились в Санькином характере после выхода в свет исторического постановления о борьбе с пьянством и алкоголизмом. В тот период он сильно пострадал и до сих пор тяжело переживал появление этого правительственного документа.

"Опять надул, балаболка", — с неприязнью подумал Феофан о Мищихине, потому что никаких охотничьих подвигов за Турачкиным не знал. Кроме, пожалуй, одного. Года два назад Санька выпросил в охотхозяйстве лицензию на лося и осенью прямо за деревней подстрелил... колхозного коня Пегаску.

Оправдывался потом: "В сумерках дело было, а тот стоит в кустах, и рога на ём будто..." Дело было до выхода упомянутого постановления, и Саньке в тот период действительно такое могло померещиться.

Он ворвался к Феофану под вечер и с порога заторопил:

— Пойдём, Фаня, жахнем твоего грабителя!

На плече у него висел карабин "Лось", десятизарядный и новый.

Феофан сидел перед телевизором в тапках и смотрел мультфильм по програм-

ме "Спокойной ночи, малыши!". На коленях у него стояла тёплая кастрюля со свежей ухой из пинагора — самолучшей ухой! Феофан хлебал уху прямо из кастрюли, протяжисто фыркал. Идти на хищника ему не хотелось.

— Вот сейчас всё брошу и пойду, — сказал он и стал фыркать ещё слаще, запричмокивал.

Турачкин, увидав такое дело и осознав, что его триумф может не состояться, взмолился:

— Пойдём, Фаня, а? Руководство поручило, надо сделать! А мне одному боязно, сам понимаешь.

Ясно, что не отвяжется "лучший охотник"; после безвинно загубленного Пегаски Саньке чрезвычайно необходимо было реабилитироваться перед народом. Пинагорью уху Феофан так и не доел, не торопясь оделся, снял с гвоздя в кладовке "двадцатку" и пошёл с Санькой Турачкиным на медведя.

Они сделали засаду метрах в пятидесяти от сальницы, на вершине разлапистого верескового куста. Легли прямо на ветки, поэтому хвоинки и сучки покусывали тело. Ветер дул такой, какой надо, — вдоль берега, с севера, как раз оттуда должен был подкрасться разбойный медведь. Так что их запах был для него недосягаем. С юга ему не подойти — там деревня, с запада — пустырь — местный аэродром, с востока — море. Один путь — с севера. Разговаривали шёпотом.

— Во сколько придёт, как думаешь? — нервничал Турачкин и гладил рукавом ствол карабина, стряхивал прилипшие хвоинки.

— Ему виднее, у тебя не спросил, — Феофану разговаривать не хотелось, ему было зябко и, в общем, жутковато.

Ветер позванивал вересковой хвоей. Стояла густая прохладная ночь середины августа, наполненная всевозможными звуками и запахами. Высоко-высоко в небе, под самыми звёздочками, пластался чёрный, весь в разрывах, дым. Звёздочки вымаргивались в этих разрывах и тут же снова окунались в чёрные клубы. Это летели с севера на юг дальние холодные облака. Все кусты кругом казались лежащими на земле медведями.

— Интересно, он на рану силён или нет? — интересовался Санька и постукивал зубами.

Потом предложил:

— Давай для точности глаза и руки, — и достал из внутреннего кармана флягу, отвинтил крышку.

В нос Феофану крепко ударил запах браги. Санька опрокинул флягу в рот и сделал несколько крупных глотков, передал Павловскому.

— Глотни для храбрости, не повредит. Сам делал, на чистых дрожжах, вкуснота, спасу нету... Эх, бражка-ми-и-лашка!..

После браги Турачкин замурлыкал потихонечку какой-то простенький мотив, потом протяжно рыгнул и вдруг захрапывал, уткнувшись лбом о приклад карабина. "Охотничек, мать твою", — почти равнодушно подумал Феофан и стал глядеть на море, на верхушки волн, мерцающие звёздными искрами размеренно и тускло. Не заметил, как задремал сам. Его разбудил какой-то шорох. Открыв глаза, Феофан разглядел в малость просветлевшихся уже сумерках чёрный силуэт, медленнодвигающийся по песку к сальнице. С той стороны доносилось тихое и мерное поскрипывание песка.

Вот ты беда, медведь идёт! В висках ускорющимися ударами застучала кровь. Феофан сильно ударил локтем в бок Саньку:

— Медведь!

Тот со сна ойкнул, распахнул глаза, но врубился быстро, зашептал:

— Где? Где?

— Вон, балбесина, не видишь!

Турачкин увидел, засучил руками, стал выпрастывать ремень карабина, зацепившийся за ветку. При этом сильно шёпотом матюгался. Медведь, вероятно услышав посторонние звуки, остановился, прислушался. Санька меж тем приложился к прикладу, скомандовал шёпотом: "Раз, два, три!"

Феофан нажал курок, глаза ослепил огонь, и резко нахлынула тишина. Только по кустам что-то шуршало: шлёп-шлёп. Санька Турачкин, зверски ругаясь, вскочил и стоя начал лупить из карабина по кустам. Потом вдруг побежал туда, куда стрелял. Скоро вернулся, сел, понурый, рядом с Феофаном, закурил.

— Ты чего вместе со мной-то не выстрелил, собирался вроде? — спросил его Павловский.

На Турачкине не было лица, и весь он выглядел, как побитый пёс: глаза потупленные, хвост прижат.

— Патрон в патронник забыл дослать, первый раз на медведя, волнение, только клёкнул — и всё. Надо же, а...

Феофан хохотал над Санькой долго, сидел на кокорине и хохотал. Турачкин спросил:

— А ты-то чего не попал, вроде ведь выцелил? Я смотрел, крови на следах нету.

— Так я же седьмым номером шмальнул, "пшёнкой". Какая может быть кровь?

— У тебя что, пули даже с собой нету?

— Не-а.

Надо бы и Саньке теперь посмеяться, да не до смеха ему, всё же крепко он опростоволосился. Самолучшее оружие доверили, честь, можно сказать, оказали... Надо же...

По дороге домой он сообщил, что медведь-то меченый — на левой передней ноге не хватает указательного пальца, беспалый медведь. То ли вырвал где, то ли с рождения так. Это бывает. Ещё он просил Феофана не рассказывать никому про их приключение. А то засмеют ведь, клички какие-нибудь приклеят, народ на язык остёр.

Всё же выстрелы в деревне слышали, и Пищихин допытывался: в кого стреляли, почему не попали? Ему объяснили, что стреляли на шум, — медведь, мол, ходил далеко в кустах, но ворчал, в его сторону и стреляли, чтоб отпугнуть от сальницы. Мищихин был доволен.

— Ну, теперь не подойдёт больше, напуганный...

Феофан считал так же.

Через пару дней ударила "морянка" — сильный шторм, рыбаки выехали с тонь домой, зверя никто пока не сдавал, и он закрыл сальницу на замок, для пущего спокойствия приколотил поперёк двери два толстых горбыля, крест-накрест, как в своё время делали на военкоматах, когда все уходили на фронт.

Через день к нему домой прибежала Люда Петрова, телятница. Собирала она анфельцию на берегу и увидела такое...

— Разор там у тебя, — сообщила, — двери с корнем выдраны...

Ну, двери не двери, а горбыли и замок были, и в самом деле, отодраны. Действительно, какая силища... В сальнице мишка набедокурил на этот раз шибче, чем раньше: изодрал три шкуры, всё раскидал, а потом, зайдясь, видно, в разгульном кураже, опрокинул на пол тяжёлый чан со шкварками, всё было залито воню-

чим суслом. Прибежал Санька Турачкин, откуда-то узнал тоже про новое нападение. Сел рядом с Феофаном на бревно, поглядел на безобразиие.

— Это он нам отомстил, падла, за испуг свой, — сделал заключение Санька. — Злопамятный, гад!

Он нашёл на песке самые чёткие следы, стал показывать:

— Видишь, вот левая передняя, вот пальца одного не хватает. Тот самый безобразничает, беспалый.

Действительно, когтей на лапе было четыре, а не пять, как на остальных.

Пришёл и Мищихин, оценил обстановку, поматюгался.

— По миру нас пустит, так растак, на полтыщи уже убытку принёс, не меньше, это ж шутка сказать...

Потом отдал распоряжение Турачкину:

— Чтобы этот ваш одноглазый или, как там его, ушкой этот, был немедленно отстрелян. Иначе деньги с тебя и Павловского высчитаю, как с бездельников.

И ушёл, энергично бормоча что-то в смысле "трах-тах-тта-тта-тах". В общем, смысл был понятен.

— Раскомандовался, видали его, — вяло возразил вослед ему Санька. — Сам ты одноглазый...

Посидели они, покурили, и Турачкин сказал:

— И в самом деле, решать надо этого медведяру. Вопрос чести. Я тут пошевелю извилиной, покумекаю...

Самокритичный он насчёт своей извилины.

Через день под вечер они сидели в стоге сена на Кириллихиной пожне. Стратегическая задумка Саньки Турачкина заключалась в том, что пожня эта как раз на дороге Беспалого к сальнице. До нее отсюда — всего с полкилометра, а дальше начинается чащоба, ельник. Где-то там медведь залегает на день, оттуда выходит ночью куролесить. Но главная мудрость заключалась не в этом. Охотничья гениальность Саньки воплотилась в том, что метрах в сорока от стога бродил козёл по имени Валет. Козёл был на верёвке. Верёвка крепилась за кол, воткнутый в землю. Валет и был приманкой — он расхаживал вокруг кола, тряс своей козлиной бородежкой и беспрестанно блеял.

— Затвор-то на этот раз хоть передёрнул? — не без основания поинтересовался Феофан. — А то получится, как в прошлый раз.

Санька болезненно кривился. Вспоминать свой позор не хотелось, переводил разговор:

— А сам-то пулю взял, опять "пшёнкой" лупанёшь?

Опростоволосились они оба, чего там говорить.

Время тянулось медленно. Санька ворочался на сене, несколько раз прикладывался опять к фляге, нервничал:

— Вдруг козла тяпнуть успеет, пока застрелим? Мищихин штаны с нас тогда снимет.

Турачкин скуксил худощавое своё лицо, стал с ядовитой интонацией передразнивать Мищихина:

— "Валет-то производитель, — говорит, — не чета вам, охломонам, от него, — говорит, — один прибыток колхозу. Из других деревень, — говорит, — коз к нему приводят. Сексуальный рекордсмен, — говорит, — на вес золота, козёл. Я, — говорит, — если что с Валетком нашим нехоршее случится, семь шкур с вас спущу".

Августовская ночь опускалась на землю плавно, с неохотой, принося с собой сыроватую зябкость, настороженность, неуют. Окружающие предметы теряли привычные формы, становились неузнаваемыми, похожими на странных больших зверей. В ночном лесу, в самом воздухе началось таинственное, жутковатое движение теней. То вдалеке, то где-то рядом пронзительно вскрикивали ночные птицы.

Козёл Валет — колхозное имущество, — не привыкший спать в ночном лесу, видно, побаивался этих звуков и теней и частенько громко взблеивал. Турачкин от этих взблеиваний вздрагивал, но действия Валета одобрял:

— Валяй, козлятина, валяй, подманивай зверюгу.

Ветерок, потерявший в сумерках своё направление, кидался в разные стороны. Иногда он поддувал со стороны Валета, и Санька затыкал нос, плевался:

— Воняет, как от падали. Помылся бы хоть, что ли, гад такой. Как его козы выносят, да еще любовь с ним крутят, с козлом с этим, детей от него рожают?

Ночь они отдежурили честно. По очереди накоротке вздремнули, но беспальный медведь так и не пришёл. Утром разом зазвенели, защебетали кругом птицы, на востоке солнце сначала раскидало во всю горизонтальную ширь густую малиновую зарю, а потом размыло её и вскинулось над верхушками окружавших пожню ёлок, белёсое, чистое, обещающее погожий день. Валет, подохрипший и уставший от ночных тревог, лёг на траву, подогнув ноги, закемарил.

— Во обнаглел, медведяра! — жаловался Санька. — Ему мясо предлагают свеженькое, душистое, а он выламывается!

Днём, к обеду, солнце нагнало жару, сидеть в сене без долгого движения стало нелегко. Турачкин ёрзал, наконец взмолился:

— Пойдём, Фаня, перекусим, что ли? Какой сейчас медведь, посередке-то дня? Спит он сейчас где-нибудь на лёжке. Днём медведи не охотятся, это точно.

— А вдруг? — засомневался Феофан. Хотя валяться на солнцепёке и ему порядком надоело.

— Не-е! Говорю — значит, знаю.

Ну что спорить со специалистом? Они сползли с зарода и направились на обед.

Вернулись часа через три, размявшие, отдохнувшие, с запасом еды. И Санька заорал:

— Где козёл, мать его за ногу? Где козлиная морда?

Валет, действительно, куда-то пропал вместе с верёвкой и даже колом. Турачкин горячился, бегал туда-сюда, искал Валетовы следы, чтобы хоть определить направление его побега. Наконец, нашёл и как стоял, так и сел, прямо на траву. Снял с лысой головы кепку, шмякнул её в сердцах оземь.

— Иди сюда, — негромко сказал Феофану.

Тот подошёл. Среди вырванной травы чётко виднелся медвежий след с четырьмя когтями. Турачкин тихо, с присвистом, как бы про себя, заматюгался. Сидел он так несколько минут, шептал бессвязную ругань, покачивался, переживал потрясение. Феофан не знал что делать: то ли горевать по козлу, то ли смеяться над Санькой и самим собой.

— Ты же сказал, что они не охотятся днём, ушкуи-то, — подначил он впавшего в прострацию Турачкина, переживающего очередной позор.

Тот даже не огрызнулся, совсем упал духом. Через какое-то время начал сообщать:

— Сидел где-то тут за кустом, караулил, когда надоест нам. Дождлся, змей... Вот Мишихин-то... теперь кураж устроит. Скажет, производителя медведю кормили за здорово живёшь... Козлы же мы, а...

Они нашли то, что искали, уже под вечер метрах в четырёхстах от Кириллинской пожни, в густых ёлках, в кокорнике. Сначала наткнулся на верёвку Феофан, потом увидели козла, вернее, то, что от него осталось. Рога и копыта, в буквальном смысле.

Саньку Турачкина с тех пор зовут Медвежатником. К Феофану никакая кличка не пристала, потому что он был у Медвежатника на подхвате, подносчиком патронов, так сказать. Санька сдал обратно на склад карабин и сдался сам — отказался от медвежьей охоты.

А у Феофана была ещё встреча с Беспалым.

Однажды попался в юнды морской заяц, огромный лахтак — тюлень. Феофан освеживал его прямо в воде: попробуй такую тушу завалить в карбас! Да никогда в жизни, человек пять надо, не меньше. Одна шкура с салом килограммов сто весит. Ножом с краю шкуры он сделал прорез, привязал к ней капроновую верёвку с крепким якорем на другом конце и бросил якорь в залудье, ближе корги — каменной россыпи. Пусть поплавает шкура день-другой, потом он пойдёт на дорке в деревню и заберёт шкуру, отвезёт на сальницу.

После ужина, уже в сумерках, Феофан вышел к морю, сел на брёвнышко и закурил. На море был отлив, матово отсвечивал длинный заплёсток, и торчали из воды камни.

Метрах в ста от него, у корги, кто-то бродил по мелкой воде и крепко ругался.

"Кто же это может быть? — предполагал Феофан. — Может, Толя Полотухин? Только что он запоздал-то так?" Толя сидел на соседней тоне — Спасской, — километрах в двух, и иногда наведывался к нему, чтобы скрасить одиночество. "Наверно, приехал на дорке, ткнулся в коргу, в мель, не может выбраться". Толя кряхтел там, в темноте, ворчал, барахтался со своей доркой.

"Что ты, в первый раз? Мель эту не знаешь? В сухую воду решил протолкаться, вот дурёха", — так размышлял Феофан о Толе и покуривал. Толя меж тем что-то ворчливо бормотал и всё приближался...

То, что это не Толя, Феофан разглядел слишком поздно, и удрать не успел. Это был Беспалый, который тянул к берегу от корги стокилограммовую шкуру вместе с якорем. Шкура и якорь здорово упирались, цеплялись за камни, и медведь крепко ворчал, был недоволен. Удирать было поздно. Беспалый вышел прямо к нему, нос к носу... В самом деле большой, очень большой медведь.

— Толька! — крикнул Феофан, сильно струхнув. — Брось шкуру!

Они разбежались в разные стороны.

Но в сальницу Беспалый больше не полез. И не потому совсем, что образумился, наконец, или же оробел. В его отчаянной наглости и готовности совершить новое вероломство сомневаться не приходилось. Просто Феофан пошёл на хитрость — стал подкармливать медведя. Он попросил рыбаков привозить к сальнице не одни только шкуры, а целых нерп, неосвежёванных. У сальницы снимали теперь шкуры, и рауки — нерпичьи тушки — Феофан бросал в кусты за сальницей. Каждое утро это место навещал. И почти всякий раз видел там остатки медвежьего пиршества и следы, следы... Следы Беспалого.

Так они и жили до сентября, и жизнь эта стала привычной. А в сентябре Феофан однажды увидел на песке рядом со следами Беспалого другой медвежий след, более мелкий и тонкий, — след медведицы. И услышал тёмной и теплой ночью в

лесу страстный и восторженный медвежий рёв. Так ревут влюблённые медведи. И больше никогда в жизни не видел он ни самого Беспалого, ни его следов. Увела медведя любовь в другие лесные дали.

И стало немного грустно. Будто от жизни оторвалась какая-то дорогая и важная частица, упала на дорогу и потерялась. И на том месте, где она оторвалась, образовались прохлада и пустота.

НОМИНАЦИЯ "ПОЭЗИЯ"

Подноминация "Для детей"

Валерий САВОСТЬЯНОВ (г. Тула, Россия) — поэт, член Союза писателей России, автор 12 книг и многих публикаций в российских и международных изданиях. Стихи входят во всероссийские антологии "Русская поэзия. XXI век", Военной поэзии "Ты припомни, Россия, как всё это было!..", "Молитвы русских поэтов" и другие. Обладатель нескольких литературных премий, победитель раз-

личных фестивалей, конкурсов. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Поэзия", подноминация "Для детей" (1 место).

ВЕРСТАК

Вчера ещё доска невзрачною была —
Сегодня с верстака сошла белым-бела,
Вчера ещё брусок был вымазан в песок,
Ну а сегодня, глянь: горит любая грань.

Спасибо, мой верстак: хоть я и ученик —
Доска не просто так, а полочка для книг.
Спасибо, мой верстак, за добрые дела:
Брусок не просто так, а ножка для стола.

Гвоздей или винтов не требуется мне —
Собрал, и стол готов, и полка — на стене.
Прилажу, посмотрю: всё так или не так —
Морилкою морю, размазываю лак.
И светятся сучки, древесные зрачки,
И чудо-волокно их вдруг заволокло!

А что же ты, верстак, что у тебя за вид?
Измазан в трёх местах и в двух — помят, побит.
Как человек в годах, ты жизнью умудрён —
Так что же ты, верстак, не крашен, не морён?
Невзрачен ты...

И вот ответил мне верстак:
"Рабочий на завод не надевает фрак.
Шахтёр, идя в забой, прикинет наперёд,
Чтоб каску взять с собой, а шляпу — не берёт.
И комбайнёр в страду — пожалуйста, учти —
Хоть он и на виду у всей страны почти,
Но так он, вот беда, прожарен, пропылён,
Что галстук никогда не надевает он..."

Одежда их проста, но посмотри, мой друг,
Какая красота из их выходит рук!.."

Борис БОГОМОЛОВ (пгт. Новосёловское, Республика Крым, Россия) — поэт, художник-оформитель, член РОО "СПРК". Автор двух собственных книг стихов и двух коллективных сборников

поэзии. Печатался в ряде СМИ Крыма и России. Победитель и дипломант нескольких литературных конкурсов и фестивалей, в том числе международных. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Поэзия", подноминация "Для детей" (3 место).

ВЫПУСКНИКАМ ШКОЛЫ

Многое, ребята, вам предстоит узнать.
Пока вы лишь орлята. Орлами надо стать.
Жизнь — не дорога ровная, не берега кисельные,
По ней идут упорные, и побеждают сильные.

Вы ширь степей разбудите. До дальних звёзд достанете.
Не важно, кем вы будете. Важно, какими станете.
Пусть жизнь вам улыбается. Пусть верится и любитя.
И всё, о чём мечтается, непременно сбудется.

Сулейман КРЫМОВ (г. Саки, Республика Крым, Россия) — поэт, член ЛИТО "Сакские родники" и арт-клуба "Февраль" (г. Саки), автор книги стихов. Победитель нескольких литературных конкурсов. Лауреат V Международного

литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Поэзия", подноминация "Любовь" (1 место).

КУРС "ВСЕМИРНО-АМУРНО-АЛКОГОЛЬНОЙ И НЕ ТОЛЬКО,
А ДАЖЕ БОЛЕЕ ВСЕОБЩЕЙ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ"

Пролог

ИНВАЛИДЫ АРМИИ ЛЮБВИ

Вечно беспокойно в этом мире:
Ссоры, склоки, свары, мордобой...
На богатой вилле и в квартире
Конфликтуют люди меж собой.
Бабы плачут, водку пьют мужчины,
И друг другу дружно портят кровь.
А всему тому одна причина —
Это несчастливая любовь.
Только с виду, брат, у индивида
Радости и горести свои.
Но...

Все мы в этом мире инвалиды,
Инвалиды армии любви.

А в природе бедной что творится?
Только лишь весна берёт своё,
За подружек начинает биться
Меж собою глупое зверьё.
Кто рога, кто крылья, кто копыта
Сообща кладут на алтари —
Звери, они тоже инвалиды,
Инвалиды армии любви.

Погляди, на верную погибель
Прёт осётр на нерест — пруд пруди.
Не по делу пропадают рыбы —
Инвалиды армии любви.
(Мы ведь ею закусить могли).

Загляни теперь в литературу:
Персонажи непутёвых книг
То страдают, то стреляют сдуру
От амурных пагубных интриг.
Бабка у разбитого корыта,
Деда в неотложку увезли.
Книжные герои — инвалиды,
Инвалиды армии любви.

Сколько раз и я влюблялся пылко,
В результате — вечно на мели!
Нынче на заветную бутылку
Собираю рваные рубли.
Дама бубен снова будет бита,
А валет не выйдет в короли...

P. S.

Граждане, подайте инвалиду,
Инвалиду армии любви.

1994 год. Камчатка, Елизово.

* * *

Эпизод 1.

Изначальный. Сотворение мира

*Со мной жена не ладит,
Колотит, а не гладит.
Тому, кто волю даст жене,
Она на шею сядет.*

Роберт Бёрнс

(перевод С. Я. Маршака)

Пролог

Классический пример

*всех наших драм —**Змей, древо, Ева, чрево и Адам!*

Страдаем, мужики, не первый век мы,
И нам давно уже решить пора,
В чём сущность того самого объекта,
Что был когда-то создан из ребра?
Хотя, в сам миф не верится мне что-то,
Тут надо быть бараном и ослом
Или, точнее, просто идиотом,
Чтоб собственным пожертвовать мослом.
Необходимо срочно разобраться,
Как рвали, под наркозом или без?
Возможно, пациент от операции,
Подумав, отказался наотрез.
А если так, прошу вас зафиксировать,
Составить, если надо, протокол
Об акте медицинского насилия
Над самым первым в мире мужиком.

В перипетиях древнего сюжета
Действительность слегка искажена,
В помощниках у Бога, рядом где-то,
Наверняка, крутился сатана.
А далее, по Ветхому Завету,
Всё понеслось, простите, вкривь и вкось,
Лишь только сотворили ведьму эту,
Недоброе немедля началось.
Была бы Ева малость не дурная,
Но баба и змея — одна семья,
Нас, бедолаг не выгнали из рая,
Где вряд ли погуляю снова я.
Не зная драм, счастливый дни и ночи
Адам без дам слонялся голышом,
И думаю, переживал не очень,
Что некому окликнуть алкашом.
Но нынче на земле не сыщешь рая
И никуда не денешься один,
Я только на хирургов уповаю,
Пусть клином вышибают этот клин.
Да с нашим братом больше не лукавят,
А колют, пилят, режут на куски...
Но, рёбра, хай нам заново поставят!!!
Ведь, правильно гутарю, мужики?
Я на здоровье плюну для науки,
И даже, если ноги протяну...
Не оплошайте, братаны-хирурги!
Но запихните хоть куда жену!

Р. S.

В гробу перевернусь, вас помяну!

март 1996 года. Камчатка, Елизово.

Равиль ВАЛЕЕВ (г. Алушта, Республика Крым, Россия) — поэт, член ОО "Союз писателей Республики Крым".

Автор книги стихов, многочисленных публикаций в журналах России и зарубежья. Многократный победитель различных литературных конкурсов и фестивалей, обладатель премий и Гран-при. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Поэзия", подноминация "Любовь" (2 место).

ЗА ЧТО ЛЮБЛЮ ТЕБЯ Я, ЗИНА?
(сложное рондо)

За что люблю тебя я, Зина,
Мой разум объяснить не может.
Терзаюсь до телесной дрожи —
Не в колдовстве ль каком причина?
В аду хозяйская скотина
С ухмылкой на коварной роже
Заранее костяк мой гложет —
Пропал уверенный мужчина.
За что люблю тебя я, Зина?

Я был потерей уничтожен,
Молил: "Ну, помоги мне, Боже!"
Как мрак и безысходность сплина
Вдруг прогнала твоя лучина,
Мой разум объяснить не может.

От аромата нежной кожи
Я становлюсь покорной псиной
И растекаюсь мягкой глиной
О том, что будет с нами позже,
Терзаюсь до телесной дрожи.

Жизнь — не индийская картина,
И старость, словно паутина,
Болячки организма множит,
Но чувствую себя моложе.
Не в колдовстве ль каком причина?
За что люблю тебя я, Зина?

ГОЛУБИНАЯ ПАРА
(сложное рондо)

*посвящается Раисе Блох
и Михаилу Горлину*

Эмигрантской семьи голубиная пара
Вспоминала стихами о прошлой России,
Бури страшной эпохи следы заносили,
От судьбы не спасает наличие дара —
Пепел пал на поля от Европы пожара.
За дела приступили фашизма мессии,
Что в итоге войну против всех замесили.
За еврейскую кровь ждёт от власти удара
Эмигрантской семьи голубиная пара.

Мочат платье весенние струи косые,
Разбиваются лужи ногами босыми,
И кричит от волнения тётушка Сара:
"Я, Раиса, умру от такого кошмара!"
Вспоминала стихами о прошлой России.

А недавно дочурку в Париже родили,
Хоть считали Раису для матери старой.
Муж отправлен в концлагерь
с еврейской отарой,
И в Швейцарию к брату
набраться бы силы —
Бури страшной эпохи следы заносили.

Смерть в дороге дочурки — бездушная кара.
"Эту даму в гестапо" — вердикт комиссара.
И в Освенциме газом её отравили.
Для цветов не найдутся обоих могилы —
От судьбы не спасает наличие дара...
Эмигрантской семьи голубиная пара.

В ЯЛТЕ ДОЖДЬ УМЫВАЕТ ПЛАТАНЫ

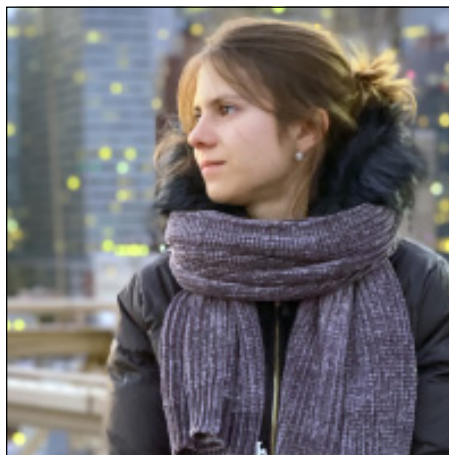
В Ялте дождь умывает платаны,
Полирует листву у магнолий,
И промокший неубранный столик
Предлагает прохожим стаканы.

Мех нахохлили мокрые пальмы —
Вянет зелень озябших ладошек.
Как предтечу возможной пороши,
Дождь играет мотивчик печальный.

Уезжает Прекрасная Дама,
Возвращаясь к супругу и сыну.
От печали разлуки я стыну,
Ведь у зрелых любовь — это драма.

Вот аккорд нашей песни финальный,
До конца отыграли мы роли —
Обнимаемся с хрустом, до боли,
Поцелуй ненасытно-прощальный.

Наш роман отсекли с лязгом двери,
В Симферополь отъехал троллейбус.
Продолжение — решаемый ребус,
Но в счастливый конец мы не верим.

Анна БИРЮКОВА (г. Курск, Россия) — поэт, прозаик, главный редактор журнала "Серебряные сверчки". Победитель фестиваля детского творчества "Начало" (г. Рязань), лауреат премии "Артиада России", лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Поэзия", подноминация "Любовь" (3 место).

РЕКВИЕМ ПО МЕЧТЕ

Напишем реквием по сбывшейся мечте?
Навек февраль — теперь уж без сомнений.
К чему скрывать? Я подошла к черте —
Нет места лжи во мраке откровений.

Не смей тянуться к пульсу моему,
Иначе сердца два погибнут в резонансе.
Есть, что скрывать? Прости, я не курю —
Привычка жить в гротескном декадансе.

Кривые зеркала — извечный наш удел.
Святейший постулат: безумие — на счастье.
Не стоит находить реальности предел —
Мы параллелями столкнёмся в одночасье.

Любовь, как каламбур, — понятна не всегда;
И любим мы не тех, и теми не любимы.
Так лучше: за водой — по капле кислота.
Все демоны — мои. Они непогрешимы.

* * *

Я застыла в капле янтаря —
Бабочкой со сломленной душою.
Промолчит листок календаря,
Где ещё мы свидимся с тобою?

И тогда, вот помню, лил февраль;
Вековечны слёзы, те же муки...
Я познала: небосвод ведь — сталь,
Разум искромсала, поломала руки.

Помнишь куклу? Шёлковые нити
Витиеватых фраз багрянцем на стене.
Час уж поздний. На какой орбите
Демоны мне шепчут о тебе?

Кружево и строки — обними подругу...
И терзают сердце капельки вина.
Сумасшедший хохот. Окажи услугу —
Хоть глоток оставь, а душу пей до дна.

Светлана ПЕШКОВА (г. Липецк, Россия) — поэт. Член Союза писателей России. Автор двух книг стихов, нескольких коллективных сборников и альманахов, литературных журналов. Победитель различных литературных конкурсов и фестивалей, в том числе международных. Награждена медалью им. Е. Замятина за успехи на литературной и культурной ниве. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Поэзия", подноминация "Природа" (1 место). Лауреат первого Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации "Поэзия. Я люблю свою землю..." (1 место), проходившего в рамках V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

эзия", подноминация "Природа" (1 место). Лауреат первого Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации "Поэзия. Я люблю свою землю..." (1 место), проходившего в рамках V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

БАЮ-БАЮ

Баю-баю... снов не видит
Старый хутор по ночам.
По дворам, заросшим снытью,
Бродит лунная печаль.
То, вздохнув, уронит грушу,
То прольёт вишнёвый сок,
То из бурой вязкой лужи
Смачно сделает глоток.
То водой в колодце булькнет,
То возьмётся в окна дуть.
А устанет — ляжет в люльку,
Позабытую в саду.

Ветер люлечку качает,
Осторожный, словно вор.
За плетнями, нескончаем,
Стелет простыни простор.

Заглянула в люльку птица —
Ищет гнёздышко птенцам...
Седовласый пар клубится
У прогнившего крыльца.
Речка звёзды привечает,
Привечать чужих — не грех.
Над заброшенным причалом
Вьётся иволговый смех.

Волк, свернувшийся в калачик,
Спит у чёрного куста.
Баю-бай.
Никто не плачет.
Ночь.
И люлечка
пуста.

* * *

Цвела джида, журчал степной арык...
Я помню это место, где зарыт
Мой детский клад — секретик мой заветный.
Под выпуклым бутылочным стеклом
Лежало голубиное перо
На смятой золотинке от конфеты.

Земля была покорна и легка,
Как гречневая мамина мука.
Её так много — всем на свете хватит
Лугов, полей и маковых степей.
Я знала, что могу доверить ей
И стёклышко, и пёрышко, и фантик.

Я помню осень. Сад. Горит листва,
Ползёт позёмкой пепел от костра,
Ложась на оперенье мёртвой птицы.
И хрупкий мир, что не был мной спасён,
Послушно лёг в голодный чернозём
И в кукольной коробке уместился.

НИЧЕЙ

Спят, словно вишни, в небе звёзды.
Ты присядь с дороги и остынь.
Вытряхни из сумки горький воздух
Жадных и безжалостных пустынь.
Выпей нашей северной прохлады,
Вспомни ежевичный вкус ночей.
Знаешь сам — для счастья мало надо,
Если ты давно уже ничей.
Здесь как прежде всё: уклад старинный,
Снег — зимой, по осени — дожди.
Выйди в сад, поешь с куста малины,
Берегом к источнику сходи.

У реки на мостике дощатом
Эхо передразнивает шаг.
В этот час голодные щурята
Ищут живность в чёрных камышах.
Сонный лещ, наевшись звёздных ягод,
Тычет лбом в купальщицу-луну,
А луна ныряет под корягу
И не собирается тонуть.

Скоро полоснёт крылом зарница,
Выключет небесное зерно.
Хочешь в старой лодке прокатиться
С кроткой предрассветной тишиной?

Спящая в тумане колокольня,
Заросли бушующей травы...
Снова оказаться в прошлом больно,
Если возвращаться не привык.
Где-то ждут нехоженные дали,
Манит неизвестность новых мест...
Ну а здесь родители заждались —
Сгнил и покосился мамин крест,
У отца заржавлена ограда,
Холм размыли вешние ручьи.
Мало старикам для счастья надо,
Если старики уже ничьи.

Леонид ЯРМУШЕВИЧ (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — поэт.

Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Поэзия", подноминация "Природа" (2 место).

В ЗАКОТНОМ

Вечереет. День к закату
Зашагал неторопливо.
Там, за дальним перекатом,
Солнце спряталось лениво.
Отдаёт горчинкой воздух,
В травах синь уже, и скоро
Неподобранные звёзды
Разбегутся по озёрам.

БУРУЛЬЧА

В ней отблеск гор, лесов, луча
Чарующе-хмельного света.
Течёт сквозь память Бурульча,
В венок из трав степных одета.
И понимаю, что живу
В её загадочной орбите.
Взлетает птица в синеву,
А кажется — душа в зените.

Валентина БООВАН КУУКАН

(г. Элиста, Республика Калмыкия, Россия) — поэт, прозаик, выпускница Высших литературных курсов при Литературном институте им. А. М. Горького, член ИСП, автор публикаций в различных российских жур-

налах, редактор калмыцкого выпуска журнала "ЛИФФт", дипломант многих литературных фестивалей и конкурсов, лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Поэзия", подноминация "Природа" (3 место).

* * *

Тюльпаны в степи полыхают,
А я в городской суете.
Полынью курганы вздыхают,
Сжимается сердце в тоске.

Поверив какому-то чуду,
Приеду в родное село.
Мне больно — чужое повсюду,
Бурьяном наш двор занесло.

И вязы у дома печальны,
Сиротство им предалось.
Нет мамы, и нет больше тайны,
С которой всему здесь жилось.

Стою у калитки, пытаюсь
Найти хоть частичку тепла,

К холодным стволам прижимаюсь —
Они позабыли меня.

Когда-то здесь пелось, мечталось,
И пахло парным молоком,
И счастье меня дожидалось
За каждым соседним углом.

Без спросу мне сыпал в тетрадку
Шальные стихи звездопад,
Манил, уводил спозаранку
В пушистый свой рай снегопад.

Давно здесь не крашены рамы,
Радужный наш сгорбился дом.
Здесь всё говорит мне — нет мамы,
С вдыхающим жизни теплом.

* * *

Валентине Нимгировой

Вы помните степные миражи —
Великолепие неведомых миров,
Пленяли взор, манили витражи —
Из марева создания Богов?

С тоской гляжу в степное далеко,
Там горизонт кричит мне: всё ушло
В миры другие, где душа жива,
Где связь с Богами всё ещё сильна.

Я помню день, когда вожак сайгачий
В то марево народ свой уводил,
Он понимал — становится незрячим
Весь род людской. Он злобу затаил.

Их провожали юные глаза...
Щемило грудь — уходят навсегда...
Непрошенной туманила слеза
Мои глаза. То — юность, но тогда

На Старца Белого несметные стада
Не поднимались руки у людей
И оставались чистыми всегда
Пред степью, как пред матерью своей.

Вы посмотрите — миражи ушли,
И эхо не услышите, увы...
Сайгаков нет. И степь грустней, грустней,
Лишившись своих гордых сыновей.

* * *

Оцепененье. Это волк
В двух метрах от меня,
И к горлу подступил комок,
И ватная нога.

Глаза ни добрые, ни злые
Смотрели на меня.
И мы безмолвно говорили
О том, что мы родня.

А волк, наверно, вспоминал,
Как в стужу для волчат
Мой дед барашка оставлял
Волчице — был ей братом.

Мгновенье вечность поглотило...
Как он исчез? Не помню,
Лишь сердце трепетно молилось
Легенде, ставшей былью:
Праматерь рода моего
Волчицею была.

Сергей КРИВОНОС (г. Сватово Луганской области, Украина) — журналист, поэт, член НСПУ и МСПС. Автор более десяти поэтических книг. Победитель и дипломант различных литературных конкурсов и фестивалей, в том числе междуна-

родных. Лауреат первого Международного литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации "Поэзия" (2 место), проходившего в рамках V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

* * *

День, словно странник бездомный, продрог,
Ветки деревьев колышутся пьяно.
Сватово — наш небольшой городок —
Вновь утопает в осенних туманах.

Маленький город большой суеты,
Где неприкаянно бродят зеваки,
Где беззаботно гуляют коты,
Если не лают сердито собаки.

Душу согреет дворовый уют,
Душу согреют знакомые лица.
Всё нестолично здесь, разве что пьют,
Не уступая ни капли столицам.

Густо ползёт по околице лес,
И, разрушая покой лепестковый,
То проезжает вдали "Мерседес",
То неуклюже проходит корова...

День, словно странник бездомный, продрог,
Но не случайно вдали так знакомо
Вьётся прозрачный весёлый дымок
Над покосившимся стареньким домом.

* * *

Иду сквозь тишину за настроением,
За удивленьем и за вдохновеньем.
А что морозно — нет моей вины.
Вот первая звезда на небосводе,
А у звезды всегда — одна погода,
И — ни зимы, ни лета, ни весны.

И я смотрю на небо удивлённо,
И так же удивлённо смотрят клёны,
И точно так же смотрят тополя.
Поскрипывает снег. Закат алеет.
Мороз крепчает. Только всё же греют
Родимый край, родимая земля.

Шагаю по притихшему посёлку,
Где иней — словно звёздные осколки,
Где каждый холмик — близкий и родной.
Где жаль всего прошедшего немножко,
Где тихо светит мамино окошко
Тем добрым светом, что всегда со мной.

* * *

Вдруг подумалось: может, простившись с друзьями,
В крупный город рвануть сквозь тревоги дорог?
Но, сжигая сомнения, греет огнями
Нешумливый родной городок.

Где — друзья, где безбрежие яблонь и вишен,
А столица — мельканье машин и людей.
Там за уличным шумом не часто услышишь,
Как ликует смешной воробей.

Там не слышно в трубе завывающей вьюги,
И не видно лесов, что выросли в синеву,
Там под вечер не катится солнце по лугу,
Пригибая густую траву.

И вовек не отыщешь такого простора,
Где знаком тебе каждый вершок-корешок...
Нестоличный мой город, приветливый город —
Самый маленький, самый большой.

Никита БРАГИН

г. Москва, Россия) — геолог, поэт, член Союза писателей России, автор десяти сборников стихов, победитель и лауреат многих творческих конкурсов, в том числе международных. Лауреат первого Международного

литературного конкурса им. С. Н. Сергеева-Ценского в номинации "Поэзия" (3 место), проходившего в рамках V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

ХЕРСОНЕССКАЯ ЭЛЕГИЯ

Товарищ главный старшина,
одни мы выжили, очнитесь —
кругом такая тишина,
что слышно ангела в зените...
В его слезе любовь и власть,
и столько света и полёта,
что замолчали пулемёты,
и в небо хочется упасть.
И время смерти подоспело,
но держит горькая земля,
поникший мак нагого тела
огнём антоновым паля.

Ушёл к Тамани "Красный Крым",
на дне "Червона Украина",
и мы, последние, сгорим,
и кровью породнимся с глиной,
горячим камнем и золой,
костями, кирпичами, пылью —
с любимой, вековой, могильной,
всё принимающей землёй.
Шурша скелетами столетий,
в окопы сыпется она —
теперь мы ей родные дети,
товарищ главный старшина.

Всё, похороненное в ней —
керамики сухие гроздья,
нагие острия кремней,
тяжёлые отливы бронзы, —
всё перемешано войной,
иссечено железным ливнем —
Боспора золотые гривны
и чёрный лом брони стальной,
и хоботы противогазов,
и мраморный девичий лик,
и нимфа в нежном хризопразе,
и молнией — трёхгранный штык!

Товарищ главный старшина,
мы доиграли наши роли,
и тишина уже страшна
предчувствием последней боли...
Финал трагедии — затих
громоподобный хор орудий,
кровавой головой на блюде
наш Севастополь... Мерный стих
волны оплакивает город
в багровом трауре огня
и землю грешную, которой
мы станем на закате дня.

БАШНЯ ВЕТРОВ

Башня Ветров посредине двора, словно так и положено,
дальше пройди — и Гефестова храма увидишь колонны,
и переполнишься чувством любви к невозможному,
и отзовёшься, как странник с вершины поклонной.

Перед тобой, на ладони, античная суть Севастополя,
палевый камень, иссохшая колкость акаций,
ржавая пыль Гераклеи, мотыгой войны перекопана,
алые вспышки маков, которым всегда восемнадцать.

Тонкая радость вина, долголетнего крымского узника,
хрупкий осколок огня, херсонесская глина,
тёмная память земли и небесная музыка,
тихая тема гармонии, спящей в руинах.

ЗАКЛИНАНИЕ

Уходящего дня золотая парча
на прощанье дорожкой по морю блеснула,
и растаяло солнце, как в печке свеча,
как денарий в копилке Лукулла.

Так и память растает, слезой Данаид
утекая по капле в бездонные дали,
где последние отсветы море хранит,
словно кровь на зазубринах стали.

Вот бы годы зажечь и расплавить века
в колокольную тяжесть и в гибкость булата,
чтобы пламя мерцало в крупинках песка
и алело над морем крылато!

Чтобы ясной — звезда, чтобы чистой — вода,
чтобы ночь — на мече грозowego сполоха,
чтобы верная кровь — на излуины льда,
по губам, до последнего вдоха!

Билал АДИЛОВ

(г. Баку, Азербайджан) — поэт, журналист, публицист, переводчик, член Союза писателей России. Автор книги стихов на лезгинском и

их переводов на русский язык, сборника его стихов в переводе на болгарский, книга мировой поэзии в переводах Б. Адилова на лезгинский язык.

Награждён дипломом имени М. Ю. Лермонтова "Недаром помнит вся Россия" с вручением медали "М. Ю. Лермонтов" по решению Правления МГО Союза писателей России.

Победитель Международного конкурса поэзии "Парнас — Премия Анжело ла Веккья" в номинации "Специальная премия «Расул Гамзатов»" (2019).

Почётный гость V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

В РОДНОМ СЕЛЕ

Вернулся я в Судур холодным днём,
Сугробы на пути одолевая,
Чтоб снова ощутить себя в былом,
Налюбоваться красотой края.

Обильный снег засыпал скаты крыш.
Они белы, как горные вершины.
Вокруг стоит немыслимая тишь,
Как будто сняты снежные картины.

Лишь детский смех на улице звучит.
Так долго дети снега ожидали.
Камин ворчит, как старый инвалид,
А стаи дум летят в иные дали.

Кладу дрова в соцветие огня.
Тепло всё ощутимее струится.
Но нет тепла на сердце у меня —
В мой дом родня уже не постучится.

Лишь пачки писем прошлое хранят,
Там след любви блуждает по страницам.
Скрипят ворота — ржавчиной корят,
И стонут под ногами половицы.

Снег создаёт торжественный уют.
Пройдусь на ким*, как только свечереет.
И, может быть, беседы принесут
Тепло душе, которое согреет.

Перевод Валерия Латынина

*Ким — годекан

Я не знаю, где ты, чем ты дышишь,
Чем увлечена в разгаре дня.
Но, когда гроза блеснёт над крышей,
Отыщи в душе своей меня.

В час, когда печаль стучится в душу,
Тьму пронзают сполохи огня,
Я тоску и боль твою разрушу,
Отыщи в душе своей меня.

Может, жажда о прошедшем мучит,
Раны, не зажившие, саднят?
Чтобы стало хоть немного лучше,
Отыщи в душе своей меня.

Наше время общим прошлым стало,
Но желаю вновь услышать я,
Что ты прежних чувств не растеряла...
Отыщи в душе своей меня.

Мы с тобою расставались с болью,
Угли чувств внутри себя храня.
Разве мы не связаны любовью?
Отыщи в душе своей меня.

Пришёл к тебе я снова, Каспий мой.
Прошу тебя, поговори со мной.

Туч грозowych я сделался темней.
Поговори, печаль мою развей.

Сочувствие целебно для меня.
Но ты сегодня грустный — вижу я.

Молчишь устало, о своём скорбя,
И оставляешь боль внутри себя.

Спокойны волны на твоей груди.
На берегу — зелёные сады.

Но, видимо, зима в душе твоей
Ещё живёт, не зная тёплых дней?

Я каждый раз иду к тебе, родной,
Когда тревогой мучим и бедой,

И, глядя в глубину суровых вод,
Стихи слагаю из своих забот.

Перевод Валерия Латынина

Перевод Валерия Латынина

СЕГОДНЯ МНЕ СКАЗАЛА МАМА

Сегодня мама с горечью сказала:
"Седеешь раньше времени, сынок".
Она, как перед раненым, стояла,
Не удержав свой материнский вздох.

Ах, мама, мама! Ты уже забыла,
Увидев белой паутины нить,
Слова, что мне когда-то говорила:
"Закон природы нам не изменить".

Ну что же тут поделаешь, родная?
Природа изменяет цвет волос.
Друг друга годы и века сменяют,
Без смены никогда не обошлось.

Тебя напрасно седина тревожит.
Идёт без остановок караван...

Пусть я тебя на много лет моложе,
Подкралась осень и к моим годам.

Скорее потуши в душе тревогу.
"Ах, милый друг, за чередой дней
Сердца и души матерей не могут
Не волноваться за своих детей!"

Я истину познал в мгновенья эти:
Для матерей и в старости мы — дети!

Перевод Валерия Латынина

ГОРДИСЬ

Запомни то, что я тебе скажу:
Народ наш мал, но судьбами велик!
Гордись землёй, которой я горжусь,
Люби и почитай родной язык!

Наш род прославил златоуст Далах —
Девятый век его слова звучат, —
Он Родину воспел в своих стихах,
Они от бед, ей выпавших, горчат.

Не ведай страха, как Гаджи Давуд,
Что на врагов с клинком в руке вставал,
Пусть подвиги его в душе живут.
Честь сохрани, как чистоту зеркал.

Ярагви был познаниями глубок
И Шамилю их щедро передал,
Он воспитать героя-горца смог,
Чтоб тот врагам покоя не давал.

А, знаешь ли, кем был Кири-буба?
Он — воин, справедливости оплот.
Коль помнишь предков, никогда судьба
Твоей спины холуйски не согнёт!

Имиралы и Ярали у нас —
Герои, чьи сраженья не забыть,
Рассказывают люди и сейчас,
Как неприятель ими был разбит.

Учёный муж Эфенди Алкадар
Оставил том научный не один,
Читаем мы его бесценный дар —
Древнейшую историю лезгин.

Запомни то, что я тебе скажу:
Народ наш древний судьбами велик!
Гордись землёй, которой я горжусь,
Люби и почитай родной язык!

Перевод Валерия Латынина

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Величие Шахдага, Шалбуздага
Восторг рождают в сердце и отвагу,
Горам во вред не сделаем ни шага,
Скорее, каждый руку отсечёт,
Земля родная, Родина, народ!

Вы славу наших предков увенчали,
Здесь пишутся истории скрижали,
Развейте тучи нынешней печали,
Чтоб рухнул груз нерадостных забот,
Земля родная, Родина, народ!

Из века в век вы дарите нам силы,
Гаджи Давуд, Кири-буба — светилы,
Примером и Ярагви послужил нам.
Здесь каждый гордо голову несёт,
Земля родная, Родина, народ!

Альпийские луга в цветах чудесных,
Бурлят ручьи, поют природе песни,
Красоты ваши всей земле известны,
Их воспевать душа не устаёт,
Земля родная, Родина, народ!

Поит сады Самур-река веками,
Здесь всё облагорожено руками.
Пусть чистым будет небо над горами,
И Каспий мирно рыб своих пасёт,
Земля родная, Родина, народ!

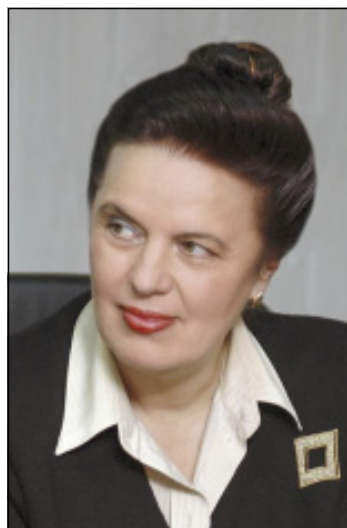
Перевод Валерия Латынина

ВОСПЕВАЮ РОДИНУ СВОЮ

Сегодня кто-то мне сказал,
Что зря я много лет писал,
Что обесценен нынче стих.
"Неужто нет забот других?
Бросал бы ты слова слагать...
На деньги их не обменять.
А если славою влеком,
Пиши на языке другом..."
Ему ответил я: "Чудак,
Не можешь ты понять никак —
Я выгодой не жил ни дня.
Не торопись хулить меня.
Я верю, что язык всегда,
Как путеводная звезда,
Он дарит нам бессмертный свет,
Чтоб шли за предками во след.
Такой я вижу толк в словах.
Пример мне — предок мой Далах*.
Его я следую тропой.
Горжусь, как он, землёй родной!
За всё, что на земле люблю,
Хвалю я родину свою!"

Перевод Валерия Латынина

* Далах Стур — лезгинский поэт 12 в.

Марина АХМЕДОВА (г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия) — народный поэт Дагестана, прозаик, переводчик, публицист, выпускница Литературного института им. А. М. Горького, член Союза писателей СССР, редактор газеты "Литературный Дагестан" и журнала для детей "Соколёнок", учредитель и редактор издательства "Дагестанский писатель", Заслуженный работник культуры России и Дагестана, лауреат премии Ленинского комсомола Дагестана, Государственной литературной премии Республики Дагестан им. Расула Гамзатова, победитель международного конкурса поэзии "Парнас — премия Анджело ла Веккья" в Италии в номинации "Парнас интернациональный", лауреат Всероссийской литературной премии за лучший художественный перевод "Словес связующая нить", лауреат Государственной премии Республики Дагестан в области литературы за 2017 год. Долгие годы работала рядом с Расулом Гамзатовым, переводчик многих его произведений.

Член жюри конкурса V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

* * *

Я так люблю большие города
За то, что в них, не требуя оваций,
Иголкой в стоге можно затеряться,
Не лицемерить и не притворяться,
А просто жить — отныне и всегда.

За их античный демос площадей,
Где в толчее равны и принц, и нищий,
Среди которых вор багдадский рыщет...
Где ловкий кот, крадущийся по крыше,
Взрывает фейерверком голубей.

Люблю в час пик клаксонов водопад,
Визг тормозов и перезвон трамваев...
В колючем декабре и в нежном мае
По бесконечным улицам блуждая,
Люблю вдыхать их терпкий аромат.

И замирая мухой в янтаре
У древних стен, что помнят стрелы гуннов,
Вдруг ощутить себя бесстыдно юной,
Забыв, какое — в этот миг безумный —
"Тысячелетие нынче на дворе".

Запутаться люблю на целый день
Я в паутине улочек горбатых,
Которые хранят шаги Синбада
И помнят, как от гибельного града
Покрыла их божественная тень.

Я их непредсказуемость люблю,
И потому меня, наверно, манят
Гудки паромов в утреннем тумане,
Когда судьбу, зажав как нож в кармане,
Ты слепо доверяешь кораблю.

И кружево мостов и галерей
Люблю я расплетать по километрам,
Чтоб надышаться опиумом ветра
И, вечно оставаясь незаметной,
Среди толпы гудящей быть ничьей.

Я так люблю большие города
За то, что в них не скучно никогда.

МОНАСТЫРЬ ХОРА

В Стамбуле дождь...
А я, как странница,
Бреду, куда глаза глядят...
Паломница или избранница,
Застывшая у царских врат?..

По византийским узким улицам,
Тысячелетней мостовой,
Иду туда, где храм сутулится,
Как будто пасынок чужой.

На солнце выцвели былинные,
Диковинные купола,
И позабыли звон малиновый
Царьградские колокола.

Но и во мгле, как прежде, светятся
Нездешним светом образа,
Над звёздочкою с полумесяцем
Встают иконные глаза.

Щепоть ко лбу невольно тянется
В музейной этой толчее —
Она пройдёт, а храм останется,
Как и знаменье на челе.

В Стамбуле дождь не прекращается...
Поёт охрипший муэдзин...
Но здесь сильнее ощущается,
Что Бог воистину один.

КАРАКЁЙ

По каким-то неведомым признакам
близость пристани я узнаю...
Чайки в небе, как белые призраки
между сонных паромов снуют.

Пахнет рыбой и морем, и осенью,
полыхают во тьме костерки,
и в тумана серебряной проседи
греются над огнём рыбаки.

Бьются волны в причалы железные,
и отходит последний паром...
Возвращаться домой бесполезно мне,
потому что свобода — мой дом.

Ощущения эти и запахи,
и всегда такой разный Босфор,
как черта меж востоком и западом,
будоражит мой ум до сих пор.

Его грозные волны воинственны,
им покоя и удержу нет,
а из тьмы проступает таинственно
вновь Софии Святой силуэт.

Просижу до рассвета на лавочке,
чтобы первый дожждаться паром...
Мне все предубежденья до лампочки,
потому что свобода — мой дом.

* * *

Мой предок странный, отчего
ты из Флоренции прекрасной,
сбежав из дома своего,
пустился в этот путь опасный?

В дремучий край, где топь да лес,
да плат небес, до боли синий...
Какой тебя попутал бес
плыть из Италии в Россию?
Вернее Русь...
Ты предпочёл
прекрасной флорентийской речи
писк комаров, жужжанье пчёл
и грохот городского вече,
и северных славян язык,
и крепость русскую Орешек...
Но от всего, что знал ты прежде,
зачем так быстро ты отвык?

Тебе простил бы твой отец
твою безумную забаву
и свой владетельный венец
оставил бы тебе по праву.
Потомок римлян, блудный сын,
ты был бродягой иль изгоем,
в наряде пышном иль босым
пришёл ты в северную Трою?
В пыли архивной тонет след,
но древо жизни зеленеет,
раскинув крону по Расеи
уже вторую тыщу лет.

* * *

Душа моя кочевая,
не знающая про страх,
как пёрышко ночевала
в заснеженных ты горах.

И в зареве маков алых,
как ниточка сквозь ушко,
над родиной пролетала
невидимым ты стежком.

Парила ты над долиной
не век, а мгновенье лишь,
где пахнет гончарной глиной
тоска черепичных крыш.

И пусть ты недоумённо
умчалась за поворот...
Как в сейфе, хранится в генах
таинственный этот код.

ВЕСЕННЕЕ ПОДРАЖАНИЕ ВОЗНЕСЕНСКОМУ

Красоты хочу, красоты...
Без уродливой суеты.
Красоты...
чтоб в полей холсты
заворачиваться, как улитка...
суеты нестерпима пытка,
в пустоте не растут цветы —
Красоты...

Эти правила так просты.
Но никто их зубрить не хочет...
Откровение —
для одиночек...
Красоты.

Словно кровь на зелёном фоне
маки алые дождь разбрызгал...
И несутся по небу рысью
грозных туч вороные кони.

В гривах спутанных гром застрял,
и не может освободиться...
Громогласная колесница
неминуема, как обвал.

Мечет молнии с высоты
бог языческий, ненасытный...
отчего ж он такой сердитый?
красоты...
Без неё все слова пусты,
и стихи не спасутся рифмой,
лодки все налетят на рифы,
и обрушатся все мосты.

Дождь устал. И маки на солнце
растеряли все лепестки,
источая опиум сонный
азиатской своей тоски.

ЗИМА В МАХАЧКАЛЕ

Пустынный зимний пляж,
и море в мёртвом штиле —
классический пейзаж
в венецианском стиле.
На горизонте нет
судёнышек случайных,
в звенящей тишине
не слышно крика чаек.

Здесь всё заключено
в обыденные рамки,
как будто начерно
построено по рангу,
и для усталых глаз
по-пуритански строго —
без фальши и прикрас,
изъяна и порока.

Деревья и кусты,
и валуны седые,
и ржавые мосты
забылись в летаргии.
И даже старый мол
с камней нагромождением,
как в плаванье, ушёл
в январское забвенье.

Но мне милей стократ
иная здесь картина,
когда валы кипят,
идущие лавиной.
И ветер треплет снасть,
швыряя в мол нахально
языческую страсть
волны девятибалльной.

ЖЕНЩИНА И МОРЕ

Каждый день эта женщина ходит на мол,
добираясь до самого края,
и стоит там отважно одна среди волн
восходящее солнце встречая.

И когда вырастает пурпурный цветок
из зелёной черты горизонта,
зачаровано смотрит она на Восток,
опьянев от морского озона.

Долгим взглядом потом провожает баркас,
уплывающий в пламя восхода,
и в мерцающей тьме золотых её глаз
появляется детское что-то.

Что она потеряла и что здесь нашла
в этом каменном нагромождении
валунов,
что сверкают сильнее стекла,
отражая нагие колени?

Но к чему задавать этот странный вопрос,
на который не будет ответа?..
Море лижет ей ноги, как преданный пёс,
и бросает в объятия ветра.

Г. Д.

Иногда затоскуется вдруг по Москве,
по студенческой той,
золотой, как листва,
когда юности ветер гулял в голове,
высекая из сердца, как искры, слова.

И привычным маршрутом помчится душа
по Петровке на тихий московский бульвар,
где усадьбу старинную в три этажа
мне послала судьба как нечаянный дар.

За оградою, как византийская вязь,
я услышу забытых друзей голоса,
что читали друг другу, от смеха давясь,
хулиганские вирши, зажмурив глаза.

Эти чистые слёзы просохли давно
или просто растаяли в Чистых прудах,
но пьянит ещё мозг молодое вино
тех времён, что уже не вернуть никогда.

По Тверскому спущусь до Никитских ворот
и сверну на Гранатный, где в доме одном
моих лёгких шагов ещё, может быть, ждёт
дерматином обитая дверь со звонком.

* * *

Сергею Каратову

Поздней осенью жизнь чёрно-белая...
Изнывает душа от тоски,
и возможно унять её бедную,
лишь мольбою: — Господь, помоги!

И в своей отдалённой провинции,
но у синего моря зато,
можно запросто стать и провидицей,
сея мир сквозь хандры решето.

А в Москве никогда не кончается
праздно-праздничный круговорот —
вечно Пушкин с Натальей венчается
в церкви возле Никитских ворот.

И от храма того Вознесения
по бульвару Тверскому гурьбой
бродят литинститутские гении,
словно тени эпохи былой.

И шуршит под ногами последняя
купольно-золотая листва...
Грусть её мы с тобой унаследуем,
чтобы кругом пошла голова.

И мелькает пусть жизнь чёрно-белая,
будто кадры немого кино...
Нам досталась империя целая,
а иным и шматка не дано.

Две поэтессы, две мои подружки,
две русские — так, что русей их нет...
На самом деле — немка и хохлушка,
но оттого ещё роднее мне.

А я русачка, надо ж, как ни странно,
вдали от родовых своих корней
давным-давно в долине Дагестана
беспрекословно признана своей.

Аварка я, даргинка и кумычка —
и далее считай до тридцати...

* * *

Вдруг увидела сад позаброшенный,
и до слёз защемило в душе...
Где же скрылось ты, время хорошее?...
Не вернуть тебя боле уже.

Эта родина — больше не родина,
торжествует там пьяная чернь...
Все плоды во саду, в огороде ли
продырявил прожорливый червь.

И, как лик, от немого отчаянья
потемнел покосившийся дом,
на погосте рябину печальную
кто-то острым срубил топором.

Три могилки тенистою пагодой
не укроет она в летний зной
и своей сладко-горькою ягодой
снегирей не накормит зимой.

Всё до нитки последней украдено
на земле легионерной моей...
Как же всё-таки падка окраина
на посулы заморских князей...

А теперь ни погоста, ни родины,
только этот заброшенный сад...
Да и то, он привиделся вроде бы
мне за вязью чугунных оград.

Нине Маркграф и Наталье Лясковской

Кавказские наречья и обычаи,
как будто жемчуга, держу в горсти.

Мне в этом окружении не грустно
вдали жить от отеческих пенат,
поскольку здесь себя исконно русской
я ощущаю больше во сто крат.

Но иногда такая грусть нахлынет,
что от неё спасенья нет ни в чём...
Не по России, а по Украине,
где спят мои родные вечным сном.

* * *

Журавль, отбившийся от клина,
курлычет мне издалика,
и в этом крике журавлином
такая детская тоска.

Леса осенние осели
и даже съёжились совсем...
И в ожидании метелей
как будто бы оцепенели
в какой-то сумрачной красе.

Но за понурыми холмами
там город есть, где ждут всегда...
И можно вновь прижаться к маме,
всю обхватив её руками,
как в несмышлённые года.

И броситься в глубокий омут
воспоминаний дорогих,
припав щекой к лицу родному
среди незнакомых лиц чужих.

И так застыть, не замечая,
как жизнь стремительно бежит,
и льдом мне щёку обжигает
её надгробия гранит.

Юнне Мориц

Хорошо быть стариком
или смелою старухой,
не бояться прямоком
по-бурлацки правду ухоть.
Жить сегодня и сейчас,
реноме послав подальше,
чтобы сыпались из глаз
искры у проклятой фальши.

Хорошо назло врагу
быть талантливой и дерзкой
и штыком вонзать строку
в ложь, как будто в студень мерзкий.
Хорошо во весь карьер
гнать крылатого Пегаса
и ФэБэ и ФэБэР
пригвоздить смертельной фразой.

Как прекрасно — до конца
быть самим собой и только,
чтобы не терять лица,
даже если быют в итоге.

Хорошо ходить ферзём
на доске, где злые пешки
норовят тебе за всё
отомстить в плебейской спешке.

Хорошо быть стариком
или честною старухой,
даже если в горле ком,
хохотать над ложью тухлой.
И с бессонницей вдвоём
до утра сидеть в обнимку,
пока полночь за окном
бродит, словно невидимка.

Хорошо быть молодым,
но седым гораздо лучше,
кто пройдёт огонь и дым,
Крым и рым всему научат.
Налегке идти легко,
сила духа, как краюха...
Хорошо быть стариком,
или грозною старухой.

Сувайнат КЮРЕБЕКОВА (г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия) — поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей России, член Правления Союза писателей Дагестана, руководитель табасаранской литературной секции, редактор табасаранского выпуска журнала "Женщина Дагестана", заслуженный работник культуры Республики Дагестан. Победитель Международного конкурса "Парнас — премия Анжело ла Веккья" в номинации "Специальная премия «Расул Гамзатов»" 2017 года.

Почётный гость V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

У ПАМЯТНИКА МАТЕРИ В ДЕРБЕНТЕ

По каменному лику твоему
живые слёзы катятся незримо...
И шёпотом невольно говорим мы,
когда к ногам твоим по одному
цветы кладём в тоске невыразимой.
А над тобой клин белых журавлей —
стремятся в небо бронзовые птицы...
И в камне сердце, кажется, стучится,
которое оплакивать стремится
по-прежнему погибших сыновей.

Им никогда уже не прилететь,
не вырваться из вязкого тумана,
и ноет твоя каменная рана,
но знаешь ты, что поздно или рано
сынов отвага побеждает смерть.

Беременная женщина кладёт
к твоим ногам пылающие маки...
Тревожно ей — земля опять во мраке
безумия, и траурные флаги
беснуются над будущим дитём.

Где сделает он первый свой шаг,
неужто по земле, залитой кровью?..
И на тебя с надеждой и любовью
глядит она, закутавшись в платок,
переживая долю твою вдовью.

О Мать, как твои слёзы горячи,
они, как будто угли из печи,
и тяжелее пуль тех окаянных,
которые сынов твоих сердца
пронзили смертной тяжестью свинца,
чтоб долететь к тебе до Дагестана.

Сквозь камень ощущаю эту боль
и сквозь года
плач материнский слышу...
Ладони ты протягиваешь ближе,
и в них моря бездонные я вижу
горючих слёз, что пролиты тобой.

Мир стал глухонемым в тот миг,
 Когда глаза твои закрылись,
 И ты покинул этот мир,
 Как будто обрубил мне крылья.
 Твой карандаш здесь, на столе,
 Но обломился грифель острый,
 И хоть смириться с тем непросто,
 Но образ твой исчез во мгле.

Ещё твой почерк на листке,
 Но прервано стихотворенье...
 И оттого душа в тоске,
 Что жизни не вернуть мгновенья.
 А твоя книга — как мираж...
 Никто её не прочитает.
 И мать твоя от горя тает,
 Сгубил её крутой вираж.

Мир сразу стал полупустым,
 Его терплю я еле-еле,
 Но все червивые плоды
 В нём неожиданно созрели...
 И безголосый вдруг запел,
 Что при тебе шептать не смел,
 Стыдась бездарности своей,
 Но осмелел, когда ушёл ты...
 И на породистых коней
 Теперь ослов надели сёдла.

Мне сердце связано узлом,
 С тех пор, как ты наш мир покинул...
 Скажи теперь, как жить мне в нём,
 Как жить мне в нём — наполовину!?

ПОЭТ

Поэт лишь тот, кто камни собирает
 Там, где песчинки малой не найти,
 И чья судьба полынная, седая
 Всегда, как странник, в поисках пути.
 Он тот, кто вечно башни воздвигает
 Из тяжким дум, но быстро и легко...
 Кто слово пьёт, о пище забывая,
 Как матери родимой молоко.
 Он тот, в ком звон времён гудит набатом,
 В ком боль чужая, словно бы своя,
 Хотя с ней постоянно радость рядом
 В хурджинах* непростого бытия.
 Он их на сердце смелое накинул,
 Как будто перемётную суму...
 С ней через горы, степи и долины
 Ему идти отныне одному.
 Он тот, кого коварно убивали
 Во все века на горестной земле...
 Но все слова его, что крепче стали,
 Бессмертниками проросли во мгле.
 И никогда пусть не погибнет это
 Полынное бессмертие поэта.

*хурджины — перекидные дорожные сумки на Кавказе

* * *

В тёплой сакле старого аула
Пахнет ароматом курдюка...
На большом серебряном подносе
Вносит мама в комнату хинкал*.
За окошком громко воет ветер,
Крыша и вздыхает, и скрипит...
А в подоле бабушки уснула
Внучка под неспешный разговор.
В мире нет уютней колыбели
Этого холщового подола...
Словно вата, бабушкины руки
Обнимают сонное дитя.

Эти руки горькое лекарство
Превратить способны в мёд душистый,
Потому что бабушкино сердце
Шире поля и теплей огня.
Аромат еды заполнил саклю,
Дремлет, как жемчужинка, в подоле
Девочка под бабушкину песню,
Что хранит тепло и этот дом,
Где всегда в серебряном подносе
Есть хинкал пшеничный с курдюком.

* * *

Летнее утро сверкает в окне...
Рыжего солнца лучи заплутали
В узеньких улочках, где им едва ли
Кто-то поможет пробраться ко мне.
Первая я открываю окно,
Тьмы холодок мне давно опостылел...
Летнее солнце, скажи мне, не ты ли
Сможешь унять в моём сердце озноб?

Тьму из озябшей души изгони,
Чтобы мечты моей жизни суровой,
Словно волшебные бабочки, снова
К солнцу взметнулись в погожие дни.
С ними и я поднимусь высоко
К рыжему солнцу,
Без страха обжечься...
Я от него не желаю беречься,
Только растаял бы холода ком.

* * *

Свеча горит, кромсая тьму,
как острière кинжала...
А за окном, где вечер хмур,
как нищенка, надев суму,
зима бредёт устало.

Она с навязчивостью злой
опять мне лезет в душу
и что-то о любви былой
нашёптывает в уши.

Но где минувшая любовь,
что от неё осталось?..
Лишь ливень, леденящий кровь,
гром, молния, усталость...

Когда-нибудь пройдёт гроза,
хочу я верить в это,
и засияют вновь глаза
и сердце ярким светом.

Любовь я, как кувшин в пути,
опять взвалю на плечи...
Коль пуст он — тяжело нести,
коль полон — то не легче.

* * *

Состарилось моё село
и стало серым...
Но только всё, что там прошло
осталось в сердце.
В развалинах стоит мечеть,
и лес редееет...
И я пока не знаю, чем
помочь сумею.
Могила предков заросла
и покосились...
Прощенья у родной земли
мы не просили.
Когда-то зрячие сердца
вдруг стали слепы...
Но нет у родины конца,
как и у неба.

*Хинкал — традиционное блюдо кавказской кухни. Представляет собой варёные в мясном бульоне кусочки теста.

Кизилловый куст нарядился в кораллы,
колышутся серьги его на ветру...
И все им любуются,
все ему рады,
когда мимо сада идут поутру.

Как будто красавица-табасаранка,
накинув на плечи зелёную шаль,
кивает кизилловый куст спозаранку
проходим и смотрит в туманную даль.

Похож на невесту он, что за оградой
стоит, дожидаясь желанных сватов...
Кизилловый куст — украшение сада,
и тополь седой молодеет с ним рядом,
не чувствуя тяжести прошлых годов.

Кизилловый куст, как осеннее чудо
мой взор восхищённый ты приворожил,
как будто мне только семнадцать покуда,
и там впереди —
ещё целая жизнь!

* * *

Время моё, ты меня пощади,
Я только на середине пути...
Пусть обветшал мой ковровый станок,
Всё же работу закончу я в срок.

Не обрывай мою тонкую нить,
Дай мне терпения боль пережить,
Хоть и поломана ветка души,
Но соловей ещё в кроне шуршит.

Я не доткала последний узор,
Где расцвели бы цветы наших гор,
И до весенних рулад соловья
Не дотянулась ты, песня моя.

*Перевод с табасаранского
Марины Ахмедовой-Колубакиной*

Владимир ШЕМШУЧЕНКО (г. Всеволожск Ленинградской области) — поэт, публицист. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Член Союза писателей России, член Союза писателей Казахстана. Лауреат ряда литературных премий.

Собственный корреспондент "Литературной газеты". Член жюри конкурса V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

* * *

Обшарпанный футляр, а в нём — аккордеон.
Потёртые меха и клавиши живые...
У дома две сосны стоят, как часовые,
А прежде здесь стоял сосновый батальон.

Держу аккордеон, как дочку на руках.
Меня учил играть отец в белёной хате...
Отец мог умереть от раны в медсанбате,
Но выжил, чтоб сейчас остаться в дураках.

Какое дело мне до медленно жующих
И прочих власть имущих, обласканных судьбой,
Играй, аккордеон, для непосильно пьющих!
И пусть они поют, как мы поём с тобой.

* * *

Осыпаются мысли.
Опадают слова.
Перелески раскисли.
Оплыла синева.

Осязаема нежность.
Невесом ветерок.
Очевидна небрежность
Непричёсанных строк.

Без особого шика
Разноцветный наряд
Листопад-горемыка
Износил до заплат.

Ходит поздняя осень —
Гроздь рябины в косе —
И не рыжая вовсе,
А нагая совсем.

I.

Он был болен и знал, что умрёт.
Положив мою книгу на полку,
Вдруг сказал: "Так нельзя про народ.
В писанине такой мало толку".

Я ему возражал, говорил,
Что традиции ставят препоны,
Что Мефодий забыт и Кирилл,
Что нет места в стихах для иконы.

"Замолчи! — оборвал он. — Шпана!
Что ты смыслишь! Поэзия — это..."
И закашлялся.

И тишина.
И оставил меня без ответа.

* * *

Я здесь не жил в блокаду —
После войны рождён.
Мне — ничего не надо.
Павшим — земной поклон.

Стали землёй винтовки.
Млеют в лесах соловьи.
Только на "Пискарёвке" —
Родственники мои...

Кончились коммунисты —
"Пятой колонне" салют!
На Украине фашисты
В бочки пустые бьют.

Мне — ничего не надо.
Господи, воля Твоя...
"Фрицы" мне — не камрады.
"Бандеровцы" — не друзья.

Не опускаюсь до злобы.
Бранных слов не скажу.
Ненависть — высшей пробы! —
Сыну в сердце вложу.

II.

С ним можно было запросто молчать.
Он никогда не задавал вопросы,
Когда я рвал рубаху сгоряча,
Роняя на пол пепел папиросы.

Он не писал ни песен, ни стихов.
С ним жили шавки: Руфь и Недотрога.
За ним совсем не числилось грехов.
Он говорил, что почитает Бога.

Он вытащил меня из пьяной драки
И в спину подтолкнул: "Беги, убьют..."
Он умер тихо, но его собаки
Заснуть всему кварталу не дают.

* * *

Подо льдом остывает вода.
Снегом заткана площадь пустая.
Разогнали чертей холода.
Даже ведьмы, и те не летают.

Лихозимье. А в доме зверьё
Распушило хвосты у камина.
Мудрость жизни диктует своё:
Кошка мирится с сукиным сыном.

Отогрею нутро кипятком.
В небесах разгорится лампада.
И растает под языком
Предынфарктное слово БЛОКАДА.

К 75-летию полного снятия блокады Ленинграда (27 января 2019 года)

ВТОРАЯ УДАРНАЯ

Шли болотами, лесами,
Бросив пушки и обозы,
Сапогами, сапогами
Наступая на берёзы.

Шаг. Ещё один. Осколок
Утонул в тепле шинели...
Хвоя — тысячи иголок! —
Поднялись и улетели!

Оставляли не в окопах —
Зарывали в плащ-палатках
Мёртвых! Мёртвых! Мёртвых! Мёртвых!
С документами в подкладках.

Бор Мясной. Скорей бы вечер.
Ни команды, ни патронов.
Доедают человечину
"Мессершмиты" и вороны...

Кто-то каркает в лесочке:
"Русс! Сдавайсь! Накормим кашей!"
Где вы, лютики-цветочки?
Где вы, Оли и Наташи?

Ночь. Темно. Дотлел окурок...
Гимнастёрка! Китель! Тельник!
Из разбитой амбразуры
Сладковатый запах тленья...

В свете гаснущей ракеты
Рты, распяленные в крике!
Хлещут плети голых веток!
Блики! Блики! Блики! Блики!

И виновным, и невинным
Дарит смерть простые позы...
Но цветут на вражьих спинах
Штыковых отметин розы!

* * *

На озёрах ноябрь вяжет цепкие белые сети
На пугливых подранков и поздно окрепших птенцов.
Донага раздевает ольху разгулявшийся ветер,
А она лишь дрожит, закрывая руками лицо.

Надеваю пальто, не надеясь нисколько согреться, —
Тёмно-синяя грусть затопила с утра целый свет —
Перелётные птицы смогли на неё опереться...
Я за ними хотел... Оглянулся, а крыльев-то нет.

Эко я воспарил, что совсем не заметил пропажи,
Возомнил о себе, а цена-то гордыне — пятак,
Навязал узелков, да таких, что никто не развяжет.
А ведь мне говорили... Но я не поверил, дурак!

Александр ПОНОМАРЁВ

(г. Липецк, Россия) — прозаик, драматург, член Союза писателей России, член-корреспондент Крымской литературной академии, член Академии российской литературы. Победитель и дипломант национальных и международных литературных фестивалей и конкурсов. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Драматургия" (1 место).

Подарок мецената

Пьеса в 2-х актах

Действующие лица:

Валерия Семёнова — бизнесмен средней руки, лет 37

Родион Кабанов — её помощник и друг, лет 30

Тамара Коробейникова — секретарь фирмы Семёновой, лет 25

Меценат Пётр Сергеевич Торгованов — лет 60–70

Медсестра хосписа

Бизнесмен Иван Иванович Соколов — лет 40

Сотрудники фирмы Семёновой "Феникс"

Действие первое

Картина 1

Офис компании "Феникс". Здесь идёт работа. Хозяйка фирмы Валерия сидит за компьютером, рядом с ней её помощник Родион. Время от времени заходит секретарь Тамара, она приносит бумаги на подпись, и, дождавшись, когда директор пробежит документы глазами и подпишет, забирает и выходит из кабинета.

Валерия (читает документы). Тома, вот эти договора (поднимает вверх несколько бумаг) отправишь первым делом. А эти придержишь.

Тамара. Хорошо, Валерия Ивановна. Завтра инвесторы должны быть, вы помните?

Валерия. Помню-помню, Томочка. Значит, позвонишь в салон и отменишь мою поездку к маникюрше. *(Родиону.)* В третий раз отменяю, веришь?

Родион. Верю, Лера. Что поделаешь, ничего личного. Бизнес.

Оба смеются.

Валерия. Значит так, дорогой мой заместитель, с инвесторами я завтра встречусь сама, а тебе придётся съездить на склад и поторопить с отгрузкой. А то наш товар уже на неделю там завис. Нехорошо. Подводим клиентов.

Родион. Клиентов подводить нельзя. Моветон. Не волнуйся, босс, обязательно сгоняю и потороплю там этих лентяев.

Родион достаёт из своей папки документ, читает.

Родион. Лер, посмотри ошибки. Вроде верно всё.

Валерия *(смотрит)*. Да, всё правильно. Я тебя не задерживаю.

Родион *(посылает ей воздушный поцелуй, почти у дверей)*. Ну, всё я полетел.

Выходит.

Валерия *(про себя)*. Лети-лети, главное туда, куда надо...

Берёт мобильный телефон, набирает комбинацию цифр. Слышит ответ:

"Аппарат абонента выключен или находится вне действия сети".

Валерия. Ничего не понимаю, они что там, обалдели, эти банкиры. У меня сделка на носу! *(Кричит.)* Тома! Тамара!

Входит секретарь.

Тамара. Да, Валерия Ивановна!

Валерия. Во-первых, дозвонись до "Экспересс-банка", выясни, почему связи нет, а во-вторых... *(задумывается)*.

Тамара. Во-вторых?

Валерия. Кофейку мне сделай...

Тамара. Без сахара?

Валерия. Угу, без сахара!

Секретарша выходит. Валерия набирает другой номер.

Валерия. Алло, Саша, привет. Лера. Ага, спасибо, что хоть узнаёшь пока ещё. Саш, ты ведь тоже с "Экспрессом" работаешь? Не знаешь, чего у них там стряслось? Всё утро телефоны у них молчат... Ага... Перезвонишь мне тогда? Спасибо, дорогой... Лариске приветики! Ну, конечно, на воскресенье всё без изменений....

Перебирает документы. Звонит телефон.

Валерия. Да, а Саня!!!! Как???? Ты уверен??? Разорился???? Не может быть!!!! По какому каналу????

Судорожно ищет пульт от телевизора. Находит, включает монитор.

По телевизору идёт сюжет:

"Центральный банк России отозвал лицензию у "Экспресс-банка". У дверей офиса собрались его вкладчики. Сейчас мы спросим одного из митингующих.

Журналист. Здравствуйте. Скажите, пожалуйста, что происходит?

Участник митинга. Безобразие происходит. Я пришёл, чтобы снять деньги, банк закрыт, на двери объявление, вот это.

Журналист. С вами разговаривал кто-нибудь?

Участник митинга. Да вышла какая-то девушка перепуганная, говорит, директор исчез, никого нет, банк временно прекратил свою деятельность..."

Валерия выключает монитор. Садится в кресло, закрывает лицо руками.

Валерия. Это конец...

Постучавшись, входит Тамара.

Тамара. Валерия Ивановна...

Валерия *(машет рукой)*. Знаю, Тома. Уже всё знаю...

Тамара. Что делать будем, Валерия Ивановна?

Валерия. Выкручиваться *(берёт телефон, набирает номер)*. Алло, Жень, привет. Сегодня на вечер отбой. Вот так!!!! У меня проблемы большие по работе!!! Ну, сам сходишь к маме своей!!!! Да в курсе я, что она обидчивая!!! Короче. Сегодня без меня. Пока. *(Нажимает клавишу сброса.)*

В кабинет вбегает Родион.

Родион. Лер. Они на складе отказываются отгружать наш товар. Говорят, платёж не прошёл. Давай, срочно звони в банк! Чего они там, офанарели, что ли? Обещали в течение трёх банковских дней. Неделя уже прошла.

Валерия. Некуда звонить, Родя. Разорился банк...

Родион. Да ты что? И делать чего будем?

Валерия. Выкручиваться.

Картина 2

Квартира Валерии. Кухня. Комната обставлена дорогой мебелью. Плазма. Платяные шкафы. Лера открывает дверь. Заходит. В руках бумажные пакеты.

Валерия. Женька, я дома!

Проходит по квартире. Ставит пакеты на кухне. Проходит в комнату.

Валерия. Жены! Женька!!! Ты где??? А, ну да, он же к маме своей собирался...

Переодевается в домашний костюм (можно в халат или толстовку с мягкими брюками). Садится на диван. Видит на столе записку. Встаёт, подходит к столу, берёт записку. Читает вслух.

Валерия. Лера, я у мамы. Извини, но нам лучше расстаться. У меня много своих проблем, мне ещё твоих не хватало. А твой бизнес мне никогда не нравился. Чемодан, который привезли из Тайланда, я забрал. Счастливо.

Лера стоит молча, опустив руки. Затем медленно разрывает записку на мелкие части.

Валерия. Расстаться? Ну что же, попутного ветра в горбатую спину.

Медленно подходит к дивану и падает на него. Затем бросает клочки записки вверх. Смотрит, как клочки бумаги медленно падают на пол. Какое-то время сидит, опустив руки. Затем встаёт и проходит на кухню. Достает из шкафчика бутылку "Виски". Садится за стол. Наливает, затем вскакивает и бежит в комнату.

Валерия. Может, шутка?

Открывает шкафы, там висят пустые вешалки.

Валерия. Нет, не шутка... Медленно закрывает шкаф. Второй остаётся открытым. Идёт на кухню. Забирает бутылку и бокал. Возвращается в комнату. Пододвигает журнальный столик к дивану. Садится.

Валерия. Будем кутить...

Картина 3

Следующий день. Офис компании "Феникс". В кабинете царит уныние. Телефоны молчат. Молчат и работники офиса. Валерия и Родион сидят в креслах друг напротив друга. У Валерии звонит мобильный. Она снимает трубку.

Валерия. А-а-а, привет, сынок! Как дела? Пришло время платить за обучение?

Сколько у нас времени? Три дня? Нет-нет, сынок, не волнуйся, никаких проблем! Оплатим в срок... А как жизнь вообще? Класс... Нет, не грустный, не волнуйся. Устала просто... Ну, пока, родной, чмоки-чмоки... И я тебя!!!

Нажимает клавишу сброса. Опять сидят молча.

Родион. Валерия Ивановна, чего теперь делать будем?

Лера молчит.

Родион. Мне платёж в ипотеку вносить надо...

Лера молчит.

Родион. Лер...

Валерия. Ну что ты от меня хочешь, Родя? Сам видишь, как в домино всё посыпалось... Будем думать.

Входит Тамара.

Тамара. Валерия Ивановна. Звонили инвесторы, сказали не приедут. Заняты...

Валерия. Этого и следовало ожидать. Как быстро у нас распространяются слухи.

В кабинет, резко распахнув дверь, входит мужчина. Видно, что человек он не бедный, властный и не привык слышать отказ. Это Соколов.

Соколов. Приветствую всех...

Валерия. А-а, Иван Иванович... Какими судьбами? Кофейку или что покрепче?

Соколов. Спасибо, некогда! Я слышал у вас небольшие проблемы...

Родион. Небольшие, это слабо сказано.

Соколов. Валерия Ивановна, я работаю с вами не первый год. Никогда до этого вы меня не подводили, но мне нужны мои деньги. Из-за хорошего к вам отношения я даю вам три дня. Вы знаете, что я действую любыми методами. Давайте останемся друзьями, и не будем причинять друг другу неудобства. Тем более, вы меня знаете. Итак, у вас три дня. *(Тамаре.)* Не провожайте меня, дорогу знаю...

В кабинете повисает пауза.

Валерия. Три дня, опять три дня. Ребят, посидите тут, если что, а я пройдуся, подышу...

Картина 4

Парк. Весна. Светит солнышко, распускается листва. Но Лера не замечает красоты, не ощущает радости. Она, как зомби, идёт к ближайшей скамейке и в изнеможении падает на неё. Закрывает лицо руками, опускает голову вниз.

Валерия. Три дня...

Торгованов. Что вы сказали, извините?

Лера поднимет голову, осматривается по сторонам. На одной скамейке с ней сидит весьма пожилой мужчина. Одет очень хорошо: костюм, сорочка с галстуком, дорогая обувь и, почему-то, ярко-оранжевые носки (они выглядывают из-под брюк). На голове шляпа, в руках трость, на которую он опирается. Рядом с ним лежит небольшой кейс.

Лера непонимающе смотрит на него.

Валерия. Что?

Торгованов. Вы что-то сказали???

Валерия. Простите, это я не вам...

Торгованов. Да, но вы сказали — три дня...

Валерия. Я сказала — три дня. Это так... три дня.

Торгованов. Три дня — это очень много...

Валерия. Не всегда, иногда это очень мало...

Торгованов. В вашем возрасте, кажется что мало, а в моём *(улыбается доброй улыбкой)* много...

Валерия. Вы извините меня, мне сейчас не до разговоров. Я пришла сюда, чтобы побыть одной. Извините...

Отодвигается на край скамейки. Мужчина подвигается к ней.

Валерия *(раздражённо)*. Ну я же прошу вас... если бы была ещё одна свободная скамейка, я бы пересела на неё. Ноги не держат.

Торгованов. Вы больны?

Валерия. Нет, я здорова. Тут другое...

Торгованов. У вас какие-то неприятности...

Валерия. Какие-то... Очень неприятные неприятности *(плачет, закрыв лицо руками)*. И главное — я не знаю, что мне делать...

Торгованов. А вы поделитесь со мной, может, я что-нибудь вам подскажу.

Валерия. Мы же с вами даже не знакомы...

Торгованов. О, извините, я действительно не представился. *(Приподнимает шляпу.)* Торгованов Пётр Сергеевич, вот моя визитная карточка *(протягивает Лере визитку)*.

Лера берёт визитку, читает, затем хлопает себя по лбу.

Валерия. Минуточку... Как Торгованов??? Тот самый Торгованов???? Олигарх, миллионер и меценат??? Я не понимаю!!!! Разыгрываете???

Торгованов. Вот видите, вы уже улыбаетесь. Первый шаг сделан. Тот самый. Собственной персоной. Так в чём состоят ваши неприятности?

Валерия. У меня большие финансовые проблемы. Я полагаю, что моя фирма практически разорена. *(Порывшись в сумке.)* Вот моя визитка — Валерия Семёнова, директор фирмы "Феникс". Слышали?

Торгованов. Нет. Не припоминаю. Вот что, Валерия Семёнова *(открывает кейс, достаёт плотный конверт)*, здесь сто тысяч евро. Я полагал приобрести на эти деньги полотно Ван Гога, но как раз сегодня произошла небольшая заминка. Продавец решил повременить. Я ссужу их вам, но сроком на три месяца *(улыбается)*. Видите, иногда три дня могут превратиться в три месяца. А когда вы уладите ваши финансовые неприятности, вы их мне вернёте. Идёт?

Валерия. Но ведь вы меня совсем не знаете!!!

Торгованов. У меня есть ваша визитная карточка *(демонстрирует визитку)*. Так как, идёт?

Валерия. Пётр Сергеевич, я не понимаю...

Торгованов. А нечего и понимать... я даю вам беспроцентную ссуду на три месяца.

Валерия. Спасибо. Но как мне их вам вернуть?

Торгованов. О, это очень просто. Я люблю прогуливаться здесь, и ежедневно, или почти ежедневно, имею привычку сидеть на этой скамейке в это время дня. *(Встаёт, приподнимает шляпу.)* Честь имею!

Медленно уходит по аллее. Валерия, как замороженная, провожает его взглядом. Затем смотрит на конверт. Вскрывает и быстро, почти бегом, уходит.

Картина 5

Офис фирмы "Феникс". Входит Соколов.

Соколов. Доброе утро!

Валерия *(улыбается)*. Доброе, Иван Иванович.

Достаёт из ящика стола конверт и кладёт на стол.

Валерия. Здесь сто тысяч евро.

Соколов берёт конверт. Тоже улыбается.

Соколов. С вами приятно иметь дело, Валерия Ивановна. Знал, что вы меня не подведёте. До новых встреч!

Хочет уйти, но кидает взгляд на письменный стол.

Соколов. Что это у вас?

Валерия. Где?

Соколов. Да вот *(берёт со стола визитку Торгованова, смотрит на визитку, потом ошарашено на Леру)*. Вы знакомы с Торговановым?

Валерия. Ах, это? Ну да. А что вас удивляет? Мы знакомы с Петром Сергеевичем, правда, недавно, но, думаю, успели стать хорошими знакомыми.

Соколов минуту стоит в раздумьях. Затем кладёт конверт обратно на стол.

Соколов. Сделаем так, Валерия Ивановна: этих денег я не возьму, мы будем работать с вашей фирмой и дальше. Я вас знаю не первый год, доверяю вам, и готов ждать ещё какое-то время. Пока дела вашей фирмы не пойдут в гору. Тем более что теперь я в этом не сомневаюсь *(поднимает вверх визитку и кидает её на стол)*. Всего доброго! *(уходит)*.

Лера кидает ему вдогонку воздушный поцелуй.

Соколов *(уходя, разговаривает по телефону)*. Да ты знаешь, с кем она на короткой ноге? С самим Торговановым! Кто знает, какие у них там отношения? Давай-ка, переводи наши активы в "Феникс"! "Фе-никс"! Понял? Давай мухой! Я скоро буду!!!

Валерия встаёт, проходит по кабинету. Включает рок-н-ролл и танцует.

Конец 1 акта.

Действие второе

Картина 6

Офис фирмы "Феникс". Валерия сидит за столом в своём кабинете.

Вбегает Родион.

Родион. Шеф, всё на мази! Наши активы растут!!! Убегаю на совещание! Вы, надеюсь, доверяете мне представлять там нашу фирму?

Валерия. Друзья познаются в беде!

Родион. В еде, Лер! Друзья познаются в еде!

Валерия *(смеётся)*. И в еде тоже. Так, Родя, на ближайшие две недели будешь меня замещать по полной. Принято?

Родион. Принято, босс, Лечу. *(Уходит, в дверях оборачивается.)* Желая приятного отдыха!

Валерия. Как быстро у нас распространяются слухи.

Родион, смеясь, выходит, хлопнув дверью.

Валерия набирает с мобильного.

Валерия. Алло, сыночка? Какие дела в датском королевстве? За учёбу твою я заплатила! А-а, знаешь уже? Сын, меня пару недель не будет. Если что — звони в офис. Тут Родя, он в курсе всех дел. Привет твоей Алисе! Как??? Уже в прошлом??? В активном поиске значит? *(Смеётся.)* Всё, сынок, целую тысячу раз!!! Люблю!!! Пока!!!!

Входит Тамара.

Тамара. Валерия Ивановна, инвесторы назначили встречу!!!

Валерия. Те?

Тамара. И те, и другие, прям в очередь встали. Что делать-то?

Валерия. Что делать? Записывай всех желающих! Родион Палыч всех примет! На ближайшие две недели он здесь главный. Ты уж тут помоги ему, Томочка, не бросай!

Тамара. Помогу. Валерия Ивановна, с вас магнитик. Как я вам завидую!!!!

Валерия. Тсс, никому. Секретик. Понятно?

Тамара. Понятно.

Звонит мобильный. Лера рукой провожает Тамару. Та прикладывает палец к губам — Тсс! — и уходит.

Валерия. Да. Слушаю! Евгений? Вот уж действительно, как быстро распространяются слухи! Нет-нет, это я не тебе! Занята? Да, я занята. Я ведь директор фирмы, дела которой идут в гору! Ах, уже слышал! Нет. Нет, Женя! Сильно занята! Что делать тебе? Ты у мамы? Вот и живи с мамой своей. Ну ты же сам решил, что нам лучше расстаться. Нет. Да, пригласил один молодой человек отдохнуть на Мальдивах. Так что на ближайшие две недели можешь меня не искать. И вообще можешь не искать. Прощай!

Нажимает клавишу сброса. Машет рукой. Напевает. "Гуд бай, май лав, гуд бааааай!"

Достаёт из ящика стола плотный конверт с деньгами.

Валерия. Есть у меня ещё одно дельце!!!

Кладёт конверт в сумку и выходит из кабинета.

Картина 7

Парк. Валерия ходит, оглядывается. Вдруг видит — Торгованов сидит на той же скамейке в той же позе. Она подходит к скамейке. Плюхается рядом.

Валерия. Уф, здравствуйте, Пётр Сергеевич!

Тот рассеяно смотрит на неё.

Валерия. Пётр Сергеевич, здравствуйте! Вы меня не узнаете? Я Лера! Валерия Семёнова! Не помните?

Та же реакция.

Валерия. Вот уж не думала, что вы такой стеснительный. В прошлый раз мне показались, что вы довольно бойкий...

Торгованов морщит лоб. Рассеяно хлопает глазами. Лера достаёт из сумки конверт. Кладёт на скамейку.

Валерия. Я принесла вам ваши деньги!!! Аллёёёё!!! Пётр Сергеевич, это даже как-то неприлично! Вам что, плохо?

На аллее появляется молоденькая медсестра в белом халате. Она бежит от скамейки к скамейке. Наконец, увидев Торгованова, подходит к нему. Уперев руки в бока, строго смотрит на него.

Медсестра. Вот вы где! Что же это такое? Я вас по всему парку ищу!!!! Опять убежали???

Поднимает его под руку, тот послушно встаёт.

Медсестра. Так! И чемоданчик ваш не забудьте!

Валерия *(медсестре).* Что здесь происходит?

Медсестра. Где? Да вот подопечный наш беспокойный очень. Так и норовит сбежать. Бегай, ищи его потом.

Валерия. Подождите! Какой подопечный? Кого это — наш???? Ничего не понимаю...

Медсестра. Наш. Значит, хосписа нашего. Он уже три года у нас лечится. Только убегает время от времени...

Валерия. Погодите. Это же Торгованов! Пётр Сергеевич Торгованов, миллионер и вообще...

Медсестра. Кто? *(Хочет).* Ай да дедушка *(смотрит на него, тот тоже улыбается жалкой улыбкой).* Хорошо, что Рокфеллером не представился! *(Лере).* Ага, Торгованов, держи карман шире. Слушайте его...

Валерия. Позвольте, но посмотрите, как он одет...

Медсестра. Сын у него за границей, вот и шлёт старику вещи новомодные. Любит, значит, батьку своего.

Валерия. Стойте. Он же мне деньги в долг давал. Большие деньги! Вот!

Лера поднимает со скамейки плотный конверт и показывает медсестре.

Медсестра. А ну, загляните!

Лера судорожно раскрывает конверт. Там, сложенная пачками, резаная бумага. Лера ошарашено смотрит: то на медсестру, то на деда, то на бумагу.

Медсестра. Что я вам говорила! Пойдёмте, дедушка.

Валерия. А визитка? Визитная карточка?

Медсестра *(пожимает плечами).* Подобрал где-нибудь!

Уводит старика по аллее. Тот оглядывается на Леру. Она, с улыбкой, машет ему рукой, посылает воздушный поцелуй. Смотрит на резаную бумагу.

Валерия. Так вот ты какой, подарок мецената.

Она бросает бумагу вверх. Листы кружатся, как листья. Лера смотрит на них. Ещё раз машет деду рукой на прощанье. И уходит.

Звучит музыка.

Маргарита СОСНИЦКАЯ (г. Милан, Италия) — разножанровый прозаик, поэт, драматург, публицист. Выпускница Литературного института им. А. М. Горького. Член Союза писателей России. Автор ряда книг прозы и поэзии, статей и пьес. Доцент МГУ

г. Милана. Специалист по русскому зарубежью. Победитель и дипломант различных литературных конкурсов и фестивалей. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Драматургия" (2 место).

ВЕНЕРА И ГОРБУН,

или

На всякого подлеца довольно красоты

(маленькая драма в двух действиях)

Отрывок первого действия

(Краткое содержание следует после данного отрывка)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Горбун — можно дать и 100, и 200 лет; в духе средневекового ископаемого; столько не живут

Илария Злыдник — очень красива; 25 лет

Вадим Злыдник, муж Иларии — художник; то ли младше, то ли старше её; картины его — небезынтересны

Катерина Гречкина — женщина, цветущая второй или третьей молодостью

Непростецкий — душа ломбарда, производитель и продукт нэпа 90-х

Судья — человек без лица

Продавцы, служащие, манекены, ребёнок (лет двух), прохожие, бабулька.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина 1

Конец XX-го века. Улица в Москве, редкий снег, витрина мехового магазина. В обе стороны идут люди. Илария в поношенном, но опрятном пальто останавливается у витрины. Она освещается сильнее, манекены оживают, демонстрируя прелести

КРЫМ 1. 2020

шуб. Илария входит в магазин. Всплеск музыки, вся сцена превращается в роскошный меховой магазин с высокими зеркалами.

Продавцы *(к Иларии).* Чего пожелаете? Что прикажете? Чем услужить? Угодить? Ублажить?

Манекены кружатся вокруг Иларии.

Илария. Шубу! Вот эту! *(Указывает на самую красивую. Скидывает на пол пальто и надевает шубу.)*

Все. Ах!

В эту минуту в магазин входит Горбун. Илария вертится перед зеркалом.

1 продавец. Божественно!

Манекены. Она красивей нас!

2 продавец. Несравненно!

Горбун. М-м-м... Я тоже всегда выбираю самую красивую розу в саду.

Илария. О цене не спрашиваю!

Продавцы. Правильно! Она всё равно астрономическая! Но для такой красавицы...

Манекены *(подхватывают).* Всё в мире должно быть для такой красавицы!

Илария *(сбрасывает шубу, продавцы ловят её).* Заверните!

Все. Гениально!

Тут же готов пакет, перевязанный нарядной лентой.

Продавцы. В кассу! Просим в кассу! Вот чек!

Илария *(подобрала своё пальто).* Чек? В кассу? *(Вертит в руках чек, не зная, что с ним делать.)*

Продавец. В кассу!

Илария. Ах, да, в кассу... Ну, конечно... Я пришлю за шубой посыльного, он и оплатит. Да, да, не тащиться же мне со свёртком по городу...

Выходит из магазина. За ней выскальзывает Горбун.

Продавцы:

1-й *(вдогонку).* Отложенный товар хранится не более часа! *(Вздыхает.)* Не купит!

2-й. Нет, не купит. Видели, как она одета.

3-й. Но хорошенькая!

1-й. Прелестная. Но деньги на такую шубу у неё появятся, когда она станет похожей на сморщенную обезьяну.

2-й. И то, если артачиться не будет.

Снова улица, снежок, витрина.

Илария надевает пальто, прячет чек в карман, идёт, понурясь.

Мимо проплывает вывеска "Ломбард". Иларию догоняет Горбун.

Горбун. Барышня! Барышня! Вы меня слышите?

Илария. Вы ко мне?

Горбун. К вам, богиня!

Илария. В чём дело? Что за обращение?

Горбун. Нет, нет, не хмурьте это прелестное личико! Просто ваш покорный слуга. *(Галантно кланяется.)* Видел вас в меховом магазине.

Илария *(мечтательно).* Ах, вот...

Горбун. Вы сказали, что пришлёте за шубой посыльного. Я готов им быть! Давайте чек, и посыльный к вашим услугам.

Илария *(смеётся).* Чек я вам, пожалуйста, дам, но денег к нему не приложу. *(Отдаёт ему чек.)*

Горбун *(выхватывает)*. И не надо!

Илария. Доигрывайте комедию.

Горбун. Красота никогда не бывает комедией. Придёте ко мне и заберёте шубу. Вот моя визитка. *(Незаметно кладёт ей в карман визитную карточку.)*

Илария. Как так? "Придёте и заберёте"?

Горбун. А так. Вечером, даже поздно меня устроит, придёте, а утром, утром при желании после королевского завтрака, уйдёте... с шубой.

Илария. На что вы намекаете?

Горбун. Или лучше сразу в шубе? Как вам угодно, Афродита, Венера!

Илария. Ур-род нещ-щастный, да как ты смеешь?!

Горбун. Ваш покорный слуга, ваш покорный слуга, Афродита, Венера!

Раскланиваясь, отступает к магазину.

Илария. Безобразие! Какое безобразие! *(Уходит.)*

Горбун заходит в магазин. Свет гаснет.

Картина 2

Изящная, как игрушечка, квартира Катерины Гречкиной. Пожалуй, слишком много безделушек. Гречкина возлежит на диване и пилит ногти. Звонок в дверь. Гречкина отмахивается от него, как от мухи. Звонок повторяется. Гречкина неохотно встаёт и идёт отворять. Возвращается с Вадимом Злыдником.

Вадим *(притягивает её к себе)*. Ну, дай, дай поцелую в шейку.

Катерина *(отмахивается)*. Отстань, прошу тебя.

Вадим. А вот смотри, что я тебе принёс. *(Показывает небольшую картину).*

Катерина *(морщится)*. Опять какая-то белиберда: ноги торчат из ушей. Ты что, не можешь нарисовать что-нибудь человеческое? Вазу с цветами? Серебряный поднос с фруктами? Это сразу бы купили. Да я бы и сама охотно повесила на кухне.

Вадим. Я не коммерческий художник. Я делаю большое искусство. Моё кредо: спасти в мире красоту. Спасти миру.

Катерина. Свинство ты делаешь и нищету разводишь.

Вадим. Но, радость, ты же продала два моих натюрморта, и не так плохо.

Катерина. Из сострадания купили. Пожалели люди.

Вадим. Неправда, я хороший художник. И эти люди не пожалеют, что купили. Катерина. Ну и что, хороший художник, из тебя кашу сваришь? Или блинов запечёшь?

Вадим. Материалистка! Красота — она не материальна. Она эманация, аромат материи. А ты — материалистка. Сплошная материя и плоть, сахарная такая. *(Пристаёт, подталкивает её к дивану.)* Такой сахарной больше нет!

Катерина. Пусти, ну, пусти, не дуралействуй...

Звонок. Она вырывается из объятий, идёт открывать и входит с Непростецким.

Непростецкий *(подносит ей цветы и торт)*. Самой сладкой из сладён!

Катерина *(вдыхает аромат цветов)*. Какая эманация!

Непростецкий. Что?

Катерина. Душистость. *(Звучный поцелуй.)* Чмок.

Непростецкий. Разрешите ручку. Чмок. Чмок. *(Замечает Вадима. Жмёт ему руку.)* Очень рад. Непростецкий.

Вадим. И я туда же.

Катерина *(Вадиму)*. Ну, ты пошёл? Правильно. Твой шедевр я господину Непростецкому покажу. Он большой любитель всякого такого искусства, правда, Кысик?

Непростецкий. М-м-гав!

Катерина. Тебе нравится это? Вот уж где, действительно, nature morte?

Непростецкий *(не сводя глаз с Катерины)*. Шарман, несравненная, волшебная nature!

Катерина. Значит, берёшь?

Непростецкий. Мечтаю, мечтаю взять, обладать, владеть, м-м!

Катерина *(подмигивает Вадиму)*. Миллион!

Непростецкий *(небрежно отсчитывает из бумажника миллион и отдаёт Катерине)*. Чудная, прелестная, не могу!

Катерина *(даёт часть художнику)*. Доволен?

Вадим. А в морду он не хочет, твой гав-гав?

Катерина. Чего не хочет?

Вадим. А я хочу... заехать!

Кидается на Непростецкого, но тот встречает его кулаком в глаз. Вадим кричит.

Непростецкий. Ничего, раз ударят, два ударят, вы прилично вскрикнете, а потом привыкнете.

Вадим злой и бледный выбегает.

Катерина *(открывает торт)*. Да это просто произведение искусства! Есть жалко! **Непростецкий** *увидел натюрморт и высокомерно скривился.*

Картина 3

Квартира Злыдников. Бедная, но опрятная. Илария хлопочет у плиты, за столом ребёнок.

Ребёнок *(стучит ложкой)*. Ам-ам, мама, ам-ам!

Илария. Сейчас будет тебе ам-ам.

Ребёнок. Ам-ам, ам-ам!

Илария *(ставит перед ним тарелку)*. На тебе твой ам-ам.

Ребёнок. Папа, ам-ам! Ам-ам!

Вадим. Триголодный поросёнок. У самого ряшечка красная, а всё ам-ам.

Илария. Ребёнок растёт. Ряшечка... у младенцев своя красота, а ты!

Вадим. А что я? Я тоже расту.

Илария. Продал что-нибудь?

Вадим. Ничего не продал. Вернее, продал, да на выручку вот холсты купил и краски.

Илария. У-у! Вот уж кто триголодный, так это твои картины, есть просят. А чем я ребёнка кормить буду?

Ребёнок *(с аппетитом ест)*. Мама ам-ам, папа ам-ам!

Вадим. Этот нас обоих съест.

Илария. Это нас твои картины съедят! За материалы — плати, за хранение — плати, за перевозку — плати! А прибыли ноль! Надоело мне жалкие гроши считать!

Вадим. Да, но мне же надо на чём-то рисовать.

Илария. Зачем? Зачем?

Вадим. Затем, что я художник.

Илария. Рыба плавает, потому что она рыба, воробей чирикает, потому что

он воробей, художник рисует... Но ведь художник ещё и человек! Он может заняться чем-нибудь другим!

Вадим. Чирикать.

Илария. Да ну тебя, умник. Умник на словах. Лучше б кусок хлеба домой приносил! Я вон вся обносилась, Венке не в чем в дождь выйти, а тебе всё чирикать.

Вадим. Надоела, отвязись.

Ребёнок. Папа ам-ам, мама ам-ам.

Илария. А ему ам-ам не надоест.

Вадим. Ну, нате, меня лопаите, троглодиты!

Илария. Бессовестный! На тебе пахать можно и шахту рыть, а ты всё только кисточкой машешь!

Вадим. Кисточкой машу! Да если ты хочешь знать, я... миру красоту спасаю; это назначение каждого...

Илария *(в один голос с Вадимом)* ...гения! *(Пауза.)* Уши прожужжал! Гений, а кусок хлеба не хватает ума заработать!

Вадим. Закройся!

Илария. Негодай!

Вадим. Не то я тебе закрою!

Илария. Дармоед!

Вадим. И это жена художника. Его муза, вдохновительница, модель, Гала Дали.

Илария. Галка Дьяконова у Дали в замке обитала. А я не жена художника, я наложница его художеств. Тьфу, влипла, дура, могла бы за нормального человека...

Вадим. За кого это нормального? За какого-нибудь Непростецкого?! Др-рянь!

Илария. За какого-нибудь Дали!

Ребёнок. Папа маму ам-ам!

Вадим. Это не папа маму, а мама папу ам-ам!

Выбегает чуть ли не со слезами на глазах. Хлопнула дверь.

Илария *(вздыхает; садится возле малыша).* Фу, обзавелась двумя детьми: одному три года, другому десять раз по три. И обоих корми. А что я — Иисус Христос, чтоб воду в вино превращать? А камень в хлеб.

Ребёнок. Мама, ам-ам.

Илария *(ставит перед ним сахарницу. Он уплетает сахар ложкой).* И масло сливочное он так же лопает. Любишь масло?

Ребёнок. Ам-ам!

Илария. О-хо-хо-хо. Где же взять на масло, на сливочное?

Ходит по комнате. Увидела на вешалке своё пальто. Взяла его в руки, прошлась, пошарила по карманам, нашла визитку.

Ребёнок хнычет. Илария ставит его на пол. Он уползает. Илария набирает номер телефона, считывая с визитки.

Голос *(хрипловатый, мужской, зазывающий, с эхом).* Алло! Алло!

Илария вешает трубку, прохаживается и снова звонит.

Голос. Алло-о-о!

Илария. Господин посыльный?

Голос. Афродита! Венера! Прибежище красоты!

Илария. Ну как моё поручение?

Голос. У ваших ног, у ваших ног.

Илария. Вот как?

Голос. Твой слуга и раб ждёт тебя.

Илария. Я не могу ночью.

Голос. Понял, повелительница. Можем начать завтраком, кончить ужином.

Илария. Полдником.

Голос. У-у, зачем же такое самоотречение? Вечерний нектар — напиток богов.

Илария. Ладно, ладно. Во сколько вы завтракаете?

Голос. Во сколько и вы.

Илария. Тогда в десять. Завтра в десять.

Голос. Жду тебя, Афродита!

Илария вешает трубку, не отвечая. Прерывистые телефонные гудки.

Картина 4

Жильё, тесно заставленное старинной мебелью. Даже на комодѣ стоит комод. Посередине вешалка с гнутыми ножками, на которой висит уже знакомая шуба. Вокруг ходит Горбун в живописных одеждах и смотрит на часы.

Горбун. 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1, ноль! *(Звонок в дверь).* Ы-ы-ы, какая пунктуальность! Вежливость королев!

Хватает шубу, открывает дверь, на пороге — Илария.

Илария. Хеллоу! *(Делает шаг.)*

Горбун *(кидает ей под ноги шубу).* Королева! Афродита! Венера!

Илария *(отскакивает назад).* Ах! Она запачкается, испортится!

Горбун. От ваших следов? Что ты, богиня! По твоим следам должны распускаться розы!

Илария *(засмеялась, подняла шубу).* Право... я смущена.

Горбун *(закрывает за ней дверь).* Смущена, польщена! Что может быть лучше?

Илария *(вешает шубу на вешалку и рядом пальто).* Простите, а как... к вам обращаться?

Горбун. Слуга и раб, и служитель красоты!

Илария *(делает гримаску).* Пошло!

Горбун. Пошло? Ну, раз пошло, то подошло! Я рад, богиня, услужить! Да ты садись! Дай пальчик. Чмок! Итак, завтрак.

Илария садится на замысловатый шёлковый диван. Горбун с поспешной услужливостью исчезает и возвращается со столиком на колёсах, полным столового серебра.

Горбун. Бифштекс! Осетрина! Омлет! Бисквит! Де воляй!

Открывает крышку за крышкой. Они в форме колокола. В дорогой хрустальной вазе, стоит великолепная роза.

Илария *(мечтательно).* Какая роскошная роза... *(Гладит её рукой.)*

Горбун. Да, я всегда выбираю самую красивую розу в цветочной лавке.

Илария *(грустно).* Бедная роза. Что с ней будет потом?

Горбун. Потом? Кофе... Но начнём... за встречу. *(Разливает красное вино из графина.)* Чокнемся! За красоту! За Вечную Женственность... в твоём лице... которая, понимаете, так щекочет, так вот что-то задевает, червячка какого-то где-то там... неведомо.

Илария. Как тут не чокнуться.

Пьют.

Горбун. Хочешь, Расскажи, а хочешь не рассказывай, как вы там, божественные, обитаете на облаках, на вершинах, для нас простых и особо смертных, недостижимых?

Илария *(уплетает за обе щёки)*. На вершинах... у нас там, знаешь, поля из роз, виноградники. Ешь — не хочу. *(Утаскивает с блюда кусок осетрины, заворачивает в салфетку и прячет в сумочку.)*

Горбун *(делает вид, что не заметил)*. О, понимаю!

Илария. А питаемся мы в основном духом святым и... ну, и ароматом роз. А пьём *(наливает кофе)* чистую кристальную воду. Она — залог вечной молодости.

Горбун. Как же, не сомневаюсь. А локоток твой покажи. *(Илария сует ему под нос свой локоть.)* Не так, не так. С грацией богини. Свитерок засучи, и томно так локоток выставь. Ну, как там у вас, в облаках, принято.

Илария *(засучивает рукав, демонстрирует локоть)*. Так?

Горбун. Мх! Как это тебе удаётся: сама тонкая такая, а локоточек круглый? Мх! *(Зацепляет пальцем крем с бисквита и мажет локоть.)* Мх! Ух! *(Молниеносно слизывает крем.)* Ох!

Илария *(отпрянула)*. Ах!

Горбун. Нравится вкуснятина! Но ты ещё подожди! Ещё не то... Ох! Твой раб и слуга готов увидеть твою шубу на твоём... ох, ох, ох... полом, то есть, голом теле.

Илария. Нет! Я, я...

Горбун. Что ты, богиня? Обнажись!

Илария. Я не по этой части.

Горбун. Ах, ах, она не такая, а здесь, в гостинной, ждёт трамвая! У тебя что, ноги волосатые? Или грудь плоская?

Илария. Не в этом дело. Но... лучше погасить свет.

Горбун. О, конечно, у меня руки *(демонстрирует ручища)* ваятеля, они и в темноте видят. Но глаза, глаза...

Илария. Право, я не по этой части *(Торопливо встаёт.)*

Горбун. Ну, ха-ра-шо. Будь по-твоему. Всё на добровольных началах. Только мне позволь при свете раздеться!

Илария *(ошарашенно)*. Те-бе?

Горбун начинает молча расстегивать, развязывать свои одежды, ходит вокруг Иларии. Она зажмурила глаза.

Горбун. Э-э, нет. Глаза открой. *(Взялся за полы, распахнул.)*

Двойной крик противоречивых чувств. Свет гаснет. В темноте — вспышки огоньков, своего рода театр теней, не исключено, — за тонкой ширмой, простынёй, занавеской. Невероятные всевозможные ахи, охи, вздохи, шорохи, всхлипы, крики и возня. Пантомима преследования, борьбы, экстаза. Всё резко обрывается.

Свет. Илария стоит у двери в шубе; пальто через локоть. Перед ней сухой, деловой, неузнаваемый Горбун в очках на кончике носа.

Горбун *(подаёт ей бумагу и ручку)*. Распишись. Вот здесь.

Илария. Что это?

Горбун. Расписка в получении мехового пальто в количестве одного, цена и дата.

Илария. Зачем это?

Горбун. Не зачем. Просто мне для архива, для учёта, порядка, бухгалтерии.

Илария *(читает расписку)*. Не может быть! Эта шуба не может стоить три гроша, как здесь написано.

Горбун. Ну, разумеется, не может. В том-то и дело! Но если вдруг что, ты у меня купила её вот за эти три гроша. Ведь настоящей суммы у тебя нет?

Илария. Нет.

Горбун. И быть не может. А уж эту ты как-нибудь наскребла бы?

Илария. Наскребла б.

Горбун. Ну, вот. И честно у меня купила. За три тысячи. Пойми, это никому никуда не пойдёт. Мне для учёта. Поставь закорючку, и делу конец.

Илария *(замечает, что роза пожухла. В ужасе).* Бедная! Бедная роза! Самая красивая в цветнике!

Горбун. Кто бедная? Ах... это *(раздражённо бросает цветок в корзину для мусора.)* Купим другую.

Илария *(пожимает плечами).* Не понимаю, право, не понимаю, зачем это? *(Ставит закорючку.)* Тыфу, какая мерзость. Почему так противно?

Дверь перед ней открывается со страшным скрежетом.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Илария сдаёт шубу в ломбард. Мужу дома рассказывает, что получила квитанцию в наследство от покойной родственницы и просит его получить по ней это наследство. Тот, увидев в ломбарде такую роскошную шубу, решает подарить её своей любовнице Катерине, что и делает. Катерина же является любимой женщиной приёмщика в ломбарде Непростецкого. Возникает конфликт, в результате которого Илария обращается в суд, чтобы вернуть себе шубу. На суде присутствуют все действующие лица конфликта, каждый изложит своё жизненное кредо, свидетелем выступает Горбун. Он предъявляет расписку за подписью Иларии, и суд присуждает шубу ему. Горбун удаляется с шубой, оставив свой визитный билет Катерине. Муж Иларии и Непростецкий решают навестить к Горбуну.

В пьесе есть третье — факультативное действие — события которого разворачиваются после драмы.

Инна ЛАРИНА (г. Липецк, Россия) — поэт, драматург, педагог театральных дисциплин, член Союза журналистов России, выпускница Литературного института им. А. М. Горького. Автор двух сборников стихов, песен, пьес, а также публикаций в газетах и журналах России. Победитель и дипломант различных литературных конкурсов и фестивалей. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Драматургия" (3 место).

КОЛЯСКА

Драма в трёх действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Любовь Васильевна — мать Верки, 56 лет

Верка — молодая женщина, дочь Любови Васильевны, 34 года

Зинка — подруга Верки, 34 года

Василий — муж Верки, 37 лет

Тётя Маша — соседка, 66 лет

Действие первое

Квартира на пятом этаже дома в провинциальном городе. Две комнаты, кухня, оформленные в стиле 90-х. На кухне Верка. Она режет овощи для салата, готовит ужин. Соседняя комната пуста, в дальней — мать Верки Любовь Васильевна в инвалидной коляске. Слушает радио, программу "Собеседник".

Верка. Мама, сделай потише! Уши закладывает от этого "мусора"!

Любовь Васильевна не слышит.

Верка. Мама-ааа!

Любовь Васильевна не слышит.

Наконец, Верка бросает нож со злостью на стол, решительно направляется к дальней комнате.

Верка. Ты что, глухая?!

Мать изумлённо смотрит на неё.

Та подходит к радио, сама делает тише.

Верка. Сделай потише! Кричу тебе уже десять минут!

КРЫМ 1. 2020

На кухне раздаётся телефонный звонок. Некоторое время телефон звонит, Верка не обращает на него никакого внимания, потом берёт трубку.

Верка (раздражённо). Алло! Да, это я. Я и не удивлена, что ты задерживаешься! Что у тебя там за работа такая, что каждый раз нужно не спешить домой? (Слушает ответ. Пауза.) Да хоть совсем не приходи!

Бросает трубку. Садится на табуретку. Молчит. Некоторое время работает только радио.

Любовь Васильевна подкатывает коляску к столу, надевает очки и начинает перебирать фотографии на письменном столике. Некоторые рассматривает подолгу. Читает надписи на оборотах.

На кухне Верка продолжает готовить ужин. Одновременно берёт поднос, ставит на него чашку чая, кладёт бутерброд с маслом, несёт в дальнюю комнату.

Верка. Мама! Опять ты со своими фотографиями! Сколько можно их пересматривать! Оставь. На, поешь. Сейчас приготовлю, остальное принесу (ставит поднос на стол, прямо на фотографии, уходит).

Любовь Васильевна испуганно переставляет поднос, собирает фото, аккуратно складывает их в одном месте. Молча смотрит на поднос.

Опять звонит телефон. Верка поднимает трубку не сразу, как и в прошлый раз.

Верка. Алло! Зинка?! ЗдравОво! Сколько лет, сколько зим! Откуда звонишь? (Слушает ответ.) Ага... Ага... Ну, ты это... может, зайдешь ненадолго, раз приехала? Хотя поговорим, расскажешь, как сама. (Слушает ответ.)

Через десять минут? Ага. Жду, жду (кладёт трубку, продолжает резать овощи для салата).

За это время мать выпила чай, съела бутерброд. Стучит по чашке чайной ложкой.

Верка. Щас заберу, слышу. Идёт в комнату.

Любовь Васильевна (молча кивает). Уүүүүүү (пытается что-то сказать, но у неё не получается).

Верка берёт поднос, небрежно кивает головой, уходит.

Радио продолжает работать, там начинается программа "По страницам истории".

На кухне продолжают приготовления к ужину. Верка начинает накрывать на стол в средней комнате: расставляет тарелки, раскладывает приборы. Звонок в дверь. В это время мать начинает опять рассматривать фотографии.

Верка. Зинка! Приве-е-ет! Заходи — гостем будешь.

Зинка (с пакетом, в котором мандарины). Привет, подруга! (Обнимаются.) Верка, ты не изменилась, как школьница.

Верка. Ага, в фартуке и среди барахла. Рада была бы за партой посидеть, может, жизнь по-другому бы устроилась... Ладно, проходи в комнату, сейчас расскажешь, как ты, где ты, с кем ты.

Заходят в среднюю комнату. Там стол почти накрыт, осталось принести главные блюда: суп и курицу из духовки.

Верка. Так, располагайся, а я пока на кухню схожу, остальное принесу.

Зинка не садится, выкладывает мандарины из пакета в вазу, после — с любопытством начинает рассматривать фотографии на книжных полках. На них свадьба Верки. На стене висит портрет матери. С блюдами заходит Верка.

Зинка (указывает на портрет). А это же Любовь Васильевна...

Верка. Ага. Она самая. Вон, в соседней комнате сидит. Хочешь поздороваться? Правда, она не говорит с тех пор, как отец умер. И ноги до кучи отнялись. Помнишь, я тебе писала? Вот я и "подрабатываю" сиделкой.

Зинка. Да-а-а-а... Сдала Любовь Васильевна... А какая была... Да, я поздороваюсь.

Верка провожает её в комнату.

Верка. Мама!

Любовь Васильевна поворачивает голову в сторону двери. Увидев Зинку, пытается улыбнуться.

Зинка *(подходит к женщине).* Любовь Васильевна, здравствуйте!

Любовь Васильевна *(подкатывается к ней поближе).* У-у-у-у-у...

Зинка *(берёт её за руку).* Любовь Васильевна, вы меня помните? Я Зина, одноклассница Веры.

Любовь Васильевна *(кивает).* У-у-у-у-у-у...

Зинка. Как же вы так, тётя Люб. Надо выздоравливать, нельзя так волноваться. А давайте я вам сейчас мандарин принесу! *(Быстро идёт в среднюю комнату, берёт из вазы мандарин, возвращается, отдаёт.)* Возьмите на здоровье.

Верка. Ладно, пойдём, а то ужин стынет. *(Обращается к матери.)* Я тогда попозже тебе поесть принесу.

Любовь Васильевна. У-у-у-у-у *(кивает и начинает чистить мандарин.)*

Подруги возвращаются в среднюю комнату, садятся за стол. Верка накладывает обеим еду.

Верка. Ну, подруга, рассказывай, какими судьбами к нам? Я от тебя последнее письмо года три назад получала... Замуж вышла? Дети есть?

Зинка. Приехала дом родительский продавать, документы оформляю: после аварии матери с отцом не стало, и жильё пустует... С замужеством не получилось, прожили год в гражданском, а потом Игорёк к другой сбежал. *(Пауза.)* Живу одна.

Верка. Да, вот и жизнь наша проклятая. Живём не как люди: ни денег, ни удовольствий...

Зинка. Верк, тебе-то грех жаловаться: квартира хорошая, муж, мать живая. Ты бы Бога не гневila. А то разозлится, да и отнимет все роскошества. Будешь потом побираться...

Верка. А вот теперь я тебе расскажу про свою жизнь сволочную *(отламывает кусок курицы.)* Муж у меня электрик, сама понимаешь, денег не густо, да и ума с ноготок. Родить не получилось — патология... Мать шестой год больная: за ней глаз да глаз. Всё фотографии отцовские перебирает. *(Пауза.)* Однажды прикатилась на кухню, чайник поставила, а как закипел, снимать полезла, а рукава у свитера длинные, а у нас — газ, открытое пламя. Рукава-то и загорелись. Она заухала, мы услышали, прибежали. Еле потушили. А свитер я ей из Сочи привозила. Сделала подарочек на свою голову, только деньги на ветер спустила.

Зинка. А как тётя Люба? Пострадала?

Верка. Только морально, слава небесам, а то ещё и на лечение денег бы угробила, не собрать! Да и мы перепугались — ежели что с квартирой, то на улице бы жили, в бродяг превратились бы.

Зинка. Ты бы к ней почеловечнее, мать всё-таки.

Верка. Куда уж человечней — с утра до вечера пелёнки стираю да жрать готовлю, провались оно всё!

Зинка. Да, Верка, изменилась ты. Помню, добрее ты была. А родители всегда для тебя старались, хотели, чтобы большим человеком стала. В кружки учиться отдавали, ты даже в музыкалку ходила, таких в школе по пальцам можно было пересчитать.

Верка. Ага. А я выбрала несбывшуюся мечту о высокой моде: стала швейкой —

шью на дому спецодежду для железнодорожников. Невелико счастье. Неблагодарная профессия.

Из соседней комнаты раздаётся стук: Любовь Васильевна стучит чайной ложечкой по гранёному стакану.

Верка (громко). Щас приду (уходит в соседнюю комнату.) Что тебе?

Мать подносит руку ко рту, показывая, что дочь забыла принести ей ужин.

Верка. А-а-а-а, есть пора. Ты суп будешь или курятину?

Мать пожимает плечами.

Верка. Ладно, сейчас что-нибудь принесу, раз всё равно.

Уходит на кухню, берёт тарелку, возвращается в среднюю комнату, наливает суп, компот, берёт поднос, кладёт на него ужин, кусочек хлеба. На ходу захватывает полотенце.

Зинка. Давай помогу, Вер?

Верка. Не надо, справлюсь. Она ест как котёнок. Посиди, я быстро (уходит.)

В дальней комнате Верка раздражённо ставит поднос на опять разложенные фотографии. Возвращается к Зинке.

Верка. Вот так, Зинка, и живём. По пояс в дерьме. Я вчера поговорить с ней пыталась, как в детстве. Зашла, села рядом, посмотрела на неё, и думаю: где же мама, которая, как раньше, приласкает, обнимет, слова добрые скажет. Я смотрю на неё — она на меня смотрит, я на неё — и она на меня, я — она. И так минут пять. Знаешь, как в гляделки играть. Поиграли. Я поняла, что всё зря, и пошла на кухню — жрать готовить. Тут, как на курорте — что мой Вася, что она: всё на подносе, а благодарности ноль без палочки. Тот приходит — сразу за стол, даже руки иногда не помает, представляешь? Иногда думаю, ну не свинья? Слушай, а чем он от хряка отличается?

Зинка изумлённо смотрит.

Верка. Да ничем! Ровно ничем! Только что разговаривать умеет. Неделю назад купила ему рубашку новую: думала порадовать мужика своего. Принесла, положила на диван. А он, представляешь, гад, пришёл — и не заметил! Не заметил! Он уже не видит, что у него перед носом лежит! Я ему говорю: "Васенька, я тебе обновку купила". Он посмотрел, улыбнулся и в лоб меня поцеловал, как покойницу. Вот так, Зин. А знаешь, я тебе завидую, что одна живёшь: свобода! Это лучшее, что может быть у человека. А я кручусь-верчусь — и никакой благодарности. Только скрип колёс инвалидной коляски слышу да стук ложки по стакану. Вот оно — семейное счастье.

Зинка. Вер, а ты попробуй относиться к этому по-другому. Мать для тебя всегда старалась. Теперь ты для неё похлопочи. Всё ж мы люди...

Верка. Слушай, вот не надо мне тут философию разводить: времена не те. Я целыми днями как белка в колесе: кручу и кручу, кручу и кручу колесо, чтоб не видеть эту машинку никогда! Будь она проклята!

Зинка. Найди другую работу — при желании можно горы свернуть.

Верка. Горы, дорогуша, на Кавказе, а у нас — кочки да ямы, а их и так преодолеть можно.

Зинка. Слушай, а где Васька твой? На работе до сих пор?

Верка. Ага. Опять порыв сетей, позвонил, отчитался, что вовремя домой ни ногой. Я уже к этому привыкла. Иногда кажется, что видеть меня не хочет, паразит. Сколько я для него сделала: квартира, машина — все условия создала. Живи и радуйся. А он...

Пауза.

Зинка. Ну, квартира с машиной от родителей твоих, после смерти Михаила Дмитриевича, вам досталось. Помнишь, ты мне писала?

Верка. Ага. Слушай, а давай споем! Нашу. "Афоню" помнишь? *(Начинает петь).*

В тёмном лесе,
В тёмном лесе,
В тёмном лесе,
В тёмном лесе,
За лесью,
За лесью,
Распашу ль я,
Распашу ль я,
Распашу ль я,
Распашу ль я
Пашенку,
Пашенку.

Я посею ль,
Я посею ль,
Я посею ль,
Я посею ль
Лён-конопель,
Лён-конопель.
Уродился,
Уродился,
Уродился,
Уродился
Мой конопель,
Мой зеленой...

Зинка подхватывает, поют по строчке, встают, танцуют, радуются. В это время мать стучит ложечкой по стакану, но никто её не слышит.

Звонок в дверь. Прекращают петь.

Верка. О, припёрся! Небось, опять на рогах.

Верка пошла открывать. В прихожей возня. Заходят оба. Зина встаёт. Пауза.

Верка *(Василию).* У нас в гостях Зина. Помнишь, я тебе про неё рассказывала? Моя одноклассница, умница, отличница. Короче, всё вместе: пионерка, комсомолка, без вредных привычек.

Василий *(резвый; подаёт руку Зине, улыбаясь).* Здравсьте!

Верка. Садись. Ужинать будешь, или на работе покормили?

Василий. От курятины не откажусь *(накладывает сам себе, ест.)*

Верка. Зин, ты не стесняйся. Тебе компот налить? Из сухофруктов. Матери для желудка полезно. Я ей варю, и сами употребляем. Она так много не выпьет, чего добру пропадать...

Зинка *(смущённо).* Спасибо, не надо. Я домой пойду, засиделась уже.

Верка. Так скоро? Ну, если надо, так надо...

Женщины встают, уходят.

Опять стук ложечкой по стакану. Слышен голос Верки из прихожей: "Ну чё? Ща приду".

Заходит в дальнюю комнату, забирает поднос, ставит туда тарелку, чашку с недопитым компотом, кладёт приборы.

Верка. Что суп не доела? Тебя кормить — продукты переводить, мам.

Любовь Васильевна. У-у-у-у-у-у... *(Делает виноватый вид, молча благодарит.)*

Верка уходит на кухню, моет посуду.

В средней комнате продолжает ужинать Василий. Затемнение.

Действие второе

Раннее утро. На сцене та же самая обстановка. Темно. В комнате матери загорается свет. Она трудно встаёт с постели, пытается пересечь в коляску. Хватается за ручку коляски, но под тяжестью коляска неустойчива, всё время катится. Мать не может удержаться за коляску, инвалидное кресло откатывается, она успевает двумя руками опереться о пол, задевает столик со стаканом и чайной ложкой. Они падают на пол...

Появляется Василий (муж Верки). Нехотя помогает жене купать мать. Далее супруги выясняют отношения, что приводит только к большему конфликту.

Верка. У тебя два желания: лишь бы я молчала, и ничего не делать. Мы с тобой уже девять лет вместе, а семьи нет. Ты на работу, я — на работу. Ты проводки чинишь, я колесо швейки кручу. Ты чинишь, я — кручу. Встречаемся дома, ужин — и с утра опять заново...

Тем временем в соседней комнате мать включает радио. Там идёт литературная передача. "Ведущий. К примеру, в научно-фантастическом романе-антиутопии Рэя Брэдбери "451 градус по Фаренгейту" герои ведут следующий диалог:

— Иногда я подслушиваю разговоры... И знаете что?

— Что?

— Люди ни о чём не говорят.

— Да-да. Ни о чём. Сыплют названиями — марки автомобилей, моды, плавательные бассейны — и ко всему прибавляют: "Как шикарно!" Все они твердят одно и то же".

Верка начинает подозревать мужа в измене. В гости приходит тётя Маша (соседка, подруга матери). Разговор идёт о прошлом.

Тётя Маша. Помню я твоего Мишку, каждый раз мне показываешь... славный был мужик, умный. Жаль, сердечко не выдержало. Любка, Любка, сама ты виновата, ну не любила, так разошлись бы с миром, что ж втихаря с мужиком-то... Да в таком возрасте... Даже шило в мешке не утаишь, а ты любовь свою незаконную пыталась... И где она теперь, любовь-то? Ни мужа, ни любви: уехала любовь твоя в неизвестном направлении. И мужа не сберегла *(смотрит на его фотографию)*... И дочь родная простить не может. И внуков нет, может, хоть они бы не отвернулись...

Тётя Маша читает Любове Васильевне стихотворение А. Блока "Последнее напутствие". Любовь Васильевна молча кивает. На её глазах слёзы.

Приходит Верка. Тётя Маша пытается с ней поговорить, чтобы она помягче относилась к матери.

Верка. Больше верьте своему Богу. Где он, Бог-то ваш, а? *(Встаёт, начинает нервно искать).* Может, в духовке прячется? *(Открывает, заглядывает.)* Нет. А может, в холодильнике сидит? *(Открывает, заглядывает.)* И тут нема. А вдруг под столом, а? *(Смотрит под стол.)* И тут пусто. Нету *(разводит руками.)*

Тётя Маша *(крестится)*. Да что ты, Вера. Хватит. И так ничего святого в нас не осталось: ни прощения, ни сочувствия. За что нам довольную жизнь? За то, что в 20-х церкви рушили? Вот и расплачиваемся теперь несчастьями да бедами. Ошибки каждый совершает, только бы понять и исправить ко времени, дабы не поздно было — бабушка так моя говорила, вечный ей покой. В Бога до последней минуты верила, поперёк Советской власти. А какая добрая была: мухи не обидит... Бывало, выйдет из своей избушки голубей кормить с краюхой хлеба, а они к ней так и летят, так и летят! А чудные какие! Ко всем с опаской, а бабушке — и на плечи, и на руки садились. Смешные! Курлычат и курлычат вокруг, пока всё не съедят...

Действие третье

Верка выговаривает матери свою обиду.

Верка. Тебе что здесь надо? Надоело в комнате сидеть? Езжай обратно, а то запрю, будешь в одиночестве помирать. Что?! Страшно? Да ты не бойся, каждому по заслугам: я — отмучаюсь, а тебе, глядишь, легче станет. Как земля только тебя терпит. А хочешь, я тебе совет дам?

Мать смотрит на дочь.

Верка. Не суй свой нос в чужие дела, поняла? Ты думаешь, я — дочь тебе?

Мать молча кивнула.

Верка. Н-е-е-е-ет, я тебя матерью не считаю. А то, что родство кровное, так это биологически только, понарошку. Ты удивлена?

Мать плачет.

Верка. Ой, смотри-ка, слёзки полились. Надо же, как трогательно. Родила меня с патологией — бездетную, — отца в могилу свела, а сама инвалидом стала. Удобно, когда всё на подносе: нюни подтирают, еду готовят, комнату вычищают. *(Становится на середину комнаты, говорит в зал.)* Я — жертва обстоятельств. Испорченный продукт, который критикует общественность. Родить не могу — разговоры, муж к другой бабе ходит — разговоры, мать непутёвая — разговоры. А внутри у меня, здесь *(бьёт себя в грудь)* внутри... Да мне выть хочется, бежать отсюда, сломя голову, и никогда не возвращаться.

Садится на диван рядом с чемоданом. Тоже плачет.

Верка. Ну, скажи, за что мне такое уродство, а? Была послушной девахой, через раз на танцы ходила, в огороде копалась, школу с золотой медалью окончила, чтобы вам на радость да соседям на зависть: папа профессор — это закон. *(Пауза.)* А! Я поняла! Нельзя всю жизнь жить беззаботно: всё познаётся в сравнении. Сначала — хорошо, потом обязательно будет плохо.

Мать качает головой в знак неодобрения.

Верка. Что такое? Опять не нравится? Я всё делаю не так: не ту профессию получила, не так замуж вышла, живу не как все. А посмотри на людей *(показывает рукой на окно)*. Там святые с крыльями ходят. Хорошее сравнение, да? *(Выделяет.)* Святые с крыльями. Только одно замечание: если бы крылья были, то они летали бы, а они по земле гуляют, как раненые.

Встаёт, продолжает собирать вещи в чемодан. Мать хватается за руку, пытается остановить. Верка вырывается.

Верка. Ты что делаешь? Учить меня вздумала? Катись отсюда, пока по горбу не схлопотала...

Приходит Василий. Между супругами разгорается серьёзный конфликт, в результате которого он уходит из семьи.

Василий. Что ты от меня хочешь, Вера? Я живу с тобой уже девять лет, и каждый день слушаю одно и то же: какой я плохой. Разве можно так не любить жизнь? Мне кажется, ты даже еду готовишь с отвращением, поэтому она такая своеобразная получается. А давай о нас, а? О наболевшем. Я тебя замуж взял? Взял. Я деньги зарабатываю? Зарабатываю. Что тебе ещё надо? Что тебе надо от простого мужика-электрика, который приносит зарплату в дом и ничего не требует, кроме еды и нерегулярного исполнения супружеских обязанностей? Чем ты недовольна? Матерью-калекой? Так подумай: все мы в какой-то степени инвалиды. У тебя — нервное расстройство, я — почти алкоголик, тётя Маша из соседнего дома страдает безумной любовью к своей дочери, граничащей с шизофренией. Дальше перечислять? А что сделала ты, чтобы я изменился? Ты встречаешь меня поцелуем после работы? С любовью варишь мне кофе по утрам? Ласково смотришь? Твоя главная ошибка, что ты нашу семью начала с обмана: знала, как я всегда хотел сына, и не сказала мне до свадьбы, что у тебя не может быть детей. Ещё тогда, девять лет назад, твоя жестокость не знала предела! Я с этим смирился. Но ты продолжаешь делать жизнь невыносимой.

Верка переосмысливает своё поведение, говорит с тётей Машей, жалеет, что обвиняла мужа.

Однако на этом беды и несчастья этой семьи не заканчиваются...

Тётя Маша и Верка уходят в прихожую. Слышно, как захлопывается дверь. В комнате Любви Васильевны по-прежнему темно. Женщина в это время на подоконнике. Она молча смотрит на улицу, в руках держит фотографию мужа. Делает рывок вперёд, выбрасывается из окна.

Верка возвращается в среднюю комнату, садится на диван. Опять звонок в дверь, он частый, тревожный. Верка идёт открывать. В квартиру в ужасе врывается тётя Маша с фотографией Веркиного отца.

Тётя Маша. Вера, мать, мать...

Верка бежит в комнату матери, включает свет, видит пустую инвалидную коляску и открытое окно, подходит к нему, смотрит вниз...

Тётя Маша плачет.

Верка замечает наполовину спрятанный под фотографиями лист бумаги, где написано "Прости"... Кажется, она ничего не понимает, молча садится в пустое инвалидное кресло...

Верка (после долгой паузы). И ты меня прости, мама...

Затемнение.

Занавес

Ольга ПРИЛУЦКАЯ

(г. Ростов-на-Дону) — прозаик, драматург, переводчик, член ОО «Союз писателей Респу-

блики Крым», Союза переводчиков России, Европейского конгресса литераторов, редактор издательства "ДОЛЯ", журналов "Крым" и "Доля", создатель и главный редактор детского журнала "Долька". Автор пяти собственных книг, лауреат нескольких международных литературных конкурсов, Международной литературной премии имени Юрия Каплана (2010). Автор романа "Общежитие", победившего в Германском международном конкурсе русскоязычных авторов "Лучшая книга года-2018" в номинации "Крупная проза". Координатор конкурса V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

СИРИУС

(По мотивам рассказа Н. Васильевой "Бараний лоб")

(Пьеса в двух действиях)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Павел — несостоявшийся астроном, сварщик, через пятнадцать лет ставший коммерсантом. Отец двух девочек

Вера — его жена

Надюшка — их семилетняя дочь

Надежда — повзрослевшая на пятнадцать лет Надюшка. Высокая, выше отца, двадцатидвухлетняя девушка

Любаша — пятнадцатилетняя сестра Надежды. Дочь Павла и Веры

Мужик — мужик алкашного вида со щенком за пазухой

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина 1

Ночь. Из темноты сцены сначала вырисовывается огромное звёздное небо, затем зал небольшой двухкомнатной квартиры. Диван. На диване спит Павел, которому за сорок. Над диваном висит двуствольное охотничье ружьё. Павлу снится это ночное небо, на котором он видит созвездие Большого пса с яркой звездой Сириус. Из созвездия всё сильнее и точнее вырисовывается вид собаки

КРЫМ 1. 2020

лайки. Звучит выстрел, картина исчезает, лишь в окне виден кусочек звёздного неба, который частично закрывают телевизионные антенны. От выстрела Павел подскакивает на диване, машинально хватаясь рукой за ружьё на стене, словно проверяя, на месте ли оно. Слышен кошачий крик в подъезде.

Павел (приходя в себя от сна). Вот, блин! Достал этот сон! Ну сколько можно одно и то же... Ещё кошки орут! В подвале, что ли, порасплодились? Или это тоже во сне было? А может, просто на душе кошки скребут, а во сне аукается? Нет, пора кончать с этим! Съехать в Бараний Лоб и кончить! Или я не мужик?! Ну, нажал на курок, и баста! Все проблемы куда денутся! Как раньше говорили: "Нет человека, нет проблем". Так и тут... А то уж вся семья измучилась из-за этого Сириуса. Такой раздразидёт! А ведь как всё хорошо начиналось, как легко и светло было пятнадцать лет назад! Молодым был, может, потому? Или жизнь другой стала?..

Картина 2

Зима. Падают снег. По улице идут молодой мужчина и девочка семи лет. Девочка дёргает отца за руку.

Надюша. Пап, я забыла, как называется та звёздочка, которую ты мне сегодня ночью показывал?

Павел. Сириус, Надюша, Сириус. Ты только мамке не говори, что я тебе ночью в мороз разрешил выскакивать на балкон звёзды смотреть. А то нагорит по первое число и тебе, и мне!

Надюша. Ладно, не скажу. Только ведь врать нехорошо, ты же сам мне это сколько раз говорил.

Павел. А ты и не ври! Не говори просто, и всё тут... А то больше не буду показывать тебе звёзды, будешь спать, как миленькая мне!

Надюша (мечтательно). А звёздочка такая красивая, голубая! Больше и нет на небе таких звёзд, правда, пап?

Павел. Да, звезда эта, как брильянт, сверкает на небе. А охраняет её большая собака. Ты заметила?

Надюша (изумлённо). Собака?! Нет, не заметила... Какая собака?

Павел. Большой Пёс. Созвездие так называется, в которое входит Сириус. Я тебе сегодня покажу его, рассмотришь как следует. Жаль, маленькая ты ещё. Ну, ничего, вырастешь, узнаешь больше. Я вот пацаном так хотел стать астрономом — в кружок юных космонавтов бегал, в обсерваторию... А стал обыкновенным сварщиком. Иной раз так напашешься, что всё небо тебе в алмазах! Эх, к звёздам я не полетел, сына не родил...

Надюша (подозрительно). А разве дяденьки рожают?

Павел (спохватывается). Говорю, маленькая ты ещё, первоклашка, клоп, поняла? Не замёрзла? Нос потри варежкой, чтоб не отморозила! А то мать увидит тебя с отмороженным носом, будет нам с тобой! У тебя что сейчас? Каникулы! А, между прочим, Сириус в переводе с латыни — это каникулы, или маленькая собачка.

Надюшка. Значит, у меня сейчас маленькая собачка?

Перед ними, как из-под земли, неожиданно появляется мужик алкашистого вида, держащий что-то за пазухой.

Мужик. Купите щенка! Породистый пёс!

Павел. Да ладно, ври больше! Дворянгу где-то нашёл, и ходишь, на бутылку собираешь.

Мужик. Может, и на бутылку, а может, и не на бутылку. Тебе-то какая-то разница? А то, что это лайка настоящая, голову на отсечение даю! Бери, лучше этой псины на охоте не будет. Ещё завидовать тебе мужики станут, посмотришь!

Павел. Да нет, не до собаки мне сейчас! Иди себе, куда шёл.

Мужик. Дык, я и шёл, чтоб найти хорошего человека для собаки!

Надюша *(дёргает отца за руку)*. Пап, ну купи мне собачку! Я хочу собачку! Я буду вести себя хорошо! Пап, ну папа!

Павел. Не ной! Мать нам с тобой даст собачку! У тебя, между прочим, сестра родилась вчера, а ты собачку!

Мужик. Вот и купи подарок! Пёс злющий будет! Знаешь, какая охрана для твоих девок! Да ты чо, паря, не охотник, что ли?

Павел. Охотник, охотник! Кто у нас сейчас не охотник? Да выгонит из дому меня жена с твоим подарком! Злющий...

Мужик. Говорю, злющий, ручаюсь! Ты глянь ему в пасть-то! Чёрная какая, видал? А ты ещё сомневаешься... Задарма отдаю! Всего-то за столько!

Павел *(с сожалением)*. Нет, не нужен он нам. Хотя, по пасти, и правда, злым должен быть пёс. А это хоть кобель? А то и так в доме один я мужик...

Мужик. Ну сам погляди, самый что ни на есть кобель! Давай за полтину отдам!

Павел. Нет, нет! Пошли, Надюша! Некогда нам!

Надюшка. Папа, ну давай возьмём собачку! Это же Сириус!

Мужик. Бери за червонец! Не то выкину щенка на мороз! Это взрослой лайке мороз не страшен, а маленький замёрзнет. Бери, десятка — не деньги! Ещё благодарить меня станешь. *(Из-за пазухи слышен писк щенка.)*

Надюшка *(умоляюще)*. Папа! Ну, пожалуйста, папочка! Он же умрёт на улице! Он такой маленький! Пап!

Павел. А мамке как скажем? Ох, нагорит нам с тобой! *(К мужику.)* Держи свой червонец! *(Дочери.)* И что я только с вами делать буду? Не знаю!

Картина 3

Зал двухкомнатной квартиры, скромно обставленный. На полу лежит большой ковёр. Вытащена Надюшкина люлька для новорождённой сестры. Вера, только приехавшая с младшей дочкой из роддома, оглядывает своё жилище, по которому успела соскучиться. Надя жмётся к матери.

Павел *(укладывает новорождённую дочь в люльку)*. Ну, вот и пригодилась Надюшкина люлька. Не зря семь лет берёг, не выбрасывал! Правда, думал, что сына в неё положу, а тут снова девка получилась!

Вера замечает на полу мисочку.

Вера. А это ещё что такое? Почему посуда на ковре? Совсем вы тут без меня от рук отбились. Вон какой беспорядок в квартире развели!

Отец с дочерью переглядываются. Надюшка подхватывает миску, ставит её на стол.

Вера. Куда?! Куда ты её на стол прёшь! С пола да на стол! Ты соображаешь? У нас должна быть стерильность в квартире теперь, потому что грудной ребёнок появился в доме.

Надюшка. Мам, а как это, грудной ребёнок?

Вера *(слегка замаявшись)*. Грудной, значит, очень маленький, который только молочко ещё пока пьёт...

Надюшка *(радостно)*. Так у нас два грудных ребёнка в доме, мамочка!

Вера. Да нет, доченька, ты-то у нас уже большенькая, слава Богу, выросла, можно сказать. Теперь вот мне помогать будешь, с младшей сестрёнкой водиться...

Надюшка *(озабоченно)*. Я, конечно, буду тебе помогать, но у меня у самой теперь грудной ребёнок!

Вера. Здравсьте! Чо это ты мелешь? Какой у тебя грудной ребёнок? Куклу отец тебе купил, что ли? На какие деньги? Щас каждую копейку беречь надо! Квартира у нас маленькая, народу прибавляется, пора и о расширении жилплощади подумать.

Павел пытается что-то знаками объяснить Надюшке, но она не обращает внимания на это.

Надюшка. Да, мамочка, нужно подумать. Я вот прошу папу моему Сириусу сделать будочку...

Павел хватается за голову, оттого что дочь выдаёт его с потрохами.

Вера. Какую будочку? Что ещё за Сириус?

Павел. Ты знаешь, мамуля, хотел тебе сюрприз устроить... Не говорил, пока вас не выписали... Подшабашил я тут с ребятами... Помнишь, ты всё ругалась, что я в отпуске на охоту далеко ездил? Неплохо получил. И подвернулся мне участок земли, купил нам в подарок к рождению младшенькой. Ты не возражаешь?

Вера. Ну, ты, Паш, даешь! Участок? С домом?! Где?

Павел *(несколько смущённо)*. Да там развалюха, а не дом... И далековато, правда. Но место, я тебе скажу! Называется Бараний Лоб. Вокруг дома берёзы хороваются. Метрах в двухстах от него, в горку, озеро, что зеркало! А в нём скала отражается. Такая отвесная, гладкая. А ещё кусочек неба... Вот девчонки наши вырастут, выучатся. Мы с тобой на пенсию выйдем, уедем туда жить, а они в городе останутся.

Вера подходит к мужу, обнимает его.

Вера. Будем там старыми смотреть на звёзды, как ты любишь. Да? То на небо, то на озеро... Помню, как ты ещё в женихах мне этот самый Сириус показывал, вместо бриллианта дарил. Чудной ты у меня! За что и люблю тебя. Ни на кого другого ты у меня не похож. И то сказать — у других мужики курят, пьют, а мой на звёзды смотрит...

Надюшка. А Сириус где будет жить? Я хочу, чтоб он со мной жил, потому что я его люблю!

Вера. Да как же Сириус будет жить с тобой, доченька? И тебе папка голову заморочил своими звёздами!

Надюшка. Мамочка, так Сириус — это же собачка, которая всех охраняет!

Из-за двери спальни слышится поскуливание щенка. Отец выпроваживает дочь в спальню, готовясь к объяснению с женой.

Павел. Слышь, Вер, ты не ругайся только шибко. Я Надюхе щенка подарил.

Вера. Ну так и знала, что что-нибудь да отчебучишь тут без меня! Так и знала!

Павел. Да что тут такого? "Знала" она... Ну, взял щенка... Детям на пользу, себе для охоты.

Вера. На какую пользу?! Дитё грудное в доме, и собака рядом! Да он, этот ваш Сириус, поди, ковёр уже запрудил! Единственную ценную вещь в квартире и ту псу под хвост!

Павел. Да нет, он аккуратист. Надюха его на газетку в прихожей учит ходить. Понятливый, чертяка! А знаешь, каким злющим и смелым псом будет, "я те дам!" — пасть у него чернущая!

Вера. Нет, это я те дам! Приволок, не спросив меня, из квартиры псюрню устроил! Ну, чуяло моё сердце, что ждёт меня дома что-то такое...

Павел. Да какую псюрню! Ты запах чуяла, как вошла? Не чуяла, потому что нет его.

Вера. Нет, дак будет! Подрастёт, а это не за горами, и будет вонь!

Павел. Зато девчонки добрыми вырастут. Сначала за собакой ухаживать будут, потом за старыми матерью с отцом. Тут ведь прицел-то дальний, Веруша! Воспитательный момент...

Вера *(совсем разбушевавшись)*. Я вам покажу момент! Уноси его туда, откуда принёс! Самим жить скоро будет негде! Девки подрастут, как в двухкомнатной квартире жить? Где его, твоего кобеля, держать? Прихожая — два шага длиной... На кухне? Ладно бы хоть она была просторной, пусть бы уж как нелюди жили, по-собачьи... Но ведь и кухня ещё меньше прихожей! Господи, да за что же мне всё это?! Ну, спасибо тебе, Пашенька, за подарочек! Всё у тебя не как у людей!

Павел *(совсем расстроенный и обиженный)*. А Бараний Лоб, забыла?..

Вера. Сам ты бараний лоб! Вот уж, Господи, прости, достался мне! Лучше бы пил, как все мужики, а не чудил эдак-то... Сам говоришь, там развалюха! Ты разве строишь что? Ты ж только на звёзды смотреть можешь да сказки рассказывать! Говорю, уноси, откуда принёс!

Из-за двери спальни слышится рёв Надюшки и скулёж щенка.

Павел. Да с улицы я его принёс, с мороза! Что ж, выкидывать маленькую животину назад? Ты ж мать, всё-таки!.. Чего буровишь, не думая... Эх ты! Я-то размышлял, что будет у меня в семье Вера, Надежда, Любовь и Верный, заместо сына. А то одно бабье вокруг! В честь тебя, между прочим, Верным решил назвать.

Вера *(слегка остывая)*. Верным... А Сириус как же?

Павел. Сириус — это для Надюхи. Для меня — Верный!

Из-за двери спальни комнаты тихонько, бочком выбирается Надюшка, подходит к отцу, кладёт в его руку свою ручонку, другой благодарно гладит отца по руке. В люльке заплакал ребёнок. За дверью заскулил с новой силой щенок. Вера пошла к младшей дочери.

Павел. Да отстрою я тебе хоромы, Вер! И глазом не успеешь моргнуть, как во дворец переселишься. Вот увидишь, малая ещё не успеет вырасти, а у нас новый дом будет. Я ж всё-таки не только на небо смотрю, зря ведь ты так наговариваешь на меня. Всё же я сварщик высшего разряда. Да и дом с отцом ещё пацаном какой-никакой отстроил... А ты, "бараний лоб, бараний лоб"... Любишь ты ругаться, не подумав!

Вера. Ладно, идите вы к своему псу! Мне Любашку кормить пора. Сколько отдал-то за свою собаку?

Павел. Да нисколько, так взял! *(С опаской поглядывает на Надюшку.)*

Вера. А говоришь, породистый...

Павел. Ну, червонец какому-то чудику отдал. А это лайка! Для охоты лучше не найти!

Вера. Лайка? Говорят, самая вонючая порода... За червонец! Так я и поверила! Сам ты чудик у меня! Вместо сына ему! Да что уж теперь делать-то, коль взял... Идите с глаз моих долой! Говорю, дитё кормить надо!

Надюшка. Папа, и нам пора кормить нашего Верного-Сириуса. Правда?

Та же комната пятнадцать лет спустя. Там всё по-прежнему. В комнате на диване сидят Вера и пятнадцатилетняя Люба. Видно, что они нервничают, периодически поглядывая на часы. Раздаётся звонок в дверь.

Вера. Пойди, открой. Надюшка пришла, по звонку слышу. Не отец...

Люба пошла открыть дверь. Возвращается с повзрослевшей Надеждой. Надежда, несмотря на лето, одета в строгий костюм.

Надежда *(настороженно, вместо приветствия матери).* Ну, как он? Любашка, говорит, живой...

Вера. Да живой, что ему сделается... Отца вот нет до сих пор. Ну, как ты?

Надежда *(слегка устало).* Защитилась на "отлично"!

Люба. Кто б сомневался! Ты всё делаешь на "отлично"!

Вера. Ну, и?..

Надежда. Ну, что "и"? Предлагают аспирантуру...

Люба. И охота тебе ещё учиться?

Вера *(младшей дочери).* Тебя никто не спрашивает, помолчи! А что, лучше ей идти в школу, учить астрономии таких вертихвосток, как ты? Пусть уж в учёные идёт, если получится. *(Обращается к старшей дочери.)* Говорила, иди на юриста! Те сейчас такие деньги получают! А у тебя ни денег, ни жениха к двадцати двум-то годам...

Люба *(хохочет).* Ой, мам, не гони пургу раньше времени! Ты, как всегда, в своём репертуаре! Щас папаня придёт, ему насучь ещё...

Надежда. Люба, что за жаргон? Уши закладывает от твоих выражений!

Из-за двери спальни комнаты слышится тяжёлое дыхание старой собаки.

Надежда. Иду, мой хороший, иду! Знаю, что ты меня заждался! Виновата, моё солнышко! Ну, теперь диплом защищён, всё лето буду с тобой! Сейчас гулять пойдём! Наверняка ведь никто тебя не выводил на улицу... *(идёт в спальню).*

Вера *(ворчливо).* Как же, "не выводил"... Тебя вот только все и ждали, чтоб он в квартире напрудил. Выводить-то выводили, а назад заносили... Эх, старость — не радость не только для людей! Собака, а мучится, совсем как человек! Какой пёс был чистоплотный!

Люба. Да он и сейчас такой же. Не утерпит, потом знаешь как ему стыдно! Морду так и отворачивает, стесняется, что натворил, не дождался нас. Да оно ж само из него льётся. С мочевым у него что-то, наверное. Сегодня даже кровь на ковре была, я замыла со стиральным порошком.

Вера. Может, и с мочевым... Да всё уж, наверное, у него... Ну-ка, пятнадцать лет собаке! По человеческим меркам, отец говорил, ему уже сто пять лет. Мыслимое ли дело? Тут не то что мочевой, мозги будут отказывать. Он, поди, и ковер-то за травку принимает... Кто его знает? Тут в мужью голову не влезешь, а уж что у собаки на уме...

Раздаётся звонок в дверь.

Вера. Пойди, открой! Отец, видать, пришёл.

Люба. Я что, швейцаром в этой квартире работаю? Ключей ни у кого нет, что ли? Той открой, этому открой!

Вера *(грозно).* Любаха!..

Люба. Ой, ой... Иду уже! *(Уходит.)*

В зал вваливается пьяный, с виду постаревший более чем на пятнадцать лет Павел. У него появились усы, "трудовая мозоль" — животик. Люба идёт следом за ним.

Вера. Ну, явился, не запылится! Ты опять?..

Павел. Чо, опять-то?.. *(Неожиданно трезво.)* Живой?

Вера. Он-то живой, а вот ты, гляжу, опять чуть тёплый!

Павел *(снова пьяно)*. Нет, мать, я горячий, а не чуть тёплый. А всё оттого, что на улице жара страшная сегодня. Лето началось!

Вера. А то я не знаю, что лето... Вон у Любашки каникулы, у меня отпуск с завтрашнего дня. А ты что сегодня "обмывал"? Дочерин диплом или так просто?

Павел. Их ты, чёрт возьми! Надюха ж сегодня защищалась! Я и забыл совсем с этими переживаниями... Ну как, мой звездочёт все звёзды пересчитал? Что получила-то дочка?

Вера. Просто удивительно, что это тебя интересует! "Отлично" Надежда получила... Переживает он! Да ты уж неделю от своих переживаний не просыхаешь! И как тебе только перед девками-то не стыдно, отец?!

Павел. Вот то-то и оно, что перед девками! Был ещё один мужик рядом со мной в семье, Верный, а и того теперь, считай, нет. Всё, был и нет! И всё в жизни так — вот оно было, и нету! Оттого, может, и пью... Эх, жизнь, жизнь... Для чего всё? *(Пьяно затягивает.)* "Есть только миг между прошлым и будущим..." Миг! Ты поняла, Веруша? Миг, только миг! Всё пролетело за один миг! Всё! Ты помнишь, я с похорон отца вернулся... Тогда ты ещё жалела меня... А я вот своего батю весь день сегодня вспоминал. Как на покос с ним ходил, как дом строили... Каким он сильным был! А умирал когда... Я приехал, он мне обрадовался. "Подсоби, — говорит, — сынок, сесть хочу. Сказать тебе кое-что надо..." Я его поднял, а он, мать честная, лёгонький, как высушенная былинка! Рак съел такого мужика! Я ему: "Батя!", обнял его... А он мне: "Эх, Пашка!" И умер... Вот просто выдохнул это "Пашка!" и всё. Так я и остался стоять с ним в обнимку уже с мёртвым. Это как, а? Зачем жить-то, а?

Вера. Ну, покати слезу! Это водка в тебе сейчас плачет, а не ты.

Павел. Нет, я! Я! Ты думаешь, почему я пью эти дни? Душа болит, потому что. Я своего Верного хороню...

Люба. Пап, так он же живой пока что, чего ты?

Павел. Эх, глупая ты ещё, Любаха! Живой... Живой труп он уже, а не Верный! А ведь сколь раз он меня на охоте выручал... Да верней друга, чем он, в лесу не было у меня. Сколько лосей мы с ним завалили... А теперь что? Я который год на охоту-то не хожу? Не знаешь? А я знаю! Как стал он стареть, так и перестали мы с ним охотиться. Эх, жизнь, жизнь! И я вместе с ним состарился.

Вера. Да ты-то какой старый? Пей меньше, не так скоро состаришься. А то всё причину ищешь для выпивки. Жизнь трудная, пёс состарился... Тьфу! Лоб ты бараний!

Павел *(возмущённо)*. Значит, я — бараний лоб? Да?! *(Внезапно сникает.)* А может, и правду ты говоришь... Бараний... Сегодня утром вывел на улицу Верного, ко мне подходит Колька Сёмочкин и ехидно так говорит: "Ты что, Павел Петрович, дом для престарелых собак открыл? Будь мужиком, застрели животину! Ты ж охотник!"

Люба. Ой, пап, ты что? Не надо... *(Начинает плакать.)* Не слушай ты никого! Может, Верный ещё поправится!

Вера. Рехнулся? Пристрелит он... Я тебе пристрелю! Недавно читала историю, про то, как одна молоденькая мама испугалась, что собака заразит её маленькую

дочь. Попросила охотников, проходивших мимо, пристрелить собачонку. Те и рады стараться — за бутылку-то чего не сделают некоторые! Так у её дочери потом детей долго не было. Бог наказал дочь за материнский грех. А у тебя две девки... Ещё чего! Я тебе пристрелю! И не думай мне!

Павел. Читай больше! Эти писаки много чего напишут, чтоб из человека слезу выжать. Лишь бы бабки платили!

Из спальни выходит Надежда. Она уже переоделась в домашнюю одежду.

Надежда. Нужно будет, я ветеринара вызову, чтоб укол сделал Сириусу. Нечего тут никому убийством заниматься.

Вера. Ещё лучше! Один умнее другого!

Павел *(с пьяным смехом).* "Укол..." Видали её? А это, по-твоему, не убийство будет? Только мне же ещё за него деньги придётся платить!

Надежда. Так поступают все цивилизованные люди. Хотя, я сама, честно говоря, сомневаюсь, что это хорошо...

Люба *(плачет уже навзрыд).* Не надо его убивать, не надо! Пусть сам он!

Надежда *(как маленькую, уговаривает сестрёнку).* Не плачь, Любушка! Никто его не убьёт! Отвезём завтра его в Бараний Лоб. На свежем воздухе ему станет лучше. Травки возле дома поест, росой запьёт, подышит берёзовым ароматом, в озере его искупаю. Он и поправится. Вот увидишь!

Вера. Ну, вот что! И правда, везите его завтра на дачу. Поправится, не поправится, а умрёт пусть своей смертью. Нечего грех на душу брать. *(Прикрикивает на младшую дочь.)* Да не реви ты! Завтра к бабушке поедем в деревню. *(Мужу, тихо, почти ласково, но как приговор.)* А ты не решишь своих пьяных проблем, я домой не вернусь. Смотри, милый мой, допрыгаешься — всех потеряешь! Знай, мы с девочками без тебя проживём, а вот ты, бараний твой лоб...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина 1

Бараний Лоб. Павел на веранде большого, практически отстроенного до конца дома. За окном видна отвесная скала. Во дворе под старой берёзой будка. В будке лежит собака. Возле будки сидит Надежда, о чём-то говорит со своим Сириусом. Павел что-то ищет в комнате. Вот подошёл к полке, порылся на ней.

Павел. Да где же эта коробка? Точно помню, клал сюда, на полку... *(Смотрит в окно.)* Ишь, полдня сидит у будки, чуть не целуется с собакой. *(В окно с сарказмом говорит Надежде.)* А ты, может, в будку переселишься? Там удобней тебе будет. И чего я больше десяти лет надрывался, стройку развёл, чтоб каждой из вас по хоромам было? Мать гадостей мне наговорила *(от воспоминаний Павел сморщился, словно белены пожевал)*, укатила с Любахой к бабке, и глаз почти месяц не кажет. Конечно, здесь работать надо, а у них отпуск, каникулы... Ну, леди с дилижансу — кобыле легче! А ты-то чего с ними не поехала?

Надежда *(не оборачиваясь).* У меня свои каникулы — Сириус.

Павел *(снова ходит по комнате, разговаривая с собой).* То-то и оно, что Сириус. Чистая беда мне с вами, девка! Вот тебе и Сириус. Охотничий пёс должен и умереть от охотничьей пули. Только рука-то у меня не поднимается что-то... Вон ружьё висит на стенке в спальне. На днях почистил его, как перед охотой. Верный

увидал, хвостом завилял, мол, готов со мной, как всегда... А у самого морда немощно трясётся, будто у дряхлого старика. На бок завалился, заскулил — от слабости лапы задние подкосились. А может, просто понял, что не ходок уже? Да что он там понял — собака... Это Надюха его всё очеловечивает с самого своего детства: то ей Сириус это сказал, то Сириус то понял. И я уже туда же, под стать ей! Где же эта коробка с патронами? У самого рука не поднимается, соседа попрошу, вместе в тайге охотились сколь раз, неужто не выручит? Идея! Поутру кончит, и дело с концом! Куда подевались? Как леший мутит!.. *(Заглядывает во все потайные места.)* Ну, прямо как в воду канули! *(Вдруг его осеняет, он кричит в окно дочери.)* А ну-ка, иди сюда!

Надежда нехотя косится в его сторону, продолжая сидеть у будки.

Павел *(с металлом в голосе)*. Я кому говорю, в дом иди!

Надежда медленно побрела в дом. Войдя, остановилась у двери, вперив глаза в пол.

Павел. Твоих рук дело?

Надежда. Ты о чём?

Павел. Патроны ты спрятала? *(Надежда молчит.)* Я кого спрашиваю?!

Надежда *(с глухим упрямством)*. Зачем они тебе? Ты ж на охоту не собирался?

Павел. "Не собирался..." Сама знаешь зачем, не маленькая! Мать в твои годы уже с коляской ходила... А ты всё на отцовской шее сидишь!

Надежда оскорблённо вскинула голову, обожгла его взглядом, как врага лютого, дёрнулась, будто уйти хотела, но не ушла.

Павел *(умеряя пыл, жалея, что сказал обидное дочери)*. Не валяй дурочку, отдай патроны. Сам стрелять не буду, Андрея попрошу.

Надежда *(так, что понятно — не отдаст, хоть саму убей)*. Не отдам! Не дам убивать Сириуса! Сказала, надо будет, ветеринара позову!

Павел. Буду я ещё время на каких-то ветеринаров тратить! Я ведь пса-то обратно в город не повезу, нечего ему в квартире делать. А каникулы кончатся — или как там у тебя это называется, — снова в университет пойдёшь, кто с ним здесь останется? Приезжать в Бараний Лоб будем только на выходные. Собака — не верблюд, на целую неделю его не накормишь. Что ж, пусть здесь голодной смертью подыхает! *(От досады на себя, на дочь, шарахает кулаком по столу.)* Вот тебе весь мой сказ!

У Надежды из глаз брызнули слёзы. Не от страха перед отцом, от горя и понимания безвыходности положения, приближающегося конца друга.

Павел. Да ты чо, сдурела, девка? Совсем с ума спятила? Людей жалеть надо, не зверьё! Переучилась, видать, в своём университете! Ну, дела! Да ты по отцу родному меньше плакать будешь, чем по псине, старой и вонючей! *(Натыкается на гневный взгляд дочери.)* Что на меня как на волка смотришь? *(От горечи и обиды замахивается на Надежду, но ударить не смеет.)*

Надежда. Ненавижу тебя! Ненавижу!!! *(Выскакивает из дому, убегает со двора.)*

Павел остаётся в доме один, долго тупо смотрит на захлопнувшуюся за дочерью дверь. Шатаясь, как пьяный, пошёл к дивану, сел, обхватив голову руками.

Павел *(мысленно, сам с собой)*. Ну, ядрёна вошь, дожили! Родному отцу эдакто! Вырастил на свою голову! Отблагодарила! Сказала папе спасибо! Кормил, учил... На куски рвался! Из сварщиков в коммерсанты заделался, получилось! Магазин свой открыл, джинсы из Турции вожу. Всё для кого? Мне это нужно, что ли? Ведь всё для них, для них!.. Хоть бы подумали своими головами, как отцу деньги достают-

ся? На машине ездить хочется, хоромы нужны... Квартира старая не подходит. А спросил бы кто, легко ли мне в этой коммерции крутиться? Каждый день как на пороховой бочке сидишь! Да, недаром говорят: маленькие детки, маленькие бедки. А какой пацанкой Надюха росла! Всюду ведь с ней таскался! А теперь, вишь ты: "Ненавижу!". И из-за чего? Из-за пса какого-то! Да хоть бы сдох, гад!

(С улицы послышался протяжный собачий вой.)

Павел. Чего это он? *(Выглядывает в окно.)* Верный, ты чего там? *(Из будки слышится бряканье цепи.)* Кажется мне, что ли это? Надо идти работать, дел не-впроорот, некогда мирихлюндиями заниматься!

Павел берёт молоток, планки евравагонки и начинает обивать недоделанную стену. В такт стуку молотка он слышит "Не-на-ви-жу! Не-на-ви-жу!! Не-на-ви-жу!!!"

Павел. Вот, ё-моё! Чокнуться можно! А я мог бы своему отцу так вот брякнуть? Да нет, вряд ли! Я до самой его смерти к нему на "вы" обращался. А тут... Ну, мыслимое ли дело, который месяц всё это длится? *(Отбрасывает молоток в сторону, идёт к окну. За окном уже темнеет, на небе появляются звёзды.)* Вся семья в контрах, пёс страдает... Куда она подевалась? И всё поперёк отца идёт, всё поперёк! Упрямая, как чёрт! В юристы её прочили, нет, в астрономию ударились! И хоть бы уяснила себе, что сыт с этой астрономии сейчас не будешь! Сам любил когда-то на звёзды смотреть. Да жизнь другим заниматься заставила, потому как чувствовал ответственность за семью.

Во дворе у будки появляется Надежда с букетом красивых полевых цветов. Она присаживается на корточки к будке, протягивает руку к морде собаки.

Надежда. На, Сириус, скушай малинки. Ты же всегда любил её!

Павел *(со злостью задёргивает занавеску на окне).* В дом иди! Отца пора ужином кормить! Шляешься где-то!..

Надежда входит в комнату, включает свет, накрывает на стол. Ужинают молча. Только слышны с улицы тяжкие вздохи собаки. Учув, что ужин в доме приближается к концу, пёс начинает скрестись в дверь, просясь в комнату. Надежда вопросительно косится на отца, направляется к двери, чтоб открыть её.

Павел *(рявкает на дочь).* Ещё чего! Не зима лютая! Пусть не наглее, знает своё место!

Надежда. Но он же привык в доме жить вместе с людьми!

Павел. Вот то-то и оно, избаловали животину.

Надежда, не желая спорить с отцом, берёт миску с едой и выходит из комнаты к собаке.

Павел. Пусть покормит в последний раз. Думает, раз патроны спрятала, так и всё! Утречком я его током усыплю. Делов-то куча! Возьму проволоку, к его лапе привяжу, да на рубильник нажму. И не взвизгнет! И никому обязан не буду! Надюха проснётся, я уж его закопаю...

Надежда возвращается в дом.

Павел. Спать давай ложись! Ночь на дворе.

Надежда *(хмуро).* А ты что, на веранде спать будешь?

Павел. Да, здесь.

Надежда. Почему?

Павел. А вот захотелось мне сегодня на веранде поспать! Отчитываться мне перед тобой, что ли? Отсюда звёзды лучше смотрятся! Может, ты отцу это запретишь?

Надежда, искося, внимательно посмотрев на него, молча ушла в свою спальню. Павел, не раздеваясь, только сняв домашние шлёпанцы, лёг на диван лицом к окну, в котором звёзды, как на ладони.

Павел *(глядя на звёзды сам с собой или с ними)*. Опутали, как сеть, со всех сторон... В городе-то вас так не видно, как здесь. Не то крыши высотных домов закрывают, не то загазованность воздуха сказывается... Что, осуждаете меня, небось, как мои домашние? Уставились своими холодными глазами, в самое моё нутро глядите... Ух, черти, и давят, и давят! Что они, что мысли... И никуда от них не деться. Что же это отец-то мне перед смертью хотел сказать? Может, меня, сына своего, жалел? Или жизнь свою? Чего это он тогда мне: "Эх, Пашка..." *(Павел сел, посмотрел на часы, снова лёг.)* Так, значит, решено. На рассвете всё и кончу.

На улице раздался протяжный собачий вой.

Павел. Да что ж он, шельма, будто предчувствует свою гибель!

В комнате Надежды заскрипели сначала её кровать, потом половицы. Павел насторожился, прислушался. Снова сел на диване. Появляется Надежда.

Павел *(рывает)*. Куда?! Хватит шастать! Всю душу вынула с этой псиной! Не посмотрю, что выше отца вымахала, огрею сейчас чем ни попадя!

Надежда *(проходя мимо)*. Чего орёшь-то? Я в туалет. *(Вышла на улицу.)*

Павел *(снова лёг)*. Надо же, ещё моей бабки угроза вспомнилась! Совсем я как комок нервов стал!

На улице где-то невдалеке заорали коты. Прошла мимо, возвращаясь в свою комнату, Надежда.

Павел *(снова сам с собой)*. Будто в зверинце живу! Эх, Верный, Верный! Знал бы, что такое будет, ни в жизнь бы тебя пятнадцать лет назад не взял, ни за что на свете! Да лучше б я тому мужику на улице на бутылку просто так дал, чем эдак! А что как не ждать утра? Взять да и... Током! Трахнуть током, как собирался. Щас, Надюха заснёт...

Звякнула собачья цепь. За стеной в комнате Надежды послышалось рыдание.

Павел *(сел)*. Ну, я как Ванька-встанька, блин, — сел, лёг, сел, лёг...

Павел нащупал ногами шлёпанцы, обулся, вышел на улицу, подошёл к будке. Погладил в ней морду пса. Отстегнул цепь.

Павел. Чего уж тут на привязи держать? Куда тебе деваться — чуть живой... Что рад, что я пришёл? Рад, Верный? Ишь, руку мне лижет... Ну, ты придумал мне, тоже ещё... Что за телячьи нежности между мужиками! Ну, ты давай, спи. Спи, Верный, спи!

Павел вернулся на веранду. Лёг на диван. Из-за стены по-прежнему слышно рыдание дочери.

Павел. Ну, что за девка, язви её в душу! И чего Бог не дал сына? Никакой поддержки отцу на старости лет! Один Верный — мужского рода-племени, и тот уже не в отраду! Что ж мне отец-то хотел сказать перед смертью? И чего ещё эта мысль привязалась, Господи, прости! *(Откинул одеяло, прислушался)*. Надюха, слышь? Да не придуривайся, я ж понимаю, что ты не спишь. *(Плач стихает.)* Я вот недавно слышал по радио в передаче одной... Мол, в предсмертный час, ну, перед смертью, то есть, человеку открываются тайны Вселенной. Но вот поведать-то об этом он уже не успевает никому. Понял — и умер. Ты как думаешь, не врут? А что как и правда, всё в этом мире взаимосвязано? И ничто в жизни не происходит случайно...

Надежда выскакивает из своей спальни, присаживается на корточки перед отцом, как в детстве, кладёт свою руку в его.

Надежда. Папа, ну ты же у меня такой хороший! Я так люблю тебя! Папуля, папка мой! Почему же так всё? Почему мы с тобой давно не разговаривали, как в детстве, не смотрели вместе на звёзды? Ты помнишь, созвездие Большого Пса...

Как алмаз, сверкает голубым светом Сириус, и двенадцать маленьких звёздочек в форме собаки охраняют его... Помнишь, как интересно ты мне рассказывал всё это? Папочка! Куда же это всё подевалось, ушло?

Павел *(с горечью)*. Всё, дочка, проходит. Прошло и это! Ничего нового на Земле нет, и не будет. Это, как круговорот воды в природе...

Надежда. А я думаю, что хорошее навсегда остаётся.

Павел. Да оно-то, и плохое тоже остаётся... Только доброе дольше помнится. *(Немного помолчал.)* А мне уже не до звёзд, Надюшка! Это теперь твоя стезя, ты её выбрала. Может, и правильно сделала, что не послушала нас с матерью. Человек должен заниматься любимым делом, тогда и жить ему интересно. А когда из-под палки что-то делаешь, то рано или поздно за это расплата приходит. Каждому своё... Только вот не знаю, как же быть с долгом-то?

Надежда. С каким долгом, папа?

Павел. Ну как, с каким? Вот, к примеру, стал бы я звёздами заниматься, как хотел с детства, что бы вы с Любахой жевали тогда? Нужно было дом строить, вас учить-кормить, работать, одним словом. Вот мы с матерью и мантилили, не думая о том, нравится нам эта работа или нет. Жизнь-то она такая дама, серьёзная да с чуткой... Иной раз не знаешь, что придумает для тебя!

Надежда. Пап, не обижайся на меня, прости меня, ладно? Я знаю, что ты хороший! Пусть уж лучше нам не скоро откроются тайны Вселенной. Лучше мы все будем жить долго, хорошо?

Павел *(ласково гладит её по голове)*. Хорошо, дочка! Спи иди, спокойной ночи!

Надежда уходит в свою комнату.

Павел *(возвращаясь к своим думам)*. Да, отошло всё в прошлое, как в небыль... Дочери выросли, мы стареем. Что ж делать-то? Значит, долг?.. Током и не ждуть утра? *(Согнулся всем телом.)* Твою м... Не смогу я его! Вот напасть!

За окном послышался тяжёлый вздох пса, словно человека: "Эх-хе-хе". Потом шуршание гравия под его лапами. В окно выплыла круглая луна, озарив голубым светом веранду.

Павел. Полнолуние сегодня, вот оно что... То-то, нервы разыгрались. А ведь права Надюшка, взять да привезти ветеринара! Правильно, цивилизованным путём... Чего я мучаюсь столько времени?! Господи, как гора с плеч долой! Вот дурень-то я какой! И себя, и всех вокруг измучил! Нет, спать надо, спать! Стоп, а куда это Верный пошёл? Или мне почудилось? До галюников уже допрыгался я, слава Богу! *(Павел нащупывает ногами шлёпанцы, обувается и выходит во двор, бряцает собачьей цепью у будки, тихоньким свистом пытается позвать собаку.)*

Картина 2

Лунная ночь в лесу. Узкая тропинка ведёт к озеру со скалой. Павел, спотыкаясь и чертыхаясь, откидывая цепляющиеся за него ветви берёз, идёт в их направлении. С него спадают шлёпанцы, он останавливается ежеминутно, надевая их снова и снова.

Павел. Вот чертовщина какая! Куда же это он подевался? Вокруг дома обошёл, нет его. Здесь тоже не видать. Да куда он, бессильный, далеко уйдёт-то? *(Легонько свистит.)* Верный! Ко мне! Сириус! Дак он же глухой уже, не услышит. Вот дурачок! Куда пошёл? *(Снова свистит.)* Да никто тебе ничего делать не будет, даже не думай! Что уж я, сволочь последняя, что ли? Верный! Не такой уж я

"бараний лоб", как некоторые тут думают... Это ж я так, от усталости жизни раздёргался! Верный, ко мне! Сириус! Сириус! Вон звёзды-то здесь какие крупные. Только Сириуса сейчас не найти на небе. Это зимняя звезда...

Павлу нужно подниматься в гору. Он сбрасывает шлёпанцы и легко, молодо взбегает наверх. Озёрная гладь залита неживым лунным светом. В ней отражается, серебрясь, гладкая скала Бараньего Лба и крупные звёзды. Внизу, у воды, Павел видит своего мёртвого пса.

Павел *(ошеломлённо)*. Верный! Верный, ты что это, а? Ты зачем же?.. О-о-о! Вот так взял, лизнул мне на прощание руку и сиганул в пропасть, на эти острые камни башкой, да? Верный! Решил снять с меня грех? *(Павел затрясся всем телом, в груди у него при этом забулькало что-то.)* Верный ты наш Сириус! Да пропади оно всё пропадом! Эти вечные заботы, проблемы... Они из человека за просто зверя сделают! Может, и мне так же, как ты, следом за тобой, Верный, а?

Откуда-то сверху слышится голос отца: "Э-эх, Пашка!" Павел без сил садится на подвернувшийся большой камень. Слез нет. Он поднимает голову к звёздному небу.

Павел. А как же мои Вера, Надежда, Любовь? Как мне их одних-то оставить в этом мире? Нет, не время ещё, нельзя мне делать то, что хочется! Эх, Сириус, Сириус! Закатилась твоя звезда! Прощай, друг! Всю свою жизнь ты был нам верным! И долг свой исполнил так, как понимал его. А у меня свой долг. У каждого своё понятие долга в жизни...

КОНЕЦ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД

Ремзи ДЕВЛЕТОВ (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — поэт, переводчик, филолог, доктор педагогических наук, автор более 100 научных, учебных и методических публикаций, двуязычных и трёхязычных словарей. Член ОО «Союз писателей Республики Крым». Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Поэтический перевод" (1 место).

Лев ГУМИЛЁВ — перевод на крымскотатарский Ремзи ДЕВЛЕТОВА

СОН

Застонал от сна дурного
И проснулся тяжело скорбя:
Снилось мне — ты любишь другого,
И что он обидел тебя.
Я бежал от моей постели,
Как убийца от плахи своей,
И смотрел, как тускло блестели
Фонари глазами зверей.
Ах, наверно, таким бездомным
Не блуждал ни один человек
В эту ночь по улицам тёмным,
Как по руслам высохших рек.
Вот, стою перед дверью твоею,
Не дано мне иного пути,
Хоть и знаю, что не посмею
Никогда в эту дверь войти.
Он обидел тебя, я знаю,
Хоть и было это лишь сном,
Но я всё-таки умираю
Пред твоим закрытым окном.

ТЮШ

Яман бир тюштен ынылдап
Агыр гьам къасеветтен уяндым:
Тюшюмде корьдим —
башкъасыны севесинь
Ве о джанынын агьырткъан сенинъ.
Мен къачтым тешегимден
Санки къатил джеллят кютюгинден,
Насыл фенерлер зорнен
Жанаварларнын козьлери киби
янганына бакътым.
Эх, бойле, белькимде, бир кимсе
бу гедже къараныкъ сокъакъларында
Санки къуругъан озенлер ятагында
Мен киби долашмагъандыр эвсиз.
Мына, къапынъ огюнде турам.
Манъа башкъа ёл ёкъ.
Билем, кирмеге джурьат эталмам
Чюнки оны ачмакъ манъа ясакъ.
О сени ынжытты, мен билем
Тюшюмде олса биле
Мен эписи бир олем
Къапалы пенджерень тюбюнде.

* * *

* * *

Дар слов, неведомый уму,
Мне был обещан от природы.
Он мой. Веленью моему
Покорно всё: земля и воды,
И лёгкий воздух, и огонь
В одно моё сокрыто слово,
Но слово мечется, как конь,
Как конь вдоль берега морского.
Когда он, бешеный, скакал,
Влача останки Ипполита,
И помня чудища оскал,
И блеск чешуй, как блеск нефрита.
Сей грозный лик его томит,
И ржання гул подобен вою,
А я влачусь, как Ипполит,
С окровавленной головою
И вижу — тайна бытия
Смертельна для чела земного,
И слово мчится вдоль нея,
Как конь вдоль берега морского.

Акъялгъа сыгмагъан сёз усталыгъы
Киндик къанынен кельгендир
Бу истидат менимдир. Эмирим
Эр шейни ве эр кесни итаат эттир:
Топракъ ве сувлар, эм енгиль ава ве атеш
Меним бир сёзюмде гизлидир.
Лякин ат деньиз ялысында
Ипполитниъ джеседини сюрюклеп
Чапа ёлуны шашырып ве къутурып,
Нефритниъ къоркъунчлы тишлерин
хатырлай
Ве пулныъ парылдысы,
нефрит парылдысы кибидир.
Бу дехшетли чере оны ёрултты,
Атныъ кишневи увултыгъа ошай...
Мен исе Ипполит киби сюрюкленем
Къаннен булангъан башым,
Корем мен хаят сырларыны:
Бойле яшайыш олюмнен бирдир.
Тюшюнджелерим чапа хаят кенарында
Гуя чапкъан ат киби ялы боюнда.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД

Марина ПОЛЯКОВА (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — музыкант, поэт, переводчик, автор книги стихов и публикаций в ряде

изданий России. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Поэтический перевод" (2 место).

Миклош ФОРМА — перевод с украинского на русский Марины ПОЛЯКОВОЙ

* * *

Ще вдихаєш її волосся духмяне,
 Ще не знаєш, ти праведник вже, чи ще грішник,
 А вона вже рішила, що ти — коханий,
 Вже зізнання у віршах подумки пише.
 Ще радієш, як зміг цю красуню вмовити.
 І вважаєш себе у жінках експертом.
 А вона вже за тебе до бою готова.
 А вона вже готова за тебе вмерти.
 А вона вже за тебе готова в янголи.
 А вона вже за тебе готова в пекло.
 Бо жінки чоловічі зализують рани.
 І вкривають од бід, як від спеки — смереки.
 Ти ще мрієш лірично про ранішні дотики.
 Хочеш ще раз волосся її скуйовдити,
 А вона про дитячі вже мріє ротики,
 А вона вже хоче рід твій продовжити...

* * *

На рассвете вдыхаешь запах волос душистых,
 И не знаешь: праведник ты или снова — грешник.
 А она уж решила: любимый, родной! И в мыслях
 Сочиняет признание в стихах, улыбаясь нежно.
 Ты ликуешь, что смог неземную увлечь красотку,
 И по женщинам точно считаешь себя экспертом,
 А она за тебя любому вцепится в глотку,
 За любовь, за тебя будет биться до самой смерти.

А она для тебя в небеса воспарит, как ангел,
 И она для тебя опустится даже в пекло,
 Потому что лишь женщины лечат мужские раны,
 И укроют мужчин от бед, как в жару смерека.
 И пока ты мечтаешь о лирике предрассветной,
 Чтобы снова взлохматить кудри в безумной страсти,
 У неё уже в мыслях рождаются крошки-детки,
 Чтобы род твой продолжить вам обоим на счастье...

* * *

А цікаво: чи жовте листя обирає, на кого впасти?
 Чи чекає воно нещасних? Чи чекає воно щасливих?
 Чи, можливо, чекає сонця? Чи, можливо, чекає зливи,
 щоб омитися наостанок і тоді назавжди пропасти?
 І чи заздрить те листя жовте тому листю, яке зелене?
 Чи прощається? Щось шепоче, мов людина, що розгубилась,
 у якої ще слів багато, та уже часу не лишилось,
 і доводиться обирати найважливіше і шалене?
 Я дивлюся на листя жовте, те, що впало недавно зовсім,
 і на те, у якого буде ще попереду мить падіння.
 Щось у мені співає жовтим невимовні слова осінні...
 Це напевне моя співає, ще не жовта, — зелена — осінь...

* * *

Интересно: а жёлтые листья, на кого им упасть, выбирают?
 Может, ждут они лишь несчастных? Или только одних счастливых?
 Может быть, ожидают солнца? А возможно, осеннего ливня —
 Чтобы умыться им напоследок... и тогда навсегда исчезают?
 Есть ли зависть у листьев жёлтых к той листве, где осталась зелень?
 Как прощаются? Может, шепчут, словно люди, что растерялись,
 Если слов и желаний вдосталь, только времени не осталось,
 Чтобы самое важное выбрать и отвесть шального зелья?
 Пожелтевшей листвой любуюсь, той, что сбросили в ноги клёны,
 И на ту, у которой будет впереди ещё миг паденья.
 И несказанной жёлтой ноткой зазвучало слово осеннее —
 Это осень моя запела, ей недолго уж быть зелёной...

* * *

Світанок — тихий, хитрий, сірий кіт:
підкрадеться — не відгадаєш звідки...
І молочко серпанку буде питки,
допоки сонце не побачить світ.
Здається, можна руку простягти
і лоскотати котика за вушком.
А він, світанок-котик, очі мружить
і ластиться, не забува мети,
і ось уже від променів вікно
стає прозорим, чистим від туману...
І тихо йде той хитрий кіт-світанок,
щоб вранці повернутись все одно...

* * *

Рассвет бесшумно, словно серый кот,
Крадётся вновь, не угадать — откуда,
Тумана шлейф, как молочко из блюда,
Он пьёт, покуда солнце не взойдёт.
И кажется, лишь руку протяни,
И пощекочешь котика за ушком.
Рассвет-котёнок мне урчит в подушку,
И ластится, и просит: "Не гони..."
Всё чище и прозрачнее окно,
И тают под лучом следы тумана...
Уходит кот-рассвет. Но утром рано
Он завтра возвратится всё равно.

Николай НАСТОБУРКО (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — поэт, прозаик, переводчик, член ОО "Союз писателей Республики Крым", автор 6 книг стихотворений и публикаций в различных литературных альманахах, журналах и газетах. Дипломант II-го и IV-го Международного литературно-музыкального фестиваля "Ин-

теллектуальный сезон" в г. Саки. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллектуальный сезон" в номинации "Поэтический перевод" (3 место).

Екатерина БАЛИЦКАЯ — перевод на украинский Николая НАСТОБУРКО
(из книги Николая Балицкого "Мысли, картины, стихи".
Издательство "Доля", 2017)

* * *

— Что ты будешь делать с волосами длинными?
— Я пушу их в ленты горькунами мыльными.
— Что ты скажешь морю про ботинки пыльные?
— Я скажу, что солью поросли они.
— Как ты встанешь якорем на закате дня?
— Превращусь в песчиночку — вот и нет меня.

* * *

— А от що ти скоїш із волоссям довгим?
— Почикрижу стрічками вигірклого шовку.
— Що промовиш морю, як крізь пил дочовгав?
— Похизуюсь кіркою солі на мені.
— Як заякоришся, поки день спливає?
— Загублюсь піщинкою — ось і заховався.

* * *

Ну что глядишь очами тёмными
в мою застывшую тетрадь?
Она, гвоздями переполненная,
не может попросту стоять.
Прогнулась полка безнадёжная,
и скрепы выгнули смычки.
Шипят листы охрипшим шорохом
и выпускают коготки.
Задержишь взгляд ещё секундочку
и в миг не сможешь разобрать,
кто обнаружил тебя в тумбочке?
Со мной рискуешь не солгать.

* * *

Чому ти очі карі втупив
У зошит, що я залишив?
Через тягар цвяхів-шурупів
Він геть полицю проломив.
Смички під рип напруги мріяли —
Ану ще нижче упадіть!
Та аркуші розчахнуть віяло,
Щоб потихеньку шарудіть.
Іще секундочку поглипай —
Найшло затьмарення чи ні:
Хто це спіткав тебе на лихо?
Є вибір правди і брехні.

Лауреаты Международного конкурса
"Парнас — премия Анджело ла Веккья" (Италия)
в номинации "Амди Гирайбай"
(перевод с крымскотатарского)

Амди Гирайбай (настоящее имя Абдулфат Лятифов) родился 14. 02. 1901 г. в деревне Ени-Кале в семье мусульманского богослова. Окончил начальную школу в Карасу-базаре, учился в средней школе-рушдие в Симферополе. В 1921 поступил на рабфак Крымского Государственного университета, но вскоре покинул его по материальным причинам. Работал в Наркомнаце. В 1918–1923 годах написал свои лучшие поэтические произведения. Публиковался в симферопольских крымскотатарских журналах «Янъы Чолпан» и «Илери». В 1923 году при содействии видного деятеля первого правительства Крымской АССР Вели Ибраимова направлен на учёбу в Турцию. Учился на философском факультете Стамбульского университета, подготовил диссертацию «История Крыма», в которой развивал идеи пантюркизма. В 1926 году вернулся в Крым. Работал в областном совете Общества нового алфавита. Преподавал «тюрко-татарский язык» в Симферопольской девятилетней образцово-показательной крымскотатарской школе №13.

В 1928 году арестован по делу крымскотатарской национальной партии Милли-Фирка. Обвинён в национализме и шпионаже. 17 декабря 1928 года Судебной коллегией ОГПУ приговорён к Высшей мере наказания. Расстрелян 13 сентября 1930 года в Бутырской тюрьме. Реабилитирован в 1991 году.

ДЖИГИТКЕ

Эй, джигит, къальбинъи йылдырым урса,
Душманынь коксюньи тепмелеп турса
Мезарынь устюне сарайлар къурса,
Астындан кене де "акъман" деп багъыр,
Ярдымгъа джигитлер джигитин чагъыр.

Дерьялар буз болып устюнье джавса,
Парланса бу дюнья, бошлыккъа авса,
Душманынь сүлюкдай къаныньны савса
Ичинъде джангъан от сѣнмесин, джансын,
Артындан къалгъанлар "джигит" деп анъсын.

Эгер де къальбинъде джангъан от сѣнсе,
 Менлигинъ къырылса, хорлыккъа коньсе,
 Чархынъ токътаса, терсине дѣнсе,
 Умютюнъ узюлип гонъюлюнъ солмасын,
 Джигитлик ич ольмез хавфынъ олмасын...

Июль 2, 1921

МЕКТЮП

Бу куньгеджек сизден сырым гизледим,
 Къальбинъизге гизли бир джол изледим,
 Къарар бердим ичимдекин айтмагъа,
 Гъурурланма, сен де сырынъ айт магъа.

Эр кунъ акъшам келесинъ сен тюшюме,
 Сарып ала къальбимни бир ушюме,
 Коктен келип киресинъ де къойныма,
 Сармашыкъдай сарыласынъ бойныма.

Абдырайман, сескенемен, тураман,
 Бирден лампа эскенджесин бураман,
 Ясланаман тѣшегимнинъ тѣрюне,
 "Ах", легенде, акъ джигерим корюне.

Уйде ёкъсынъ, сакъланасынъ, къачасынъ,
 Асретимни тазертесинъ, ачасынъ...

Джылай, джылай сарынаман, джатаман,
 Ойлайаман, къасеветке батаман,

Инсан эт де, акъыз, къабул эт мени,
 Сатып алгъан эсиринъдай джет мени,
 Козъ яшларым этегинъе тѣкюльсин,
 Ичимдеки тамарлы дерт секюльсин.

Назлангъанда сесим битип, къарылып,
 Къулач ачып, акъ бойнынъа сарылып,
 Дудагъымны ал эрнинъе тийдирсем,
 Авузынъа сырларымны ийдирсем.

Сенчюн къояр эдим джаным ортагъа,
 Дуаджы бол ляатимде тортагъа,
 Дюнья ахрет къуллыгъына разыман,
 Джевабын яз бир къач сатыр языман...

Ноябрь 20, 1920

Ольга РАВЧЕНКО (г. Гомель, Республика Беларусь) — переводчик, публицист. Член Международной гильдии писателей, Представитель МГП в Беларуси, Член Союза писателей Беларуси, Член Союза писателей Союзного государства, заместитель председателя Литературного объединения "Новая Белица". Почётный гость V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

ТЫ — ДЖИГИТ!

Если молнии в сердце оставят рубцы,
Если враг, коня уведя под уздцы,
Над могилой твоей возведёт дворцы,
Всё ж: "Я — чист!", — даже из-под земли моли,
И простят джигиты родной земли.

Если рекинахлынут глыбами льда,
Рухнет белый свет, сотрясая ад,
Если ест нутро ядовитый гад,
Пусть в груди негасимый огонь горит:
Люди будут помнить имя: "Джигит!"

Если бурную кровь умирив свою
И растратив силы в неравном бою,
Вскачь уже не помчишься в едином строю,
Не впадай в отчаянье: даже убит —
Вечной памятью жив отважный джигит!

ПИСЬМО

Я сегодня открыться решаюсь в письме:
Тропки к сердцу любимой плутают во тьме.
Расскажу тебе то, что так долго таю.
Будь смелее и ты: выдай тайну свою!

Дивный ангел! С небес ты нисходишь тайком.
Как цветок на лугу, обвиваешь вьюнком.
Трепет сердца и робость рождая во мне,
Еженощно, любя, искушаешь во сне.

Спохватившись, спросонья, я к лампе спешу,
Зажигаю фитиль. Лампу вновь погашу,
Но постель меня давит, как будто тиски,
И безмолвно вздыхаю от жгучей тоски.

От меня не беги и дикаркой не будь!
Чувство светлое обручем стиснуло грудь:
В бесприютной печали страдаю в ночи.
Мне тревога незваная в сердце стучит.

Твои руки горячей слезой орошу.
Сжался, милая! Неги твоей лишь прошу!
Боль отступит, печали уйдут без следа.
Даже если рабом нарекусь навсегда,

Буду счастлив: меня за собой позови —
Не устану тебе признаваться в любви.
Осторожно прикинув губами к губам,
Я все тайны — устами устам — передам.

Разреши хоть в молитве быть рядом с тобой!
Для тебя я отважусь на подвиг любой!
Мне с тобой не страшны ни нужда, ни беда,
Но в ответ напиши долгожданное: "Да!".

Виктория СМЕРНОВА (г. Гомель, Республика Беларусь) — поэт, переводчик, член Союза писателей Беларуси, член Регионального Общественного Фонда содействия развитию современной поэзии "Светоч" (г. Москва), член Международной общественной организации "Международный Союз писателей и мастеров искусств".

ДЖИГИТ

Эй, джигит, если молния в сердце оставит рубцы,
Если враг твою грудь неустанно, коварно клюёт,
Возводя над могилой гранитною мощью дворцы.
Закричи же: "Я прав!" и сквозь землю твой голос пройдёт.
А на крик из земли отзовутся джигиты-борцы.

Если мёрзлой лавиной обрушатся реки шугой,
И расколется мир, поглощаясь пучиной, падёт,
Супостат присосётся пиявкой, ты рану закрой.
Пусть внутри не погаснет огонь, снова пламя растёт,
И запомнишься ты, как джигит, на устах, ты — герой!

Если в сердце твоём вдруг огонь, угасая, замрёт,
Потеряешь все силы, от мук, переживших тебя.
Остановится время, закрутится вспять, вновь пойдёт,
Но не падай же духом, унынье забудь — то судьба,
Ты бессмертен, храбрец, и в веках твоя слава живёт.

ПИСЬМО

Скрывая каждый день, я тайну прятал:
Путь к сердцу твоему мной не разгадан.
Решил я рассказать о сокровенном,
Ты не молчи, ответь мне, непременно.

Ко мне во сне приходишь каждой ночью —
И в сердце дрожь: кузнечиком стрекочет.
Как ангел, с неба шедший за мечтами,
Ты оплетёшь меня вьюнка цветами.

Когда внезапно ночью просыпаюсь,
Фитиль лампы искрой зажигаю.
Ложусь я в мягкую постель обратно.
Вздыхаю от тоски вновь безотрадно.

Ты убегаешь, прячешься всё время.
Моя печаль, как тягостное бремя.
Лежу, накрывшись, и от грусти плачу,
В тревогу погружаясь, мысли прячу.

Любимая, прими меня, помилуй,
Зови к себе рабом, я обессилен.
На шёлка шлейф мои стекают слёзы,
А боль уйдёт бесследно и не спросит.

Я буду счастлив, обнимая нежно.
Охрипнет от признанья голос прежний.
Прикосновенье губ — мечты случайность.
От губ к губам я передам бескрайность.

Я за тебя всю жизнь отдам, хоть в битвах.
Лишь будь со мною рядом ты в молитвах.
Готов на всё, на вечную неволю...
Прошу, мне напиши, не мучай боле.

Валерий БАСЫРОВ (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — поэт, прозаик, переводчик, издатель, фотохудожник. Выпускник Литературного института им. А. М. Горького. Автор 30 книг. Лауреат различных литературных премий, в том числе международных. Член Союза переводчиков России. Председатель ОО "Союз писателей Республики Крым". Член жюри конкурса V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

Ашик УМЕР

* * *

Я из Гёзлеве. Умером наречён,
С Книгой Судеб лик мой тайно обречён.
Я возник из капли. Богом обречён
Жить в раю, где кровом наделён.

Эшреф ШЕМЬИ-ЗАДЕ

* * *

Угаснет жизнь моя — мечта окажется счастливой:
Я был рождён в Крыму, Крым должен стать моей могилой.

И камень я надгробный не ищу себе —
Моя Земля меня прикроет, как дюрёбе,

Чтобы случайный путник, побывавший здесь,
Поведал угнетенным всем благую весть:

"Покая в этой жизни человек не знал, —
В родной земле обрёл то, что давно искал".

Угаснет жизнь моя — мечта окажется счастливой:
Я был рождён в Крыму, Крым должен стать моей могилой.

3 октября 1969 г., г. Самарканд

КРЫМ 1. 2020

А. Медиеву

Шакир СЕЛИМОВ

Соблазнами манят нас в свой хоровод,
При этом закрыть нам пытаются рот.

Безгласный танцует под дудку народ,
Свой путь устилая слезами,
но так же, как прежде, гоним:
Мир, глядя на нас, одним глазом смеётся,
и плачет другим.

Проси не проси — не откликнется друг,
Как будто врагов стало больше вокруг:
Не видно начала-конца наших мук.
Терпенье распято,
но так же, как прежде, народ мой гоним:
Мир, глядя на нас, одним глазом смеётся,
и плачет другим.

Аллах подарил благодатный нам край —
Вглядишься в родники и поймёшь незначай:
Лишения льются уже через край,
А мы продолжаем мечтать,
и народ мой, как прежде, гоним:
Мир, глядя на нас, одним глазом смеётся,
и плачет другим.

Довольно! Раздумьям очнуться пора!
Неужто забыли, как жили вчера?
Рассветы уходят, — грядут вечера,
А я же хочу одного:
 до конца быть с народом своим.
Мир тоже за нас: одним глазом смеётся,
 и плачет другим.

Идрис АСАНИН

СОВРЕМЕННОМУ

Активному участнику и одному из руководителей народно-освободительного движения, всемирно-известному учёному, соратнику по борьбе за свободу и независимость крымскотатарского народа Роллану КАДЫЕВУ.

Если степи иссушаться жаждой,
Над землёй будет властвовать зной, —
Современник, ты должен однажды
Для неё стать живою водой.

Если сель рассечёт степь надвое
И погибнут посе́вы, сады, —

Я уверен: ты сможешь собою
Защитить степь от этой беды.

Если сердце угасшее встретишь, —
Ты огнём давней веры своей
Разожги его, сразу заметишь,
Как сам станешь намного сильней.

Если взгляд твой увидит: в пучину
Волны лодку вот-вот унесут —
Помоги, коль родился мужчиной,
Ты не спасёшь — тебя не спасут.

Если мраком укроются звёзды, —
Всё собою вокруг освети.
Нашу землю родную, наш воздух
Время нам поручило спасти.

Переменами полнится время,
Век двадцатый седлает коня!
Современник, вперёд: ногу в стремя
И — к восходу свободного дня!

Апрель, 1969 г.

НАДЕЖДЫ

Надежды приходят ко мне,
С моею рождаются судьбой.
Я с ними иду по весне
И солнце плывёт надо мной.

Когда исчезает тепло, —
Пугает холодная даль.
Мне в жизни ещё повезло,
Народ же измученный жаль.

Надеждами только держусь
И верю, что время придёт:
Опомнится Красная Русь,
И в Крым возвратится народ.

Надежды ведут сквозь года,
Плевками устелен мой путь.
Прошу у Аллаха всегда:
"Меня не оставь
и народ не забудь!"

Апрель, 1970 г.

Ночь прозрачна. Половодье света.
Луна кокетливо моргает с веток.
Меня волнует не бабье лето,
А ты, любовь моя.

На сонных волнах я различаю
В полночном море уставших чаек.
Не сон так нежно меня качает,
А ты, любовь моя.

Скользят созвездья над миром древним...
Я забываюсь в тени деревьев
И снова снятся моя деревня
И ты, любовь моя.

*Май, 1976 г.
Гурджистан, Цхалтуба.*

Энвер СЕЛЯМЕТ

АЛЕКСАНДРУ МАТРОСОВУ

Не отлюбил, не отгрешил...
Среди свинцовой круговерти
Он так считал и так решил,
Что долг всегда превыше смерти.

Он так решил и вид Бог:
Собою амбразуру дзота
Закрыть ценою жизни смог,
Чтобы вперёд ушла пехота.

В тревожном мире я сейчас
Живу, а что ещё осталось...
Понять хотел я столько раз,
Чем мужество его питалось.

Проходит время, но порой
Терзаюсь я одним вопросом:
Когда придётся принять бой,
Смогу подняться, как Матросов?

Юнус КАНДЫМОВ

"ВЕДЬ ЭТО ГЛУПО — КУТАТЬСЯ В ОБМАН:

Я колыбельную не помню, мама.

Разлил, как воду, жизнью расплескал

По капельке — за словом слово, мама..."

"Сын, не горюй. Всевышний знает всё:

У смертных память — поводырь надменный.

Дорогу к дому только не забудь, —

Ты — колыбельная, мой незабвенный..."

09.08.1989

*Переводы с крымскотатарского
Валерия БАСЫРОВА*

Сергей МАКСИМОВ

(г. Саки, Республика Крым, Россия) — лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Авторская песня" (2 место).

ОСЕНЬ

Слова и музыка Сергея Максимова

Помню, осень была,
По полю ходила,
Золото дарила,
Дарила.

Зерно собирайте,
Жатву зачинайте,
Жатву зачинайте,
Жатву.

Мужики да бабы
Спрятали наряды,
Собрались в отряды,
В отряды.

Спело не напрасно,
Не дай Бог ненастья,
Не дай Бог ненастья,
Не дай Бог.

Только потом мысли,
Колосом роднились,
Небесам молились,
Молились.

На престол вознёсся
Да насыпал в горсти,
Да насыпал в горсти,
Насыпал.

Ноги хоть устали,
Руки кровь пускали,
Песни всё звучали,
Звучали.

Подходи, бродяга,
Хватит работягам,
Хватит работягам,
Хватит всем.

Лариса АФАНАСЬЕВА

(г. Белогорск, Республика Крым, Россия) — поэт, бард, член ОО "Союз писателей Республики Крым", Европейского конгресса литераторов, Союза писателей-мари-
 нистов Крыма и Севастополя. Автор двух сборников стихов. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. С. Гумилёва. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Авторская песня" (3 место).

ринистов Крыма и Севастополя. Автор двух сборников стихов. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Н. С. Гумилёва. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Авторская песня" (3 место).

БАБЬЕ ЛЕТО

Разбросало паутиночки по свету
 Запоздалое, смешное бабье лето.
 Лишь на солнышке душа тобой согрета,
 А в тени — осенний холод, бабье лето!

Припев:

Ты обманчиво, как женская улыбка,
 Верить в счастье надолго — ошибка.
 Налетят ветра, сметут веселье лета,
 Разнесут его куски по белу свету.

Не холсты, холстинки малые отбелит
 Утренний морозец — что ж поделать?
 Собери листвы багряные букеты —
 До весны с тобою будет бабье лето!

Припев:

Ты обманчиво, как женская улыбка,
 Верить в счастье надолго — ошибка.
 Налетят ветра, сметут веселье лета,
 Разнесут его холсты по белу свету.

Эрвин СЕЙТАСАНОВ

(г. Бахчисарай, Республика Крым, Россия) — молодой крымскотатарский художник-график. Спектр деятельности — от росписи стен до компьютерной графики. Окончил студию изобразительного искусства, курсы дизайна, факультет изобразительного искусства Крымского инженерно-педагогического университета. Эрвин создаёт фир-

менные логотипы для фотографов, медиапроектов и газет, а также иллюстрации к книгам. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Иллюстрация книг" (1 место).

Иллюстрация к книге Мухаммеда-Али Сулайманова "Исмаил Гаспралы иле субет" ("Разговор с Исмаилом Гаспринским").

Александра ПАНФИЛОВА (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — школьница, 15 лет. Рисует с семилетнего возраста. С 14 лет обучается в симферопольской школе искусств "Карандаш". Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Иллюстрация книг" (2 место).

Иллюстрации к рассказу "Сезон неверия" Рэя Брэдбери. Выполнены цветными карандашами (формат А5).

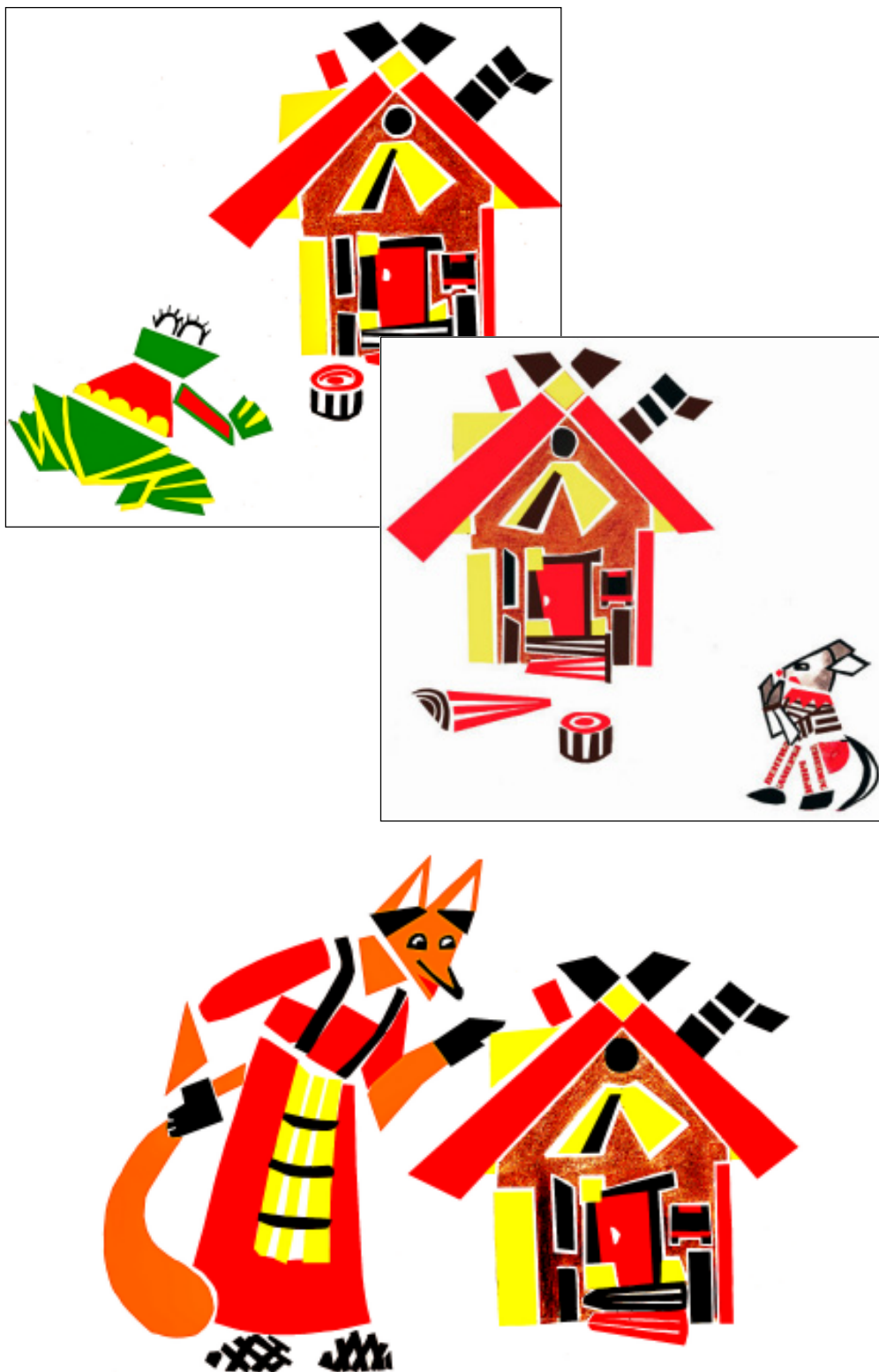

Дарья ГРЕБЕННИК (г. Щёлкино, Республика Крым, Россия) — студентка КФУ (Крымский Федеральный университет им. Вернадского), факультет информационно-полиграфических технологий, кафедры

книжной графики и печатной продукции. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Иллюстрация книг" (3 место).

Иллюстрации к сказке "Теремок" в стиле конструктивизм, техника — аппликация. Аппликация — один из видов изобразительной деятельности, основанный на вырезании, наложении различных форм и закреплении их на другом материале.

"САКИ: ОЧЕВИДНОЕ, НО НЕВЕРОЯТНОЕ"
(Специальная номинация администрации города)

179

СПЕЦИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ

Ирина КОЛЯКА (г. Щёлкино, Республика Крым, Россия) — поэт, член ОО «Союз писателей Республики Крым» и Союза писателей-мариновиков Крыма.

Автор двух книг и текста официального Гимна г. Щёлкино.

Произведения опубликованы в литературных журналах и альманахах Республики Крым, России, Украины, Белоруссии, Англии, Израиля и Швеции. Неоднократный лауреат различных литературных фестивалей, в том числе и международных. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в специальной номинации "Саки: очевидное, но невероятное" (1 место).

ОЧЕВИДНОЕ, НО НЕВЕРОЯТНОЕ

Вы не знаете, откуда
В Саках взялся Бронтозавр?
Вышло этакое чудо
Много лет тому назад!
И без малого столетье
Он приветствует гостей
Повседневно: в лихолетья,
В годы добрых новостей...
И зимой, и знойным летом...
Он легко поднимет ввысь
Мысли множества поэтов,
Что недаром собрались

В пятый раз в чудесном месте.
Саки — признанный курорт!
Мысль достигнет Эвереста —
Стоит лишь из года в год
В поэтическом Сезоне
В город Саки приезжать!
Здесь, поверьте, нет резона
У экрана возлежать.
Здесь для всех найдётся дело,
Вспыхнет творческий азарт...
Приезжайте в Саки смело —
Вас не тронет Бронтозавр!

Марина ТРУСЕВИЧ (г. Саки, Республика Крым, Россия) — поэт, член Союза писателей Республики Крым, редактор городского творческого объединения Арт-клуб "Февраль". Публиковалась в газетах, журналах и литературных альманахах России и Крыма,

дипломант и победитель различных литературных фестивалей, в том числе международных. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в специальной номинации "Саки: очевидное, но невероятное" (2 место).

ВОСПОМИНАНИЕ КУРОРТНИЦЫ

Он нам и верил, и не верил,
Тот сакский ласковый причал,
Когда вдруг парус белый-белый
Платочком будто помахал.

Был зацелован рыжий берег
Молочно-кипельной волной,
И, ах, какой была я смелой,
А ты так робок был со мной.

И всё пропахло кукурузой:
Твои усы, мой сарафан,
И был божественно невкусным
Шашлык из жареных рапан!

Он нам не верил, но в раздолье
Звал за полётом звёздных стай
И обнимал ночным прибоем,
И плечи знойно целовал...

Солёный жар твоих ладоней,
Дрожжанье губ, мерцанье глаз,
И, боже мой, каким бездонным
Казался времени запас...

Такси умчалось торопливо,
А я вошла в аэропорт,
Твои контакты удалила
И убежала в самолёт.

Потом совсем тебя забыла,
Как забывают поутру
Сон удивительно красивый,
Чуть-чуть похожий на мечту.

А сакской нежности спасибо,
Ведь оказалось, только с ней
По-настоящему счастливой
Была я целых десять дней.

Алевтина КАЧКОВСКАЯ (г. Саки, Республика Крым, Россия) — поэт. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в специальной номинации "Саки: очевидное, но невероятное" (3 место).

ГОРОДУ САКИ

Частицей стала я твоей,
Мой городок гостеприимный,
И многоликий и старинный.
Больных встречаешь ты людей.
Они, с надеждой каждый год,
Как птицы, дивной вереницей
Озёрной грязью полечиться
Спешат — желанный их прилёт!
Ты оживаешь, город мой!
Толпится люд многоголосый.
И задают тебе вопросы
С наивной детской простотой.
Жильцам — обычным старожилам
И долгожителям твоим
Легко ли в лихолетье было?
Но труд спасал — на том стоим!
Почти невидимы они —
Простые скромные герои.

Куют и сеют, шьют и строят.
Поклон земной тем, кто в тени!
Не заявляют о себе.
Живут, на радость Богу, просто.
И ангелов над ними со сто,
И в небе ночью по звезде!
На счастье деток голоса —
За поколеньем поколень,
И ввысь, к свершениям стремленье,
И удивлённые глаза!
Уже прославили, прославят
Герои, Сенченко сродни!
И память о себе оставят.
В их честь вечерние огни!
Горит у обелисков вечный,
Отцовский подвиг не забыт!
А в море плещется беспечный
Приезжий люд — здоров и сыт!

ПУБЛИЦИСТИКА

Коладжеро ЛА ВЕККЬЯ (г. Агридженто, Сицилия, Италия) — профессор, учредитель и президент Международного поэтического конкурса в сети интернет "Парнас — премия Анджело ла Веккья". Почётный гость V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

ИЗ ЗЕМЕЛЬ "ПАРНАСА", ГОРОДА КАНИКАТТИ — В КРЫМ

(ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ЗАМЕТКИ О НЕЗАБЫВАЕМОМ ПУТЕШЕСТВИИ)

Организовывая культурное мероприятие, мы всегда руководствуемся мотивами, подвигающими к его проведению.

В случае фестиваля "Интеллигентный сезон" его организаторы хотели, чтобы фестиваль не закончился в день его закрытия, т. е. целью не было проведение фестиваля ради собственно фестиваля. Ольга Прилуцкая и Валерий Басыров, каждый в своей сфере, упорно трудились над созданием культурного движения, которое всё больше и больше становилось бы движением культурной идентичности: что такое современная литература? что ожидать от современных писателей?

Этот литературный форум проходит в Крыму один раз в году, длится всего пять дней, но в памяти участников он остаётся надолго, и почти год все готовятся к проведению нового, следующего по счёту, Фестиваля.

Я был приглашён на "Интеллигентный сезон" и участвовал в нём с большим интересом и откровенным любопытством. Не скрою, что моё участие в нём могло показаться из ряда вон выходящим — в некоторой степени даже аномалией — для многих моих соотечественников и большинства еропейцев. И это действительно так. Крым — территория, в настоящее время не признанная европейским сообществом (и, следовательно, Италией), "ввиду аннексии его Россией". Но я спросил себя: "Разве сложившаяся ситуация может препятствовать человеческим отношениям? Разве справедливо оставаться бездейственными ввиду барьеров, воздвигнутых не нами?"

Ключ, позволивший мне разрешить мои сомнения, — тот же, что у Ольги Прилуцкой и Валерия Басырова в организации Фестиваля: литература. Крепко при-

держиваться литературы, следуя за истинным человечеством. Я многократно участвовал в фестивалях с мыслью, которую мой отец, писатель Анджело Ла Веккья, повторял всегда: "Для культуры, для поэзии нет и быть не должно языковых барьеров, расы и религии. Кто не усвоил этого, тот ничего не понял в культуре и поэзии!"

Организаторы Фестиваля часто сталкивались с трудностями технического характера, но никогда не останавливались перед ними. Формула Фестиваля хорошо структурирована. Он дал всем нам возможность выразить себя, почувствовать себя главными героями в определённый момент. Интересны также краткие представления авторских книг участников Фестиваля.

Дни Фестиваля — это дни активного высокоэмоционального включения — моменты, которые должны бы войти в естественную систему любой цивилизованной страны. Культура тоже становится моментом продвижения территории, её рекламирования, что способствует процветанию города, республики. Следовательно, умная администрация должна приветствовать и продвигать подобные инициативы, входящие в систему социального роста подведомственной ей территории.

В рамках Фестиваля состоялось награждение в специальной номинации нашего конкурса "Парнас — Премия Анджело Ла Веккья", посвящённой Амди Гирайбаю, крымскому поэту-мученику, являющемуся гордостью несправедливо репрессированного народа. Награждённая за лучший перевод на итальянский язык стихотворения Амди Гирайбая "Ты — джигит!" ("Джигитке"), талантливый белорусский переводчик, человек высокой культуры Ольга Равченко стала в дни Фестиваля нашим переводчиком и свидетелем всех моментов Фестиваля.

Валерий Басыров и Ольга Прилуцкая обладают здоровым аналитическим умом и широким взглядом, позволяющим им выходить далеко за рамки культуры своего региона и даже своей страны: настоящее, реальное сотрудничество с итальянским Конкурсом — яркое тому подтверждение. Я также имел честь быть принятым в Союз писателей Республики Крым, организовавший Фестиваль. Этот факт — тоже признак максимальной открытости, позволивший, в свою очередь, Валерию и Ольге стать членами Ассоциации "Парнас — г. Каникатти"! Да, историческая летопись мира состоит из таких событий — пусть даже не очень значительных, на чей-то взгляд.

Ещё один важный момент, в ходе которого мы стали главными героями Фестиваля в Крыму, — награждение поэта из Азербайджана Билала Адилова, победите-

Посещение города Бахчисарая

ля ещё одной номинации нашего конкурса, посвящённой Расулу Гамзатову. И это тоже нить, связующая Крым с миром. Дружба с Билалом, завязанная на культуру, будет подкреплена презентацией книги его стихов в г. Каникатти в ходе заключительного мероприятия нашего Конкурса в последние дни марта 2020 года.

Невероятно интересными были экскурсии по достопримечательностям Крыма. Крымчанам есть, что показать, а их гостям — посмотреть.

Фестиваль стал также возможностью познакомиться с поэтами из разных стран бывшего Советского Союза и подкрепить старые знакомства, некоторым из которых уже несколько лет.

Наш конкурс стал по-настоящему открываться представителям других культур благодаря знакомству с Мариной Ахмедовой, на-

родным поэтом Дагестана. Марина, присутствовавшая на крымском Фестивале вместе с "поэтом души" Сувайнат Кюребековой, стала мотором, который привёл в действие международный дух итальянского Конкурса, ознаменовав переход от виртуального знакомства к реальному. Мы были в 2018 году в Дагестане, и имеем честь сотрудничать с Союзом писателей Дагестана и Министерством культуры Дагестана в рамках специальной номинации, посвящённой Расулу Гамзатову.

Другой очень важный аспект, в который вовлечён лично я, — это возможность узнать непосредственно живую историю Крыма, закрепить интерес к истории

крымскотатарского народа и итальянского этнического меньшинства, проживающего на этой территории. История, состоящая из депортаций, замалчивания международным сообществом, история голода, уничтожения семей.

Надежда исходит от новых поколений — поколений, через невзгоды пронёсших Крым в своих сердцах и борющихся за мирное возвращение на родину. Я встретился непосредственно с главными героями этих стра-

*Посещение Алушты.
Музей имени С. Н. Сергеева-Ценского*

Южный берег Крыма

ниц истории, говорил с ними, плакал вместе с ними, стал свидетелем их молитв у отнятых в своё время домов их предков. И я надеюсь, как и они, что завтрашний день несёт мирное сосуществование — мир настоящий: мир, который возможен именно благодаря литературе.

Активное, отнюдь не навязчивое участие в Фестивале татарской общины г. Саки и его представителя Эскендера Билялова, советника Президента России Владимира Путина по делам этнических меньшинств, тоже вселяет надежду на это. Я встретил очевидца интересующих меня событий, человека, который постоянно говорил мне о мире, согласии, взаимопонимании. Он ни разу не использовал негативные, отрицательные выражения в отношении тех, кто пытался уничтожить душу его народа. В трудные времена он простирает свои руки, чтобы крепче обнять тех, кем сегодня гордится: свою семью и своих соратников — именно их он представил нам.

Благодаря рассказам, услышанным из первых уст, мы узнали, а теперь переведём на итальянский язык воспоминания женщины, лично пережившей историю депортации крымских татар в Узбекистан. Нами будут изданы её мемуары, чтобы и в нашей стране узнали о пережитых целым народом событиях, скрывавшихся так долго. Чрезмерно долго.

Побывав в Крыму, я увидел, я понял, что народ Крыма по собственной воле ушёл из Украины в Россию и, думаю, не жалеет об этом.

Мы должны уважать и любить друг друга! Именно к этому призывает нас литература и писатели, собирающиеся раз в году в Крыму в курортном городе Саки на фестивале "Интеллигентный сезон". Я это увидел.

Я счастлив от встречи с Крымом. Пусть весь мир полюбит Крым так, как полюбил его я.

В Ялте. С друзьями из Дагестана Мариной Ахмедовой и Сувайнат Кюребековой.

В центре — Роберта Пантолена (Италия)

*Перевод с итальянского
Ольги Равченко (г. Гомель, Беларусь)*

Светлана МИШАКОВА (г. Нижний Новгород, Россия) — прозаик, публицист, журналист, участник V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ

В листьях разрушается хлорофилл, и они, опускаясь листопадом под ноги, шуршат невыносимой мелодией тоски. Грущу по ИНТЕЛЛИГЕНТНОМУ СЕЗОНУ.

В Крыму оказалась впервые, и до этого Саки для меня значили всего лишь четыре буквы. Вернувшись на Волгу, понимаю, Саки — мир счастливых эмоций!

"Нет литературной среды, — с сожалением уточнил на творческой встрече с участниками фестиваля главный редактор "Литературной газеты" Максим Замшев. — Ну, заметили молодого писателя, а дальше что? Какая среда, если не благополучно?.. Литература — ненужная вещь, которую не выкинешь". Согласитесь, Международный литературно-музыкальный фестиваль "Интеллигентный сезон" подпитывает литературный интерес: можно поделиться творчеством, услышать друг друга.

"Из поэзии в жизнь не вернётся никто"

В августе в чудесной локации Саки на берегу моря всё казалось легко и просто. Если "большое видится на расстоянии", горжусь и радуюсь, сколько влиятельных авторов оказалось рядом.

Простите за откровенность! Я влюбилась во Владимира Шемшученко, Валерия Басырова, Камиля Зиганшина — они просто поразили меня талантом общения (вообще, трудно подобрать слова для полного определения).

Есть в "ИС" нечто особенное. Разноязыкая дружная команда авторов-любителей и профессионалов (члены Союзов писателей) в пятый раз собралась на сакской земле вместе с представительными гостями и членами жюри из Москвы, Дагестана, Италии, Франции, Чехии. Нет сомнения, каждый с пиететом относится к Валерию Басырову и Ольге Прилуцкой, которые входят в оргкомитет фестиваля, готовят его "от" и "до".

В Положении о конкурсе сказано: "К участию приглашаются драматурги, поэты

и прозаики, пишущие на русском, украинском и крымскотатарском языках". Вот тут-то я и узнала впервые о трёх государственных языках Республики Крым, в результате, убедилась в силе народной дипломатии.

Тайминг выступлений в чём-то уравнивает шансы участников, помогая выделить-ся визуально, поработать голосом; театральные паузы добавляют эффекта. Нечто особенное и в том, что нет "распущенности текста", есть "тексты, пронизанные мечтой", юмором, иронией, состраданием.

С нетерпением ждала каждого дня, чтобы "наслушаться" выступлений в разных номинациях, ощутить ритм переживаний: "я настроил с утра поэтический лад", "листая недосказанность ночей", "был зацелован морской берег молочно-кипель-ной волной", "паук висит как на картине", "все по жизни играют в пятнашки, под-давки и "дурака"" , "деньги обтекают с двух сторон", "машины шинами шуршали", "все мы в этом мире инвалиды, инвалиды армии любви".

Авторы-барды проникновенно звучали и без аккомпанемента, и "под В. Шемш-ченко" с его гитарой — в такие моменты теряешь силу воли, превращаясь в востор-женного ребёнка.

Благодаря "ИС" сумела побывать в музеях С. Н. Сергеева-Ценского в Алуште и А. П. Чехова в Ялте, познакомиться с достопримечательностями ЮБК и Сак. Эмо-ции ещё кипят...

В Алуштинском литературно-мемориальном музее С. Н. Сергеева-Ценского чувствовала себя невероятно легко. Возможно, счастья добавил микроклимат с особыми фитонцидами.

Скорее, литера-турная аура писате-ля, отказавшегося от дачи в Переделкино и прожившего здесь около 50 лет до сво-ей смерти. В его бо-лее чем столетнем доме атмосферно. Наверное, поэтому запомнилась обста-новка: личная биб-лиотека писателя с раритетными книга-ми и журналами XVIII–XX вв., портреты, уникальная старин-ная мебель ручной работы, а также мебельный гарнитур, подаренный Союзом писателей СССР к 80-летию, из личных вещей — чернильный прибор — макет Херсонесского маяка с дарственной надписью от моряков Черноморского флота.

Деталь: солдаты ВОВ писали письма Сергею Николаевичу в знак признательно-сти за роман-эпопею "Севастопольская страда" (о первой обороне Севастополя в 1854–55 гг.). Я же неожиданно зацепилась взглядом за три книги: "Гоголь уходит в ночь", "Мишель Лермонтов", "Невеста Пушкина" (кажется, их не читала; теперь зимними вечерами вернусь в прошлое).

Событием стала церемония награждения в мемориальном парке музея лауре-

атов первого Литературного конкурса имени С. Н. Сергеева-Ценского. Как это вдохновляет!

Ялтинский морской бриз освежил нас, когда мы добрались до Белой дачи. Тронула экспозиция "Жизнь и творчество А. П. Чехова", будто окунулась в то время, будто почувствовала взгляд непостижимого Антона Павловича сквозь пенсне. Невозможно оторваться от фарфоровых статуэток его героинь, в них есть печаль и усталость. И сердце пронизывает боль, потому как сегодняшний директорский театр утерял силу драматизма пьес Чехова, упорно добавляя в постановки "шутки от Мишутки".

Музей отмечает 120-летие чеховского новоселья, для погружения в жизнь его хозяина нужен целый день, как минимум. Теперь можно помечтать о следующей встрече с Чеховым на Белой даче.

Возвращались мы из ялтинской поездки с песнями, распевая на весь автобус, как ни странно, советский репертуар. Осталась в сердце благодарность к Сувайнат Кюребековой (Республика Дагестан) — она, трогательно дирижируя, "организовала" наше хоровое пение.

Греко-скифское городище Кара-Тобе

Бирюзовая волна лениво распласталась по берегу, кружевной пеной украшая мои ноги. Для нас, приезжих, одна радость — купаться, наслаждаясь цветотерапией. От созерцания морских волн на грани оптического обмана отвлекают местные ребята: "Ты возьми сосиску в тесте — подари своей невесте". В намытых морем камушках застряли мальки с огромными глазами, их прозрачное тельце практически неуловимо... Совсем не хотелось уходить с пляжа 17 августа, хотя была намечена поездка на Кара-... — дальше не могла вспомнить. В первый день по пути к базе

отдыха "Прибой", где находится наш отель "Ле-Ди", я заметила новодел — башню с зубчатой короной, но тогда даже не ёкнуло, что это...

Огромное спасибо за поездку на Кара-Тобе — это мое искреннее признание.

Связь "с великими цивилизациями античности и средневековья" подпитывает моё скромное существование. Вовсе не подозревала, что нахожусь на территории древних ворот Северо-Западного Крыма. Признаюсь, встреча с директором музея Владимиром Агарковым навсегда сохранит любовь к сакральному месту на семи дорогах с двумя озёрами.

На экскурсию к Владимиру Ивановичу мы попали практически в день археологии, у открытой панорамы раскопа стояли палатки, и здесь, на единственном на постсоветском пространстве объекте "с музеефикацией по науке", кипела жизнь.

Говоря о В. И. Агаркове, хочется использовать возвышенные понятия — к примеру, патриот родной земли, восстановивший древнейший военный объект, глубоко знающий историю крымского полуострова и готовый утверждать: найденные в пределах греко-скифского городища Кара-Тобе и подтверждённые учёными разных стран фрагменты двух надписей, дают право называть курорт Саки старейшим в Крыму!

В результате я задержалась в Крыму после фестиваля, решившись добраться до "древнего города Херсонес Таврический — самого величественного археологического памятника юга России".

"А я расправил пару крыл и — в Крым, и — в Крым!"

На память об "ИС" остался Альманах, изданный по итогам IV Международного литературного фестиваля "Интеллигентный сезон-2018", книга с качественной полиграфией и красочными фотографиями. Солидный объём Альманаха — это объём силы притяжения творческой интеллигенции.

В памяти также осталось пожелание от члена жюри Лолы Звонарёвой каждому пишущему "быть многожанровым". В рамках "ИС" состоялись мастер-классы в каждой номинации; и, говоря о прозе, удивительная Лола Уткировна коротко и ясно обосновала, насколько важно пробовать себя в разных жанрах.

Жаль, не пишу стихи, иначе бы высказала в поэзии благодарность каждому члену жюри за доброжелательность, доступность для творческого общения (самота я "не вписалась" в тайминг и осталась незамеченной, однако рада за остальных, "вписавшихся" участников).

"Переводчик в прозе — это раб, в поэзии — соперник"

Поэтический перевод — также знаковая номинация для "ИС". По мне, переводчик — человек-загадка: он должен быть одарённым, любить литературу, а также знать язык автора, (подстрочный перевод — другая тема), влезть в чужую шкуру, а может, мучиться над чужим несовершенством.

Встреча с французским переводчиком Тьерри Мариньяк, которого в 2018 году мельком видела на нижегородском фестивале, стала неожиданностью. А каждое подобное мероприятие делает своё дело, читатель начинает отслеживать работы гостей-писателей. Меня угораздило написать отзыв на книгу Тьерри "Морфин Моноджет и блудные сыновья". "ИС" познакомил нас с французским писателем ближе, мне удалось узнать его мнение о моём отзыве, задать ему пару вопросов.

Я. Тьерри, говорят, переводить поэзию — сложно. Есть поговорка: "Переводчик в прозе — это раб, в поэзии — соперник".

Т. М. Я не соперничаю. Если считаю — талантливый, легко признаю и помогаю. Переводить — одолжить свой голос, если текст не очень, и надо приукрасить, делаю, конечно.

Французские переводчики, например, приукрашивают Достоевского, у него волшебное воображение, но стиль никакой.

Я. Наверное, чтобы заработать, не всегда приходится думать о предпочтениях, надо угадать читательский интерес. Как тебе это удаётся?

Т. М. Интуиция помогает. На самом деле давно есть порок — интересны другие авторы, стили. Своего рода, это охота: ищу материалы, предлагаю издателям, чтобы заполучить контракт. Нахожу авторов в книжных магазинах, или обложка книги привлекла моё внимание. Выбираю произведение, когда поражён и не знаю, по какой причине. С первого взгляда. Обычно мне надо прочитать 40 страниц, чтобы услышать, поймать голос автора, чтобы его передать в переводе. Надо найти подобный голос в другом языке.

Я. Всю жизнь быть переводчиком — по мне, не очень весёлая жизнь. Откуда вдохновение?

Т. М. Школа журналистики научила ещё в молодости. Вдохновение не нужно — если ждёшь, то статью не напишешь. Хорошо знаю английский язык, переводить начал с английского.

Мужик должен или работать, или воевать. Я мастер. Я работаю как вол. Выбора нет — нужны деньги. Я автор-переводчик, у меня есть внутренний цензор. Сам прекрасно знал с молодости разные стили, и могу адаптироваться на другой стиль.

Я. Ты — автор 12 книг, и много-много лет занимаешься переводом, в том числе технической литературы. Тебя переводу не учили?

Т. М. Перевод стал основной работой после запрета моего первого романа "Фашист" — "Fasciste" (1988). Сейчас он бестселлер: переиздавался в 1989 и 2016 гг. "Фашист" — мой ребёнок. Лимонов, например, от меня такого не ожидал, обалдел, когда его читал.

Я. Да, в своих интервью ты уже рассказывал, как натерпелся из-за этого романа, спровоцировав негатив его названием. Как выживал?

Т. М. До этого, 40 лет назад, я (без образования) устроился в ежедневную газету, и как журналист был постоянно в центре событий. Новости сыграли свою роль, я стал писать. Поэтому не пишу роман, не связанный с современной историей. Я всё равно был бы писателем, это призвание с детства — желание рассказать историю, быть рассказчиком. После "Фашиста" появился учитель — писатель Herve Prudon. Herve — высокий профессионал: написал книг двадцать — одни хорошие, одни плохие, в конце жизни писал стихи. Как человек очень трогательный. Он был мастер элегантного разочарования и постоянно шутил, его книги наполнены каламбурами. Но всё-таки с тоской... Он и Лимонов пустили меня в свою среду, научили божественному образу жизни, научили, как выживать, как вести переговоры с издателями и получить аванс. Учителя — мои отцы.

Я. Тьерри, твои жанровые предпочтения?

Т. М. Нравится классический роман о современной жизни. Не люблю книги про детство, не пишу детективы. Роман "Морфин Моноджет и блудные сыновья" читатели ждали долго, в нём частично представил личную жизнь, старался написать без пафоса, с иронией, юмором. Заметил, его лучше принимают. Потом решил рассказать историю любви в 80-е годы, когда появилось антисоветское движение. Последние десять лет СССР отражаются на жизни главных героев.

Я. Новый роман?

Т. М. Да, "L'icone" ("Икона") — может быть, моё самое литературное произведение. Отражение событий в воспоминаниях: две параллельные истории, происходящие в разных странах. В нём размышление, как мир изменился после распада СССР, и ещё — страсти юности.

P. S.

Мои поздравления — в сентябре вышла в свет очередная книга Тьерри Мари-ньяка. А 5 сентября 2019 года в книжном магазине "ГЛОБ" (Париж) состоялась автограф-сессия по случаю выхода в издательстве Les Arones его романа "L'icone" ("Икона").

И эти события тоже невольно тоненькой нитью связывают нас с "Интеллигентным сезоном" в Крыму!

Тьерри МАРИНЬЯК (г. Париж, Франция) — известный французский писатель и журналист, переводчик современной американской и русской литературы. Его романы *Fuyards* (2003) и *A QUAI* (2006) получили широкую известность. Сейчас чаще

живёт и работает в Бельгии, в Брюсселе. Член жюри конкурса Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" (2018, 2019).

О КУЛЬТУРЕ И АНТИКУЛЬТУРЕ

Moi qui sait des lais pour les reines
La complainte de mes annoes
Des hymnes d'esclaves aux murones,
La romance du Mal-Aim?
Et des chansons pour les sir?nes.

Ещё до эпохи МТВ поэзия в нашем полудохлом краю ("Старой Европе") давно была мертва, какое бы бульканье она ни издавала, когда её лягали — время от времени некоторые "поэты" рвались вкусить плодов безвкусной, разбавленной славы. Но наш полёт фантазии, как правило, отклоняется в сторону антикультуры — ведь в глубине души мы верим, что антикультура была необходима, потому что культура (и поэзия) стали чем-то вроде послеобеденного развлечения для закормленных зануд, которым больше нечего продать. Заметьте, антикультура не имела ничего общего с контр-культурой. Первая уподоблялась агрессивной, злобной машине, изрыгающей пламень и ужас, потому что из жизни исчезла любовь. Вторая же была слабой попыткой оживить некую абстрактную составляющую западного мира, которую давно следовало бы похоронить — после двух мировых войн прошлого столетия, да ещё многочисленных кровавых боен помельче. Мы обучались у ДАДА* (Тристан Тцара, Кабаре Вольтер — Цюрих, 1916) — именно в тот момент истории (и, парадоксально, истории искусств), когда всё прекрасное, созданное в этом мире человеком, роковым образом уравнивалось самой чудовищной жестокостью. Поэзию необходимо было уничтожить, быстро и безжалостно.

*ДАДА — здесь дадаизм, авангардистское течение в литературе и прочих видах искусств, зародившееся во время Первой мировой войны в Швейцарии (*ред.*).

Вот такая ситуация сложилась в "Старой Европе", где потребность в атеизме (термин, введенный британским поэтом 19-го века Шелли) должна была восторжествовать над обветшалыми древними заветами, которые провалились так позорно, так безнадежно, так бесповоротно. Иначе говоря, во Франции, Германии, Италии (Жак Ваше, Хьюго Болл, Маринетти) мы поэзию попросту топили, по возможности ещё и обув её в "каменные сапоги", столь любимые старой доброй Корпорацией Убийств во времена Франка Костелло, Мейера Лански и ещё нескольких художников автоматического оружия, чей главный талант состоял в болезненной тяге к перекраиванию человеческого тела.

За океаном, а также и за печально известным "железным занавесом", разделявшим Европу и павшим вместе с рухнувшей Берлинской стеной в конце XX века, "дерьмо" — старое армейское слово, обозначающее "обстоятельства" — было другим. Там История, тяжело контуженная снарядами, продолжала, тем не менее, лепетать древние гимны. Там враждебные и противоречащие друг другу антикультурные силы потребительства и коммунизма держали целые нации полузадушенными в железных тисках. Уничтожить любое эстетическое отвлечение от насущной задачи — будь то поработить или продать, — таков был лозунг дня. Там поэзия всё ещё оставалась способом побега, и культура сохраняла надежду выжить.

Иными словами, как для американцев, так и для русских, — хотя по-разному, — внутренняя жизнь не стала ещё устаревшим понятием, чувства ещё что-то значили, и человеческие переживания ещё удавалось отразить в словах. Оставалась возможность подумать об искусстве, о прекрасном, о высочайшем очищении абстрактного, или даже о Боге — и поэзия выжила. Там.

А потом американцы разобрались с этим "дерьмом" по-научному — проще соблазнить, чем завоевать. Они состряпали поп-культуру, которая со временем показала себя самым мощным оружием холодной войны, испепеляя целые армии Красных — не мог соцреализм с ней тягаться!

Как иногда продолжали поговаривать обитатели "Старой Европы", "дерьмо" ещё оставалось на полях сражений. Но с трауром было покончено. Их Бог был отправлен на покой. Навечно.

Что же касается Запада, взаимное непонимание противоречащих друг другу перцепций — Старой Европы и Америки — едва ли могло стать ещё глубже.

И всё-таки печаль необратимой потери иногда хватала за сердце безбожных обитателей "Старой Европы": очарование Старого Мира старалось удерживать позиции, столкнувшись с кошмаром Старого Мира на месте преступления — пропитанных кровью полях, где дважды столько пушечного мяса было изувечено с такой силой. Впрочем, хватило этого ненадолго. Аполлинера застрелили, Мону Лизу изнасиловали бандюги, слинявшие в Бразилию.

Так что, как бы там ни было, царила ДАДА.

Правда, Мэн Рэй, живший в изгнании в Нью-Йорке во время второй мировой войны, писал где-то, что ДАДА не может преуспеть в Нью-Йорке, потому что она — в каждом биении его сердца. Потому что каждое воскресное утро Нью-Йорк с похмелья вылёвывает ДАДА. Потому что Нью-Йорк — это и есть ДАДА.

Да даже и Третий Рейх — хоть это и звучит безвкусно — был очень даже ДАДА — культура оружейной пальбы — в том смысле, что там ДАДА, дойдя до точки, очутилась в тупике, из которого не было выхода — и даже Великим Древним Отрицанием невозможно было объяснить тот Неведомый Новый Мир, в который мы забрели: обратный флешбэк, полное разрушение.

Иногда это называли Современным искусством, Концептуальной поэзией, Куль-

турой третьего тысячелетия, да как угодно. В то время как на самом-то деле всё, что осталось для нас, жителей "Старой Европы", это Ниагара плевков.

Между тем, никогда не было столько разбитых сердец, и для живущих там, где ДАДА не смогла убить язык — а именно, русских, американцев, испанцев, — лирические строфы поэзии были ещё недобиты, — видно, нужен был тесак поострее! — определённо, всё ещё оставалось время писать стихи.

В наши дни история — не что иное, как вечное столкновение парадоксов, и как ДАДА произвела на свет антикультуру (и антипоэзию), размазав древний язык искусства по полотну тяжёлого металла звучания Первой Мировой Войны, смешав это с культурой африканских негров, молодых дикарей американской ничейной земли, затерянной в "пленных-не-братья" ландшафте гетто, так, 60 лет спустя, она разгрызает каждую известную музыкальную фразу, выплёвывая взамен отчуждение и неприятие — создавая запредельный дадаистский язык рэп-музыки, сопровождающей бесконечные нарковойны. Возрождённая антипоэзия — злобная, бурная, непристойная, запредельно ранящая — вечно пари, жалящая сталь, оглушительно звеня — раскалённые пули, ритмично разящие до костей — и совершенно негритянская.

Для нас, в "Старой Европе", нет, однако, пути назад. Мосты давно сожжены. Всё, что нам осталось — это выхолощенное, пронзительное, несбыточное желание: да будет наше безмолвие более оглушительно, чем их рёв.

Кораблекрушение интеллекта — вышвырнутая за борт поэзия — песня для русалок.

*Перевод с английского Елены Ариан
(г. Нью-Джерси)*

Лола ЗВОНАРЁВА — (г. Москва, Россия) — писатель, искусствовед, кандидат филологических наук, доктор исторических наук, секретарь Союза писателей Москвы, член правления Союза художников Подмосковья, академик Российской академии естественных наук и Петровской академии наук и искусств, профессор Института мировых цивилизаций, главный редактор альманаха "Литературные знакомства". Председатель жюри V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон".

МНОГОЦВЕТНОЕ СЛОВО УШЕДШИХ ПОЭТЕСС

19 лет прошло с тех пор, как в 2000 году была выпущена небольшая антология "101 поэтесса Серебряного века". 14 лет — с того времени, как в Екатеринбурге вышла книга "Елизавета Гадмер плюс сто одна поэтесса Урала конца XIX — начала XX веков". Московское издательство "Престиж Бук" в этом году решилось на беспрецедентный шаг — выпуск трёхтомной антологии "1001 поэтесса Серебряного века" в серии "Золотой Серебряный век". Составил её, подготовил тексты, написал вступительную статью Виктор Кудрявцев.

В основу расположения поэтических подборок, а порой — одного дошедшего до наших дней стихотворения или даже фрагмента — хронологический принцип. С фотографий, часто публикуемых впервые, на нас внимательно смотрят нередко совсем юные лица.

Тексты поэтесс составитель находил не только в архивах, но и на страницах авторских сборников, выходивших крошечным тиражом, в журналах и альманахах, ставших сегодня библиографической редкостью. По ссылкам на эти источники можно сегодня изучать состояние русской прессы начала XX века на огромном пространстве Российской империи, включавшей тогда в себя Харьков, где в 1915 году был издан "Сборник в пользу раненых воинов"; Ригу, где в 1930 году вышла книга стихов Е. Донской (Елизаветы Ламберт-Кутейниковой) "От мира — к Богу", Варшаву ("Антология русской поэзии в Польше", Варшава, 1937) и Тифлис, где в 1919 году издали сборник Нины Васильевой "Золотые ресницы", и Одессу, одно из издательств которой опубликовало в 1914 году книгу первую сборника "Солнечный путь", и Кишинев, где в 1914 году вышла книга поэтессы Нины Мало "Грёзы и чувства", и Баку, в котором в 1920 году опубликовали сборник Татьяны Вечорки (1892–1965) "Соблазн афиш". Кстати, этот образ будет обыгрывать почти через сто лет молодая московская поэтесса Татьяна Стамова, озаглавившая книгу детских стихов "Расклейщики афиш".

Антология женской поэзии интересна и учёным-эмигрантологам: довольно много в этих трёх томах отсылок к книгам и журналам, выходившим в то время в городах, ставших центрами русской эмиграции, — в Шанхае: как, например, книга В. Статеевой "Стихи" (Шанхай, 1936); в Берлине, где в 1922 году вышла книга Натальи Крандиевской-Толстой "От лукавого", в Праге, где издавался журнал "Воля России" или в Париже, где печатался журнал "Иллюстрированная Россия".

Серебряный век — время необычайного роста женской активности. Это ощущалось на всех этажах российского общества, в самых разных социальных слоях. Об этой растущей активности россиянок свидетельствует и выпуск в Москве в 1915 году "Женского сборника в пользу Ялтинского попечительства о приезжих больных и больных туберкулёзом из Действующей армии".

Уже по названиям поэтических сборников заметно: женское сознание в те годы пытается разрушить привычные шаблоны. Так, книга стихов Екатерины Вахрамеевой (1889–1955), изданная в Ярославле в 1915 году, называется "Цветы в клетке".

Что же отличает женскую лирику тех лет, судя по антологии? Почему для нас, сегодняшних читателей, столь ценно это трёхтомное издание? На мой взгляд, оно позволяет восстановить духовные связи, прерванные в эпоху социалистического реализма, атеизма, культивируемого равнодушия к дворянской культуре, мистике, поэтическим экспериментам в духе В. Хлебникова, православным и шире — христианским ценностям.

Нередко эта антология открывает нам совсем иное лицо под привычной, застывшей маской. Мало кто знает, что непоколебимая советская писательница Мариэтта Шагинян (1888–1982), остроумно прозванная "недремлющим оком рабочих и крестьян", начинала как поэтесса из круга Зинаиды Гиппиус, про которую написала восхищённо-влюблённую книгу, и в её ранних стихах ощутимо сильное влияние Гумилёва и культивируются ориенталистские, восточные мотивы. Её сборник стихов, изданный в Берлине в 1922 году, так и назывался — "Orientalia". Восточные мотивы необычайно популярны в те годы в кругу российских поэтесс. В антологии встречаем стихотворение "Восточная" у Нины Васильевой (1889–1972), цикл "В саду Аллаха" у Нимфы Бел-Конь-Любомирской (1889?–1945), стихотворение "Я снова бог и лев своих пустынь..." Людмилы Герасимовой, "Византия" у Арусак Шахназаровой (1890–1922), "Какемоно" (японская акварель) у Антонины Мухаревой (1891–1962), "Сухумские сонеты" у Евгении Турской (1897–1985), "Сопо китайский домику" у Нины Хабиас (1892–1943), "По китайскому календарю" у Александры Паркау (1889–1954).

Эта трёхтомная антология убедительно доказывает: опираясь душой и сердцем на поэзию, философски воспринимая окружающую жизнь, в самое тревожное и суровое время можно было прожить на удивление долго — многим авторам этих пространственных томов довелось перешагнуть не только 80-летний, но и 90-летний рубеж.

Но есть в этих книгах (каждая из которых по объёму более 600 страниц) и стихи поэтесс, покинувших этот мир в совсем юном возрасте. Застрелилась из подаренного любимым другом и учителем пистолета Надежда Львова (1891–1913), ставшая жертвой любовных и мефистофильских амбиций Валерия Яковлевича Брюсова, в чьём кабинете неслучайно висел портрет Фридриха Ницше, не забывавшего его жутковатый совет: "Подтолкни падающего". И мы ощущаем его напряжённое дыхание — взрослого и сильного человека, склонного к экспериментам и спектаклям в реальной жизни, стоящего за спиной двадцатилетней девушки, послушно выводящей трагические строки: "Мы празднуем мою близкую смерть, // Факелом вспыхнула на шляпе эгретка! // Вы улыбнётесь. О, случайный! Поверьте, // Я — только поэтка".

Творческие встречи из цикла "Они ушли. Они остались", организованные Бори-

сом Кутенковым и его коллегами, доказали, насколько внимательны были молодые российские поэты к теме смерти в начале XXI века. Но, читая эту антологию, видим: смерть и здесь — она из центральных героинь, что ощутимо даже на уровне заголовков стихотворений. Судите сами: "Могила мамы" (Любовь Белкина), "Её хоронили. Печально кивая ветвями..." (Ольга Кульнева), "В мрачных долинах Эреба, где бледная Смерть обитает..." (Любовь Горовиц), "Кто говорит, что смерть ужасна..." (Мария Краснова), "И умирать легко весной..." (Ада Чумаченко), "Когда в тоске самоубийства..." (Анна Ахматова), "Весь день, всю ночь, кружась и умирая..." (В. Базилевская), "Хотя бы нас сожгли, и пепел был развеян..." (Е. Полонская), "И время умерло в чистилище..." (Екатерина Галати), "Сад смерти" (Александра Случевская-Коростовец), "Над гробом вёсен..." (Вера Хлебникова), "Господь, сходящий в мрак могильный..." (Ольга Бич), "Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе..." (Марина Цветаева), "Смерть" (Надежда Остроменцкая), "Бледная маска в гробу..." (Вера Клюева), "Посмертное" (Екатерина Козакевич), "Живая и мёртвая" (Мальвина Марьянова), "Больно думать, что после моей смерти..." (Нина Манухина), "На столике череп безносый..." (Марианна Ямпольская). Самоубийце посвящает стихотворение "Белые крылья метели // имя его унесли...", написанное в 1920 году, казанская поэтесса Вера Клюева (1894–1964), утопленнице — Варвара Василенко-Сухорская. "Руны смерти" из скандинавских саг привлекают Ирину Землич.

"Я не верю в смерти и войны // И разрушенные мосты..." — писала София Прегель (1897-1972), не подозревая, что судьба приготовила ей жесточайшее испытание — остаться в Париже, оккупированном фашистами, где сама её национальность грозила неминуемой гибелью. Спустя годы с благодарностью вспоминала пожилая поэтесса, прятавшаяся от облав на парижском чердаке, как овдовевшая Зинаида Гиппиус, с трудом подымаясь по крутой лестнице, приносила бульон насмерть перепуганной писательнице, совсем недавно наивно верившей: "В этом мире без виноватых // Всем дожить до предела дано, // И не будет заложников взятых, // И не будут чужие солдаты // Пить у стойки чужое вино".

Правда, всё та же Зинаида Гиппиус предложила оригинальное объяснение ранней гибели многих отечественных литераторов: во время глобальных исторических катастроф (уровня 1917 и, добавим, 1991 года) между формациями образуется пропасть, в которую неизбежно проваливаются многие, можно предположить, самые хрупкие, впечатлительные, ранимые.

Что это? Рифма через поколение? Ведь ещё мудрейший Александр Иванович Герцен замечал: дедушки и бабушки понимают внуков лучше родителей, склонных к соперничеству и навязыванию детям ими же продуманного пути. А может быть, справедлив диагноз умнейшей Зинаиды Николаевны Гиппиус, считавшей главными темами настоящей поэзии — "тройную бездонность", любезную самому Богу: Человека, Любовь, Смерть, а важнейшим жанром — молитву. Кстати, стихи под названием "Молитва" мы тоже встречаем в этой антологии у таких разных поэтесс, как Татьяна Роцаковская (1881–1965), София Акимова, Анна Соколова, Лидия Лесная (1890–1972), Анна Лурье или Фейга Коган. Вера Завадская предложила свой вариант - "Молитвенная нежность...", а Елизавета Дьяконова (1874–1902) озаглавила стихотворение "Молитва бабушки".

Некоторые из стихов антологии обрели вторую жизнь на эстраде, утратив имя автора. В Европе и в Китае, даже в Советском Союзе с неизменным успехом выступал вернувшийся из многолетней эмиграции с разрешения Сталина Александр Вертинский, но мало кто знал, что знаменитую песню "Игуменья" написала... забытая сегодня поэтесса Нина Подгоричани (1897–1965).

Дмитрий Сергеевич Мережковский предложил разделить всех, пишущих стихи, на поэтов ночного и дневного зрения: первым ближе трагический Дионис, вторым — гармоничный Аполлон. Большая часть поэтесс, представленных в этой антологии, обладает, безусловно, ночным зрением. Что это? Предчувствие на уровне пророческой интуиции страшных бед и испытаний, которые ждут Россию в XX веке? Трагическая ночь словно нависла над всей страной, беспросветная тьма царствует в душах, и ей не видно конца: "Ночь. Серебристые струи..." Х. Гафт, "Сегодня ночь провёл тревожно..." Нины Гризи, "Белая ночь" В. Суворовой и Ольги Беляевской, "Ночной страх" Марии Пожаровой, "Ночные тени" Лидии Сохачевской, "Ночное" Евгении Гуревич, "Ночь. Оставлены вёсла..." Веры Романовой, "Этой ночью - страстной и зелёной..." Любви Матвеевской, "Ночные терцины" Ады Чумаченко, "Полнолуние" Мариэтты Шагинян, "Двадцать первое. Ночь. Понедельник..." Анны Ахматовой, "Лунный бред" Эри Ниарской, "В ночи, с собой наедине..." Екатерины Бакуниной, "Последняя ночь" Клары Арсеновой, "Догорает лампа с синим абажуром..." Валентины Солнцевой, "Как эта ночь полунагая..." Фейги Коган, "Не снись мне так часто, крохотка..." Марии Шкапской, "Вечера, погубленные кем-то..." и "Вскипают сумерки. На сердце полутень..." Агаты Гальпериной, "Воробьиная ночь" Елизаветы Новской, "Как жалко потемневшей ночи..." Натальи Михайловой, "Ночь" Любви Полонской, "Он потушил мою лампадку..." Марии Лёвберг, "Декабрьский день уходит рано..." Татьяны Поярковой, "Бывают тягостные ночи..." Наталии Нагорской, "Обрывки туч. Полоска алая..." Веры Ергольской, "С луны так сладостно и верно веет..." Ирины Одоевцевой, "В темноте алела папироса..." Наталии Минич, "Предраассветное" Мальвины Марьяновой, "Ночи печали и слёз даны..." Елены Кранцфельд, "Вечером" Екатерины Павловой, "Крещенский вечер" Веры Бек, "Ночь прозрачна за моим окном..." Наталии Суриной, "Над степью лунь и горький дух полыни..." Ксении Львовой.

Ну а кто из современных поэтов или классиков пользовался особым расположением этих поэтесс? Кого они особенно часто вспоминают в своих стихах, кому их посвящают или на кого ссылаются? "На мотив Сафо" в 1917 году пытается писать стихи уральская поэтесса Вера Лович. "Подражание Марциалу" — такой творческий путь избирает Ольга Мочалова (1898–1978). "К музе Тредьяковского" обращается владикавказская поэтесса Людмила Беридзе в 1926 году. Уже в оглавлении встречаем посвящения "Памяти Ф. М. Достоевского" О. Коншиной и "Гумилёву" — Елизаветы Полонской. "Н. С. Гумилёву на добрую память" посвящает своё стихотворение 1910 года "О чуде" Вера Шварсалон (1890–1920), к "Памяти Н. С. Гумилёва" в феврале 1923 года обращается Сусанна Укше (185–1945). Анна Присманова вызывает в стихотворении 1936 года к Владиславу Ходасевичу, а другое стихотворение начинается с названия его знаменитой поэтической книги: "Путём зерна, вначале еле внятным, // идёт к цветенью, разложенью плод". Из европейских авторитетов для поэтессы самым значительным остаётся Петрарка: "Ведь чистый воск благоговейно лить // Нам завещал божественный Петрарка", — напоминает она в "Сонете о сонетатах". Сонеты Петрарки вспоминает в стихотворении "Старая мелодия", опубликованном в 1916 году, и Е. Захарко. Эпиграф из прозы Марселя Пруста предпосылает стихам в 1928 году Вера Ильина (1894–1966).

Популярны обращения и к Данте в этом женском кругу: "И Данте просветлённые напевы..." (Надежда Львова), вспоминает Данте и Ахматова в стихотворении "Муза".

Ахматовой посвящают отдельный цикл — Марина Цветаева и по одному стихотворению — Мария Тамбовцева, Надежда Голубовская, Наталия Грушко и Вера

Звягинцева, сформулировавшая в стихах одну из причин ахматовской популярности: "Ты рассказала за меня // И за других, на нас похожих, // Как от палящего огня // Становятся мудрей и строже". Свой ответ Анне Ахматовой предлагает Вера Гейдройц (1976–1932), писавшая под псевдонимом Сергей Гедройц. К "Пушкину" обращается в стихах Вера Звягинцева, эпиграф из Пушкина предпосылает в 1919 году стихотворению "Град Петра" Елена Аносова.

К С. Есенину обращается Вера Клюева. "Ода к Максy" с подзаголовком "подражание Гомеру" посвящена Максимилиану Волошину Эдитой Кроненталь. К нему же обращается в 1925 году харьковская поэтесса Наталия Сырокомская (1892–1977) в стихотворении "Вы снова здесь, Вы снова с нами // Певец, пророк, Учитель, друг, // Вы снова вещими словами // Замкнули нас в волшебный круг". К "Блоку" и "Дон-Кихоту", а значит, к Сервантесу обращается Лариса Рейснер. О судьбе Александра Блока размышляет в стихах в год смерти поэта Валентина Щёголева (1878–1931). "У памятника Гоголя" останавливает читателя Надежда Павлович. "Памяти Хлебникова" посвящает стихи Нина Саконская, "Памяти августейшего поэта" — к покойному Константину Романову — взывает Анна Гущина-Самойлович. Ольга Жандр посвящает стихи его императорскому высочеству наследнику цесаревичу Алексею Николаевичу. Варвара Статьева обращается в стихах к Венедикту Марту.

Александра М. предпосылает своему стихотворению двустишие из шекспировского "Гамлета". "Дорогому В. И. Анненскому-Кривичу", сыну Иннокентия Анненского, посвящает стихи Александра Величkevич (1890–1951). К нему же обращается и Татiana Берхман (1894–1942) в стихотворении 1913 года "Старый сад смеётся мне любовью...". К выдающемуся русскому философу Серебряного века Василию Васильевичу Розанову обращает стихотворение, открывающееся словами "Я не хочу истины, я хочу покоя!", опубликованное в журнале "Современник" в 1914 году, Мария Моравская (1890–1947). Стихотворное "Подражание Бальмонту" в 1911 году публикует витебская поэтесса Е. Ошанина. Тому же Константину Дмитриевичу, необыкновенно популярному в те годы (открытки с его портретом распродавались в Российской империи тех лет гигантскими тиражами), посвящает стихи Тиана Дабаш. Бальмонтовское четверостишие ставит эпиграфом к стихотворению из книги "За высокой стеной", изданной в Москве в 1914 году, Анастасия Шафранова. К другому двустишию Константина Бальмонта обращается Зоя Львова, предпосылая его стихотворению "Небеса золоченою ризою..." из книги стихов "Облачная лестница". Строку Валерия Брюсова "Радостно крикну из праха: "Я — твой!" предпосылает стихотворению "Твой шлем покатылся, и меч твой разбит..." Надежда Львова. Поэта С. Боброва называет своим мастером Варвара Мони́на (1894–1943) в одноимённом стихотворении. Н. А. Адуеву посвящает стихотворение Марианна Ямпольская (1891–1968). "Кузминские строфы" называет своё стихотворение, опубликованное в Берлине в 1922 году в журнале "Сполохи", Эмилия Кальма. Но не только благоговейно размышляли в стихах о современниках-поэтах поэтессы Серебряного века. Остроумная Елизавета Тараховская (1891–1968) едко высмеивала известную в литературных кругах двуличность С. Я. Маршака: "Уезжая на вокзал / Он Чуковского лобзал, // А приехав на вокзал, // "Ну и сволочь!" — он сказал. // Вот такой рассеянный // С улицы Бассейной".

Ещё одно любопытное наблюдение — особая страсть поэтесс к зооморфным сравнениям. Опираясь на антологию, можно написать про зооморфный код в поэзии Серебряного века целую диссертацию. Особая роль в этом бестиарии принадлежит, безусловно, птицам. "Ко мне прилетает птичка..." — признаётся юная

Наталья Гончарова (1881–1962) в стихотворении, изданном уже после смерти знаменитой художницы в Париже в 1987 году. "Жаворонок, спой же нам с небес лазурных..." — призывает в 1913 году Елена Сырейщикова. Стилизацию по мотивам сказки Андерсена предлагает В. Пржибышевская в стихотворной балладе "Соловей", напечатанной в 1911 году. Так, в стихотворении "Чайка" 1911 года, опубликованном в журнале с характерным названием "Женское дело", встречаем страстное признание автора, стремящегося говорить от лица всех, без исключения, своих современниц: "Белою чайкой тревожной // Женская доля мятётся: // Ищет свободы и света, // К солнцу и счастью рвётся...". Совсем в другом видит смысл существования чайки (и женщины, безусловно, тоже) рано ушедшая в мир иной Алёнушка Мамина (1892–1914), опубликовавшая буквально через год в журнале "Пробуждение" 1912 года почти одноимённое стихотворение "Я — чайка", построенное как монолог чайки, летающей "над морем холодной, родной стороны" и тоскующей, ибо "никто не ответит на тихий мой крик. // Всё спит... забывая о радостном, нежном, // О том, как наш мир и красив, и велик". Совсем иных чаек встречаем в стихотворении Мальвины Марьяновой (1896–1972): они дремлют "по ту сторону волн", пока лирическая героиня стихотворения ведёт свою "беседу со Временем". Возможно, популярности образа романтической морской птицы способствовала одна из пьес А. П. Чехова под этим же названием — "Чайка", в центре которой трагедия мятущейся женской души.

Для Анны Присмановой (1892–1960) даже голуби ассоциируются со знаками препинания, ибо поэзия давно уже стала для неё смыслом жизни: "Тает в небе стая голубей: // вот уже от них остались точки. // Не могу я вспомнить, хоть убей, // день, когда ко мне явились строчки". Жизнь в иноязычной среде губительна для настоящего поэта — об этом печалится талантливая поэтесса Присманова, зашифровывая свои мысли в судьбе умирающей от жажды птицы: "Птицей слово наше бьётся. // Как дела его худы! // Из туземного колодца // не глотнуть ему воды".

Евгению Галицкую волнует другое пернатое существо: она в 1916 году пишет стихотворение "Лебеди", опубликованное в журнале "Женская жизнь" и проникнутое мечтой вырваться из маленького уютного тенистого пруда в большой свободный мир: "Они бессильны — не вспорхнуть // Туда, в лазоревые дали... // Зеркальный тихий слышит пруд // Крик лебединый, крик печали... // И сонные всё грезят волей".

Не только с мятущейся птицей, но и с труженицей-лошадью ощущают тайную связь наши поэтессы: "Ты всю жизнь протрудилась, лошадка, для нас..." — напоминает А. Итова. "Об одной лошадёнке чалой..." — размышляет в октябре 1927 года София Парнок, та самая, которой навеяна знаменитая "Повесть о Сонечке" Марины Цветаевой, явно сопоставляя её с собой и лирическими разборками с любимым человеком: "О том, как седеют за ночь // От смертельного одиночества, // И ещё — о великой жалости // К казнимому и палачу...". Лев, украшавший многие гербы знатных лиц, тоже нередко появляется в стихах наших поэтесс: "Я снова бог и лев своих пустынь..." — примеривает маску льва Людмила Герасимова, населяя своё стихотворение "загнанным оленем", "младыми ланями" и "стаей лвьят". О позеленевшем медном льве, о его "окованном насильем гневе" размышляет Анастасия Александрова в стихах 1922 года. В стихотворении Ирины Одоевцевой (1895–1990) 1923 года уживаются "большие рыбы", "столетние слоны", "пёстрые попугаи", "медведи" и "глупые моржи". Ещё более зловещий ореол получает привычный христианский символ рыбы в стихотворном отрывке Нины Саконской (1896–1951): "Рыбка у зыбки — таясь // Лакала из глаз ребёнка // Выпученные объёдки

дифтерита // Прямо из карусельного кружева // Ночью выпал бордюрный мальчик // В червячью, мягкую ямку".

Когда-то Сверчком в литературном обществе "Арзамас" друзья прозвали юного Пушкина, сегодня молодые литераторы выпускают журнал "Серебряные сверчки". Привлекал этот образ и поэтесс Серебряного века. "Немолчный треск сверчков. // И в тишине звенящей перед глазами вновь прошедшее встаёт..." — так начинается своё стихотворение, опубликованное в 1915 году в "Новом журнале для всех" Татьяна Кладо (1889–1972). Треск сверчков становится для автора символом родины, над которой нависла опасность Первой мировой войны. О "сверчковой тишине" тоскует поэтесса Варвара Мониная, мечтающая в 1925 году услышать его простую песнь и призывающая: "Он чище, слаще сердца, // О милый, милый мой // Сверчок! На полотенце // Луны — скользни и пой!". А впечатлительной Евгении Бершадской (1974–1948) ближе всего бабочка, ассоциировавшаяся в мировой культуре с человеческой душой: именно ей она посвящает одноимённое стихотворение, опубликованное в 1911 году.

Не менее популярен в современном литературном сообществе и образ бегемота — вспомним литературный клуб "Стихотворный бегемот" неутомимого московского культуртрегера и поэта Николая Милешкина. И ещё одного бегемота — постоянного героя стихов и песен популярного детского писателя среднего поколения Тима Собакина. "Влюблённый бегемот" — это стихотворение М. Георгиевской, построенное как монолог исполненного любовной страсти нильского бегемота, привыкшего "валяться в тине илистой, речной" и обращающегося к своей пассии с трогательным признанием: "Мне целой Африки тропической дорожке // Твоя извивная мясистая ступня. // Сжигает толщ моей упругой бурой кожи // Сирокко чувств и яркий смерч огня".

Бродячая собака — символ городского неуютя. Татьяна Ефименко начинает с этого образа свой цикл "Город": "От собак и нищих стало тесно...". Не называя лукавого искусствителя, Наталия Крандиевская напоминает в стихотворении 1921 года "Фаусту прикидывался пуделем...". Стадо коров для Анны Регатт (1895–1964) — символ ограниченности и приземлённости деревенского повседневного быта: "Стадо вернулось с рёвом и стоном. // Пылью покрытое липко-рыжей... // Нету в России, нету веселья, // Радости нету".

Знаком неприручаемого существа, всегда рвущегося на волю задолго до знаменитой песни Владимира Высоцкого "Охота на волков" становится под пером Анны Панкеевой (1884–1906) образ волчонка: "Волчонок в клетке, рот в крови, // Вгрызаясь в прутья, ищет волю".

Ещё одно важное качество отличает культуру Серебряного века — мощное взаимовлияние разных областей и видов искусства на литературу. Художники — Марк Шагал, Александр Бенуа, Константин Коровин, Юрий Анненков — пишут книги, стихи и прозу, писатели — Алексей Ремизов — увлекаются рисованием, каллиграфией, коллажами, участвуют в выставках. В трёхтомнике встречаем не только стихи художниц Наталии Гончаровой, Маргариты Сабашниковой, музы и жены Максимилиана Волошина, или Веры Хлебниковой, сестры великого поэта, но и постоянные посвящения художникам, композиторам, любимому театру. Вера Звягинцева (1894–1972) обращается к знаменитой картине рано умершего художника В. Борисова-Мусатова в стихотворении "Балкон осенью". Поэтесса Натис в 1918 году делает героем самостоятельного стихотворения "Сердце статуэтки". Эрмитаж и судьба художника в 1915 году становятся под пером воинственной Ларисы Рейснер (1895–1926) центральными темами поэтических миниатюр. По-

этесса не просто посвящает стихи музею и творцу, она делится с читателем своим личным восприятием европейской классики ("В упругой грации жеманного Кановы..."), а в обращении к художнику — приобщением к гению отечественного живописца с трагической судьбой: "А на стене всё также мёртвый Врубель // Ломает ужаса застывшую печать". Появляется Врубель, ранняя смерть которого потрясла художественные круги, и в стихотворении Наталии Крандиевской, убеждённой, что один из героев из потустороннего мира с картины самого художника "простирает над сумасшедшим Врубелем // Острый угол демоновых крыл".

В отличие от них, Нина Мореско предпочитает художников совсем другого направления и прямо обращается к передвижникам в одноимённом стихотворении 1918 года: "Так хочется, встав на колени у светлого храма искусства, // Без слов принести благодарность — вам, чутким жрецам вдохновенья". Тифлисская поэтесса А. Замтари (1895-1969) пытается в стихотворении 1919 года передать музыкальное обаяние мелодии Рахманинова. Сравнивает взбаламученный революцией российский мир с "кукольным театром" в стихотворении 1921 года Елена Данько (1897–1942). В театральном зале разворачивается лирический сюжет стихотворений одесской поэтессы Эмили Немовской (1897–1930), Марии Соминской и Маргариты Тумповской (1891–1942).

И ещё. Образ России устойчиво ассоциируется у многих поэтесс со снегом, метелью, льдом, суровой зимой. Неслучайно особую популярность в те годы приобрела афористичная строка Велимира Хлебникова "Русь! Ты вся поцелуй на морозе" из стихотворения 1921 года. Но питательная среда для этой ассоциации готовилась ещё до Хлебникова. "Застывшие глыбы холодного льда" воспевает в 1906 году Ксения Драверт, выступавшая под псевдонимом Тревард (1886–ок. 1952). "Выются снежинки, белые чистые..." в стихах Марии Юрс 1912 года. Стихотворение "Метель" пишет И. Архангельская в феврале 1914 году. Мария Гриндель публикует стихотворение "Снежинки" в студенческом сборнике Вышнего Волочка в 1919 году, поэтесса Шабловская-Кудрицкая в 1914 году публикует в журнале "Северный гусляр" стихотворение "Снежинки". Петербуржанка Любовь Бушканец — в том же году — лирическую миниатюру "Вьюга", Елена Грот (1891–1968) — стихотворение "Первые холодные снежинки", опубликованное в 1925 году в сборнике литературно-художественного кружка в Сан-Франциско. Для Лады Руставели (1892–1953) зима, метель ассоциируются в 1926 году с гибелью Сергея Есенина: "этой вечерней, метельной мгле // знать — не узнаю, понять — не пойму... // Память — нам, тело — земле, // тело — земле, а дух — кому?" Образ Родины проступает сквозь метель: "Пришла, — взметя порошею, // Метелями звеня, // Глазами умной лошади // взглянула на меня". С обновлением ассоциируется снег в лирическом воображении Наталии Грушко (1892–1974): "Снегом, радостным и чистым, // путь задёрнула метель...". "Пение метели" слышала ещё в 1919 году вокруг себя уральская поэтесса Л. Мурашова. А. Замтари тоже видит очистительную силу в безжалостной для кого-то вьюге: "Хлещет снег по искажённым лицам, // злобно тушит искры папирос..." — пишет она в стихотворении, опубликованном в Берлине в 1922 году.

Издательство "Престиж Бук" исполнило тайную мечту этих поэтесс: в XXI веке извлекло их из забвения, помогло протянуть дружественную руку пишущим и мечтающим сегодня россиянам и, особенно, россиянкам. Вспоминается рассказ парижского профессора-филолога Ренэ Герра, дружившего с Ириной Одоевцевой и бывшего посажённым отцом на её последнем бракосочетании. Он спросил пожилую писательницу, зачем она, переступив порог восьмидесятилетия, обречённая пожизненно на инвалидное кресло, всё же решила вернуться в Советский Союз,

подозревая: он совсем не похож на ту Российскую империю, в которой она выросла. Не думая ни минуты, бывшая "маленькая поэтесса с большим бантом" ответила французскому другу: "Очень хочется славки...". Миллионным тиражом вышедшие в СССР её воспоминания "На берегах Сены" и "На берегах Невы" вполне оправдали её ожидания.

Для нас эти прорвавшиеся сквозь неумолимое время женские поэтические голоса сегодня не менее ценны — мы узнаём в них себя, свои тайные мечты и надежды, то вечное женское начало, что делало мир гармоничнее и уютнее для всех вокруг. Недаром поэтесса Наталия Жемчужникова (1893–1982) с уверенностью всезнающей молодости утверждала ещё в далёком 1926 году: "Поэзия — закончившийся день // И начинающееся бессмертье".

Ирина СОЛОГУБ (г. Евпатория, Республика Крым, Россия) — поэт-билингвист (русский и украинский языки), драматург, член Конгресса литераторов Украины, автор двух сборников стихов, литературных альманахов, газет и журналов Крыма и Украины.

Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Литература на украинском языке" (1 место).

ЛІЛЕЯ

Дійові особи:

Птаха часу

Лілея — дочка Господаря Води, що колись пішла до людей за коханням, втратила вічну молодість, та стала бабцею свого роду

Господар Води — стрункий, владний, безсмертний. В короні, та тризубом в руках.

Господар Лісу — молодший брат. В світлій сорочці, на шиї гривня. Його тінь — тінь ведмедя.

Леля — берегиня життя і любові. Дочка Рода і Лади.

Чорний — втілення жаху, давно і безнадійно закоханий в Лілею.

Лісові мешканці — мавки, русалки, квіти, метелики, втілення вогню земного та небесного, тощо.

Лісові жахи — химери, примари, вовкулаки, павуки, "той що в скалі сидить", інші.

Люди-діти: Павлик, Катя, Василько. Закохані — хлопець та дівчина. Рідні дітей.

ДІЯ ПЕРША

Темніє. Біля хвіртки прощаються закохані. Їх чують діти, що ховаються в кущах бузку.

Хлопець. Не йди, молю, всього один цілунок. *(Цілує.)*

Дівчина. Досить. Мені вже час. *(Звільняється з обіймів)* До зустрічі.

Хлопець. Коли то буде? Як мені дожити.

Дівчина. Ми завтра не побачимось, бо буду про майбутнє долю я питати.

Хлопець. Нащо, нащо? Моєю будеш.

Дівчина. Я згодна. У батьків проси благословення.

Хлопець. Буду з рушниками. *(Розходяться)*

Діти вилазять з бузку.

Катя. Я теж піду. Вже пізно.

Павлик. Катю, почекай. Про що сестра казала, як це долю запитати.

Катя. Та ці казки обридли. Немов буває Ніч. коли вогні небес спроможні розповісти про все що буде в майбутньому.

Василько. Павлику, не слухай. У ніч таку бабуся всім забороняє підходити до вікон навіть.

Катя. І ти туди ж. Не хочу чути.

Павлик. Давайте перевіримо самі все. Домовились.

ДІЯ ДРУГА

Велика Ніч. Місяць уповні. Схили порослі лісом. Плеса водограю. Лісові мешканці з'являються зненацька. Троє нажаханих дітей спостерігають життя лісу. На великому камені сидить в глибокій зажурі Господар Води.

Господар Води. О, донечко, Лілея... Моя дитинко, де ти ? Де ти...

Господар Лісу схиляється перед ним, намагаючись його втішити.

Господар Лісу. Вже стільки літ сплило, а ти сумуєш... Брате, брате ну як тебе розрадити у горі?

Господар Води. Нема тих слів, які розвіють тугу і знімуть біль. О, донечко, Лілея.

Господар Лісу. Хіба не ти заборонив Лілеї з'являтися сюди? Заборонив навіки.

Господар Води. Що ті заборони. Вони на те, щоб їх переступати. *(Різка встає.)* Клянуся в тім, клянуся. що від сьогодні дочка де схоче там і буде.

Тричі ударяє тризубом. Світло мерехтить. Грім. Блискавка.

Господар Лісу. Брате, нам час. На нас чекають. Птаха Часу може прогнівитись.

Встають. Виходять.

ДІЯ ТРЕТЯ

Феєрично-фантастична ніч. Земля і небо поєднуються. Зорі сходять додолу, розквітають вогнями.

В небі на велетенській гойдалці Птаха Часу, її рухи загадкові, магічні.

До неї здіймають руки мешканці землі, що кружляють в прадавніх хорородах.

З печери, завішеної павутиною, вибігає дівчина-павук і випускає примар та химер, що темним жахом розповзаються повсюди. Необережні потрапляють до їхніх тенет і пропадають в печері.

А свято продовжується на землі, воді, небі. Квіти танцюють з зорями, метеликами Лісові красені зваблюють мавок, русалок, співають і танцюють. Разом з ними розважаються Господар Води та Господар Лісу.

Ніхто не звертає уваги на дітей, що намагаються описати коло запаленою палицею.

Раптом воно спалахує вогнем. По краю з являються дівчатка з вогниками в руках.

Василько. Що за дивина. Ви хто?

Дівчатка. Ми вогні небес.

Перша. Нас кликали.

Друга. Ми тут.

Третя. Що знати хочете?

Катя. Скажіть, що буде через п'ятнадцять літ?

В колі з'явилося маленьке, гарненьке дівчатко.

Катя. Ти хто?

Дівчатко. Матусю, рідненька. Тебе впізнала зразу. І його теж. (Обіймає розгублену Катю, показуючи на Павлика)

Катя. Так от що буде...

Порив вітру. Жакливе виття. В колі Чорний в супроводі вовкулак. Він хапає Катю і регоче.

Чорний. Нічого вже не буде. Я той, що долі нищить. Ви тепер мої. Гей вовкулаки, хапайте хлопців.

Дівча. О, Леле, Леле! Матінку мою рятуй.

Чорний загрозово нахилиється до дівчатка, але йому заступає шлях Леля з факелом життя.

Вовкулаки з виттям відступають, Чорний закривається рукою від вогню.

Леля. Що, звірієш зовсім? (Різко, презирливо) Якщо тебе не спинить плач малятка, то я спину!

Чорний. Зійди з дороги Леле. Вони мої, бо коло не замкнули. Я зміг зайти.

Леля. То й зможеш вийти!

Чорний. Я вимагаю суду. До суду справу.

Леля, не звертаючи на нього уваги, бере за руку дівча і з вогнями небес виводять з кола Катю, Василька, Павлика. Тим часом натовп лісових мешканців підходить до них. Господар Води стає на одне коліно перед Лелею.

Господар Води (Цілую руки Леле). Я вже й не мріяв стрітися з тобою...

Леля простягає руку для цілунку, усміхається, зникає з малям, небесними вогнями. Чорний знов хапає дітей і кричить.

Чорний. Вони мої. І хай ніхто не лізе до нас.

Господар Лісу. Нема нам діла до людей, ходімо звідси.

Господар Води. Ану мовчіть! Женіть з очей полуду. *(Вказує на Василька.)*

То не людина. Господар в господі. Хіба не бачите, моя Лілея в ньому.

Чорний випускає дітей. Хапається за серце, сповзаючи на землю.

Чорний. Що? Де? Де моя Лілея?

Голос за лаштунками. Агов, Васильку, де ти?

Василько. Бабцю. Бабцю, я тут.

До нього поспішає старенька з ціпком бабця. Вона завмирає, побачивши натовп онімільних лісових мешканців.

Господар Води. Моя Лілея бабця? Дочко, дочко!

Лілея. Таточку, рідненький. *(Падає в обійми.)*

Всі. Лілея, Лілея...

Господар Води. Лілеє, дочко. Дай надивитися на тебе.

Лілея обертається. Перед натовпом золотокоса красуня. Вона босоніж ступає до гурту. На землі лишилися капці, хустка, спідниця. Господар Води підводить Лілею до каменю, що перетворюється на трон, на якому вінок з серпанком. Лілея звично сідає на своє місце. Всі вітають царівну... До неї наближається Чорний, йому з острахом звільнюють дорогу.

Чорний. Моя навіки. Тепер Я не відступлюсь більш.

Лілея. Ні! Ніколи. Ні!

Чорний. І знову "ні". Яке жорстоке слово. Цей біль я не знесу. *(Скрикує голосно.)* Химери та примари, візьміть мене. Я ваш... Я прагну забуття...

Навколо нього закружляли темні тіні, простягнули йому чару з трунком, він п'є, зникають...

Господар Води. Ну як жила ти доню, поміж людей?

Лілея. Жила я добре тату, але ж я сумувала за вами...

Господар Води. Чому сама тепер ти? Хіба Василь не клявся поруч бути завжди?

Лілея. Ой, тату, він там, звідкіля не вертають. Туди дороги я не відшукала *(Невтішно плаче.)* На превеликий жаль. *(Плаче.)* Нема мені прощення...

Господар Води. Не плач дитинко, я давно простив. Сто літ тому. Вкажу тобі дорогу... А як же я? А він? *(Вказує на Василька.)* А Всі ми ? *(Вказує на натовп.)*

Лілея. Батечку, Васильку, всі рідні і знайомі прощайте. Мій коханий зачекався. Простіть.

Господар Води. Вогні Небес! Вкажіть дорогу дочці!

Він тричі вдарив тризубом. Грім. Блискавиця. Виник зоряний міст від землі до неба. Лілея біжить до нього. Вертає. Падає ниць перед батьком. Встає. Цілує Василька, кладе вінок. Знову біжить... Поєднується з коханим в небі.

Всі намагаються втішити Господаря Води і не звертають уваги на гарненьку мавочку, що сіла на трон. Василько вдягає їй вінок з серпанком.

Василько. Як звуть тебе?

Мавочка *(дуже голосно).* Лілея

Це чують всі. Господар Лісу вражено скрикує.

Господар Лісу. Та хто посмів назвати мою дочку Лілея?

Мавочка. Сама себе я так назвала тату.

Господар Лісу. Донечко! Не треба.

Господар Лісу, закривши лице долонями, стає на коліна, поруч Господар Води, лісові мешканці.

Всі з благанням звертаються до Птахи-Часу: "О, Птахо-Часу, змилуйся над нами!"

ДІЯ ЧЕТВЕРТА

Узлісся. Світає. Юрба людей. Хлопець тримає дівчину за руку. Схожа на Лілею жінка кричить: "Та ось вони! Нарешті!" Рідні обіймають дітей.

Катя. Я скучила за вами, до лісу не піду більш.

Дівчина. Та що тут відбулося? Ви долю стріли?

Павлик. Стріли і не стріли.

Мати Василька. Любий, ти не бачив бабцю?

Василько. Її ми не побачимо ніколи. Не плач, матусю.

Павлик. Ходімо вже додому.

Катя. Швидше вже ходімо.

Всі пішли, Василько вертається, озирається. З-за скелі виглядає мавочка.

Василько. Лілея!

Лілея всміхнулася і кинула лілею. Василько підняв квітку, помахав рукою і побіг наздоганяти рідних.

Вера КИРИЧЕНКО (г. Ялта, Республика Крым, Россия) — поэт. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Литература на украинском языке" (2 место).

На ярмарку

Ічня — районний центр Чернігівщини. Липневий ярмарок 1950 року був значною подією, яку чекало все населення району. На світанку з усіх сіл. І хуторів з'їжджалися люди — хто на возах, хто тягнув візочки з добром, хто йшов пішки з торбами за плечима.

Торговельний майдан був величезний. До нього збігались вісім вулиць та провулків, по яким йшли торговці та покупці. Торгували всім: овочами та фруктами, живністю та всілякими виробами. Покупці не квапились отоваритись, довго торгувались, щоб збити ціну.

О восьмій ранку сонце було вже високо, і спека давала про себе знати. В цей час і починався наш з братиком "бізнес". Він носив з Лободишиного колодязя цеберку з водою, яка була така холодна, що зводило зуби, а я носила солдатську кружку (кухоль) та торбинку для грошей. Кухоль води ми продавали по п'ять копійок, і від бажаючих вгамувати спрагу не було відбою. Ми мали змогу реалізувати свій "крам" тільки з боку нашої вулиці, бо з інших вулиць — торгували конкуренти, а це неписане правило виконувалось. Як тільки в торбинці набиралось копійок карбованців на два, ми зупиняли торгівлю і бігли до тітоньки Тосі за морозивом. Паперова склянка морозива вагою 100 гр. з плоскою паличкою-ложечкою коштувала 1 крб. Їсти це морозиво було найбільшою насолодою. Ми набирали на кінчик ложечки ароматних ласощів, щоб продовжити насолоду, намагаючись в той же час дивитись за ним, щоб воно не розтало, бо залишилася б солодка рідина з молочним присмаком. Потім бігли туди, де продавалася живність. Для нас це був своєрідний зоопарк. Тут ми мали змогу погладити кроликів, козенят, овечок та погратися з ними. В гамі людських голосів чулося іржання коней, мукання корів, верещання поросят, гоготання гусей, мекання кіз та спів півнів. Це була незабутня симфонія недільного ярмарку.

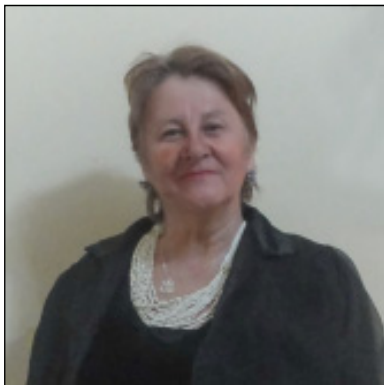
О другій годині дня майдан залишав останній торговець, і туди, як сарана,

набігала дівтора збирати "трофеї" — загублені на землі різні фрукти та овочі. Фрукти зразу з'їдали, а овочі приносили в пазусі до дому. Сіно та соломку збирали ті, у кого на подвір'ї була живність. Двірнику після нашої навали робити було нічого. Після цього майдан перетворювався в місце забав місцевої дівчоти.

В цей день ми гралися в хованку. Я побігла ховатися в густі високі лопухи за громадським туалетом. Вскочивши туди, я відчула, що провалююсь в якусь багнюку. Схопивши руками за стеблі лопуха, силилась вилізти, але не так просто — мене продовжувало засмоктувати в багнюку. Я від жаху стала волати і кликати на допомогу. Прибігли діти, але побачили лише мої руки, які судорожно тримали товсті стебла. Витягнувши мене на травичку, діти відсахнулись: я була по плечі покрита багнюкою, від мене йшов дуже смердючий запах, і діти, злякавшись, розбіглись. Піднявшись, оглянувши себе, мене охопив страх. Я оніміла. Довелося бігти до дому глухими провулками та городами. Собаки і ті мене обминали.

Вбігши з городу у двір, я побачила маму, котра на ганку чистила картоплю. Я вже не плакала, а тільки схилювала, та не могла вимовити ні словечка. Побачивши мене, у мамі з рук випали ніж і картопля, але зрозумівши все, наказала мені не рухатись. Спокійно зачерпнула з бочки дощової води, нагрітої за день, стала мене обливати цією водою. Під струменями теплої води проходив мій страх і відчай. Мама, обливаючи мене, промовляла: "Не кожному доля дала ось так викупатись, це хороша прикмета — ото ж, виростеш красивою, станеш багатою та щасливою". Знявши з мене одягу, посадила в ночви з рожевою від марганцю водою і заходилась обмивати мене сунічним милом. Вона ні про що не питала, а все промовляла, що я буду щаслива, багата та красива.

Пройшло півстоліття. Не можу нарікати на відсутність краси та щастя, але ж матеріального багатства не маю. Але дуже багата на любов та вірних друзів. Може, за таке багатство і говорила моя мама?

Татьяна ТУРБИНА (г. Арад, Израиль) — поэт, прозаик, художник. Член Союза Русскоязычных Писателей Израиля, Интернационального Союза и Международной Гильдии Писателей, ОО "Союз

писателей республики Крым". Автор шестнадцати книг, изданных в Израиле, Украине, России и Германии, публикаций в международных альманахах. Дипломант многих литературных конкурсов и фестивалей, в том числе международных. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Литература на украинском языке" (3 место).

ГАРМОНІЯ

Світ таємничий, а творець один —
Він всесвіт у гармонії створив.
Колапсом він не покарає, світ —
І рух планет, і ритм сердець живих.
Своєю мірою він нас переміряє —
Ми бачимо творіння, що страждає.
Пшениці у полях постановив рости,
Озера дав, с запасами води.
Цвітіння навесні в садах буяє,
Кохання його квіти зігріває,
Щоб цукор в осені був у плодах.
Пісні кохання нам щечече птах.
Дается своєчасно, все що треба,
Для кожного на життєву потребу:
Гармонією тепла, любові, світла —
Жаданою, легкою, та привітною.
Нам катастрофи скоротили дні,
Ми у любові, жити не гідні,
Рай загубили люди на землі,
Де залишають руйнівні сліди.
Панують хижакі, омани, війни,
Розтління у жорстокості повинно.
Гармонія — основа є для всього,
Вона єднає душу із Любов'ю!

СОВІСТЬ

Негідними подіями життя,
Не заплямують Божі люди честі,
Щоб зберігати святе — їх почуття,
Бо совість у душі завжди на місті,
В того, хто вірою живе, майбутнім,
У розумі живе кохання — чистота,
Лише у неї голос Бога чутний.
Ми маємо в собі зразок Творця.
Достойними Життя нам треба стати,
Щоб голос звіря змусить замовчати.
Говорить Совість: "Гнівиш донька бога.
Не можна так, ти схаменись, небого!"
До Правди спрага в нас. І нам дано,
Навколо себе створити тепло.
В юнацькі роки, в ті далекі дні,
Грішила я на радість сатані.

Побачила я у собі тварину,
Принесла каяття за ту провину,
Тепер у серці голос Бога чути,
І я ніколи не корюся смутку.

КОХАННЯ

Кохання дав творець синам землі,
Подарував нам досконале благо
Щоб співчуттями володіли ми!
Але гордині досить в нас, немало.
Така велика прорва пролягла —
Творець кохає як дбайлива мати,
А ми, незграбні, і бажаємо слова
Його любові задарма придбати.
Його кохання, істина свята,
Дарована на благо для творіння:
Моря, річки, сади, гори ліса...
Жорстоким нам даровано терпіння.
Достигнемо ми Вічного Життя
З бажанням захистити, відігріти,
Матуся лагідна кохає так дитя,
Погане, добре? Нема кращих в світі!

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ ЭДЕБИЯТ

213

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ ЭДЕБИЯТ

Рефат СЕИТ-АБЛАЕВ (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — поэт, прозаик, переводчик, драматург, сценарист, режиссёр, актёр и музыкант. Член ОО "Союз писателей Республики Крым". Победитель нескольких литературных конкурсов и фестивалей, в том числе международных. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Литература на крымскотатарском языке" (1 место).

Орман-къошлы

Уч корюнюшли пластик драмасы

Иштирак эткен шахслар: Орман-къошлы, чобан. Эда, Орман-къошлынынъ севгилиси. Замб, орман къабиленинъ рахибеси. Ул, дагъ къабиленинъ дайиси. Сеад, сонъ Эданынъ акъайы олды. Ад, чель къабиленинъ рахибеси. Ялиб, кийик копеклернинъ дайиси. Дагъ ве чель къабилелери. Кийик копеклер сюрюси.

Драманынъ арекети къадимий заманларда Орман-къош ве Темир-дагъ этеклернинъ тюбюнде олып кече.

Биринджи корюниш.

Къырым дагъларына аджайип бир баарь кельди. Батаяткъан кунешнинъ сонъки нурчыкълары, тумандан кечип, чобанларнынъ турагъына тёкюле. Узакъта Орман-къош дагъы юкселе.

Этрафкъа тылсымлы тынчлыкъ ве сюкюнет чёкти. Озь ишлернен огърашкъан къадынлар, ихтиярлар ве балаларнынъ силуэтлери корюне. Кимерси терилерни сеплей, яш къадынлар къолларында кичкене балаларны юкълата, биревлери урба-

КРЫМ 1. 2020

ларны тикип тюзете, къартлар мизракъларгъа сюнгулерни багълай, балалар бек-леген назарларны яйла тарафына ташлайлар...

Узакътан къойларнынъ кельгени эшитилгенинен туракъта адамларнынъ аркет-лери белли олды. Яш чобанларнынъ кычырмалары ве къойларнынъ келюви эп якъынлашмакъта. Туракънынъ бутюн халкъы — ортагъа тѣкюльди. Эм яшлар, эм къартлар ойнамагъа башлайлар. Севгили ве сайгылы Орман-къошлынынъ корю-месинен байрам даа шень, музыка исе даа къуванчлы янъгырмагъа башлай. Йыл-тырагъан къозылерден анылайышла — энди атештен де секирип ярышмагъа мум-кунь.

Улу бахт дагъларда укюм сюре. Чобан къабилеси аятына, баарыге, аманлыкъ-къа къувана. Рахибенинъ ишаретинен шеньлик яваш токътамагъа башлай. Раат-ланмагъа да керек; ярын кене агъыр эмек куню. Адамларнынъ чокъусы яттылар. Яш чобан аягына байлангъан тери кесегини чезеджек ола; бир ихтияр ташлы сюнгу-ни мизракъкъа бекитеджек ола. Артта яш ве кызнынъ силуэтлери корюне. Бир-бирлерини севген Орман-къошлы ве Эда ведалашып оламайлар.

Дагъ сюкюнетини узакътан кельген кийик афырма кесе. Огълан ихтияргъа бакъ-ып, дикъкъатыны орман тарафына джелъп эте. Амма бир шей эшитмеген къарт озъ ишини девам эте. Копек афырмасы энди якъынджа текрарланды. Бу сефер къартта эшитти. Экиси де дехшет иле орман тарафына бакъа. Энди якъын урыген копек увулдамагъа башлады.

Бутюн къабиле аякъ устюнде. Телюкели аркет башлана — эр кес кийик копек-лернинъ уджумынынъ беклей. Къартлар, къадынлар ве балачыклар ортадалар. Ташлы балта ве мизракъларнен сияхлангъан акъайлар тыш даиресини этип, къара ормангъа бакъа.

Бир къач копек къабилеге уджюм эте; къавгъа эткен ерде тиш ве панджалардан яралангъан адам къала. Даа йыртыджыларнынъ аркетлери нафиле — мындан гъанимет алып кетмегендже, инсанларны бу гедже сербест къалдырмайджакълар. Апансыздан байырнынъ тѣпесине копек сюрюсининъ даийси пейда ола. Адамлар-нынъ назарлары Лялибке ынтыла. Дешет ырылдавнен даий туракънынъ меркезине секире. Башлангъан къалабалыкъта итлер бир къач баланы къабиледен айырып, алып кетелер.

Баскъынджылар кетти. Адамларнынъ козылеринде теля шве дешет. Аналар озъ эвлядларыны кыдыра. Акъайлар тери шеритлеринен яраларны сармагъа башлай. Туракънынъ меркезинде Замб дженазе мерасимине азырлана. Мевтаны мизракълар устюне котерип, чобанлар меркезге кече. Инсанлар рахибе тарафына юзь-лернен тизилишип, тизлерине отра. Дженазе башлай — дагъ къабилеси юртдашы-ны Эбедийликке озгара.

Тек бир чобан матем тедбиринде иштирак этмей; бир ойгъа далып, четте тура. Орман-къошлы анасыны — рахибени — чагырып, къабиле ичюн пычакълар кетир-мек къарарны къабул эткенини анылата. Чѣльге тутыладжакъ ъл наслы хавфлы ве агъыр олгъанынынъ яхшы бильген къабиле ичюн даа бир телюкели дакъикълар башлай. Амма пычакъсыз, таш сияхынен йыртыджылардан инсанлар озюни къор-чалап оламазлар. Юртдашларнен сагълыкълашып, Орман-къошлы кете.

Экинджи корюниш.

Чѣль. Уфукъта Темир-дагъ корюне. Орман-къошлы байырчыкъта отура. Чобан-нынъ болдургъан корюниши баягы азаплар чеккенини косътере. Устюнде къалгъан тери кесеклери зорнен кевдесини япа. Янынъда ташлы мизрагъынен балтасы ята. Богъуджы кунешке бакъмадан огге кетмеге керек. Онынъ козь огюне мутхиш чѣль

джинлери пейда ола. Омюринде ис этмеген йымшакъ топракны кьоркьуп, кыбыр-дамайып отура.

Апансыздан чобан узакътан бир гюрюльти эшитти: устаханеде адамлар чёкючлернен чалыша эди. Демир такъырдысы кьуветлешип башлады. Орман-кьошлы янына якъынлашкъан ябанджыларны абайлады, амма оларнен о лаф эталмай эди — ёрулгъан башы чеккен азаплардан мына-мына патлайджакъ эди. Чобан тиз чёкип, оны оралагъан адамлардан этнелерни чезмесини ялвара эди. Узакъ ёлдан кьуветсизленген дагъджи эсини джоя.

Орман-кьошлынынъ кевдесини акъайлар юксекликке алып бардылар. Тюбюне кырымзы ташлар кетирип ве оларны сувнен суварып, озь дуаларыны йырлап ойнамагъа башладылар. Ташларгъа анылашылмагъан айранлыкъ ритуалы вахший ве дженкли оюннен бите. Чёль кьабиленинъ балабан давулларнынъ патырдысындан Орман-кьошлы озюне келе. Такъдирине бойны эгген чобаннынъ назары сакин ола.

Озь рахибелернинъ башлыгъында бутюн кьабиле ябанджынынъ келюв манасынынъ динълемеге топланды. Эр кеснинъ янында озь демир пычагы бар. Кьабилесине кийик копеклер уджум эткенини ве оларгъа кьаршы таш силясынен бир шей япып оламагъанларыны икяе этти. Кельген дагъджи чёль кьабиледен пычакълар бермесини риджа эте.

Сюкюнет баягы девамлы олды. Демир пычакълар насыл кучлю силя олгъанынынъ эр кес анылай. Сюкютни Ад кести. Сёзлери догъру олгъанынынъ Чобандан исбатламасыны истеди. Дагъ орманында яшагъан кьабиле пычакъларыны чёль кьабилеге кьаршы догъуртмазмы? Итибарсызлыкънен офкели чобан онынъ кьабилеси тинчликсевер олгъанынынъ анылатты. Ниетлери мерхаметли олгъанларынынъ исбатламакъ ичюн, Орман-кьошлы оджакъ янында тургъан рахибеге якъынлашты. О девирнинъ адетине коре ёлбашчы атештен кьызаргъан демирнен чобаннынъ козюни урып чыкъарды. Корьген манзарадан шашкъан адамлар дагъджынынъ янына келе. Джессюрликке багъышлангъан оюндардан сонъ эр кес, баш эгип, мусафирни селямлай. Къарамангъа багъышлангъан байрам башлана. Тедбир девамында эндалмы ве гузель Ад Орман-кьошлыны чёль кьабилесинде къалмасынынъ риджа эте.

Учюнджикорюниш.

Эрте саба. Чобанларнынъ турагы. Амма инсанлар ерине мында кийик копеклер. Меркезде, сёнген оджакънынъ еринде, Лялиб ята. Янъы догъгъан кунеш юкълэгъан йыртыджарлырны ярыкълата.

Дагъдан чобан къавалынынъ давушы янъгырады. Уянгъан баскъынджылар тааджилленип, бир-бирлерине бакъа — "Дагъ саиблерини" ким уятмагъа мусааде этти. Тезден гъанимет келеджегине кьуванып, даийнынъ ишарети иле копеклер сакълана.

Орман-кьошлы пейда ола. О айван укюмдары киби келе. Догъмуш турагында бирден душманларнынъ кьокъусыны ис эте. Озь пычагыны адам урбаларнынъ тюбюнде сакълай. Озюне эмин олгъан юзсиз копеклер чобанны бирден сарып ала. Лялиб тёпеликтен сейир эте. Инсангъа о къадар джессюрлик ве озюне тап о къадар эминлик къайдан кельгенинин айванлар даа анылап оламай. Даийнинъ ишарети иле йыртыджылар адам устюне атылмагъа башлайлар. Санки тантана аньни узатып, копеклер эсап корьмесини созып, бирер-бирер уджум эте. Чобан да копеклернинъ оюныны анылады. Янында кучлю силя олгъанындан нёше ве кьуванчнен толу олгъан чобан озь балта ве мизрагынен урып, копеклернинъ тиш ве панджаларындан кьолай-кьолай кьуртула. Озюнден чыккъан зальм баскъынджылар не япаджакъларыны бильмей. Къавгъа якъында битмейджегининъ анылап, Лялиб ортагъа чыкъа. Яралангъанларны четке чекип ве ортаны бошатып, копеклер арткъа чекиле.

Къавгъа ичюн меркез бош. Йыртыджыларнынъ назарлары бир-бирлерине муна-сип олгъан ракъиплерге догъурыла. Насыл теджрибелери йыртыджынен къавгъа этед-жегинин Орман-къошлы пек яхшы анылай. Дайи инсаннынъ дарбелерине пек къо-лай джеваб бере. Чобаннынъ къолларындан мизракъ ве балтасыны уруп тюшюрип, Лялиб этрафкъа бакъынды — санки эр кесни къавгъанынъ сонъки дарбесини корь-мек ичюн давет этти. Балабан секирювлернен инсангъа якъынлашып, йыртыджы озь атламасынынъ алдында азчыкъ эгильди. Къаршысына чыкъарылгъан пычакъны дайи энди учушында абайлады. Бир дарбеден ольген копек, адамнынъ аякъ астына йыкыла. Бу манзараны корьген баскъыджылар дехшет иле къачып кетелер.

Орман-къошлы оджакъны якъа. Атешининъ янында отурып, къавал чалмагъа баш-лай. Оджакъ ярыгынынъ корюп ве тувгъан эзгилерни эшитип, туракъкъа Дагъ къа-билеси топланмагъа башлай. Сыртынен отургъан Орман-къошлы кельген юртдаш-ларыны даа корьмей. Кельгенлер исе, топракъкъа саплангъан пычакъны корюп, бирден буз-бузлап, еринден къыбырдамагъа биле къоркъалар...

Орман-къошлы улу силыяны кетирип, баскъынджыларны къувды!

Чалувыны битирип, Орман-къошлы айланды. Гъурур ве сербест къабиле онынъ огюнде тиз чёке. Кельген чобан тааджиленип, адамларнынъ козылерини къыдыр-магъа башлай, — пычакъны о бунынъ ичюн кетирмеди. Юртдашларнынъ бар кучю-нен тургъыздыраджакъ ола. Къадын ве балаларны о оджакъкъа якъын чекип кетире. Акъайлар ерлеринден къыбырдамагъа къоркъалар. Орман-къошлы янларына кель-генинен, олар кольгесине басмайым деп, четке чекилелер.

Кене оджакъ яна. Чобанлар кене де озь туракъларында. Орман-къошлы ялынъыз четте отура. О къадар фелякетлер кетирген пычакъ онынъ алдында. О денъиз далгъаларнынъ шувултысынынъ эшите; Чёль къабилесини хатырлай; оны чагъыргъан яш рахибесини тасавур эте...

Къабиледен Эда айырылды, ве, Орман-къошлынынъ янына келип, тизлерини чёке. Озь назарынен бир яшны чагъыра. Сеад къызнынъ янына келип ве къолуны манъ-лайына къойып, башыны эге. Санки экисини никях къыйсынъ деп, Орман-къошлыгъа Эда ве Сеад къолларыны узата. Бирден олмаса да, о никях къыйды. Экиси къуванч иле оджакънынъ янына къайта. Тиз устюнде Ул якъынлаша; бойнунда асылып тур-гъан аюв тишлерини алып, кельген Чобангъа баш эгмесинен узата; амма Орман-къошлы къабиленинъ акимет темсили олгъан шейден ред эте. Замбнынъ ишарети иле акъайлар даиреге тура. Къарамангъа багъышлангъан байрам башлана. Оюн девамында Орман-къошлы оюнджылар сырасына къошулмагъа истеди, лякин о къалкъанынен, музыка бирден токътай, адамлар исе онынъ алдында тиз чёке. Бир къач кере ойле текрарлана.

Орман-къошлынынъ юреги бюзюльди, козылери исе къаранлыкълашты. Озюне кельген сонъ, о тура. Къабиле оны Адам дегиль де, Мевля деп сана экен! О мында энди бир вакъыт адий инсан киби бахтлы олмайджакъ; аиле башы олалмайджакъ. Анасынынъ янына кельгенинен, Замб та тиз чёкеджек ола; Орман-къошлы оны токътата. Къабиленинъ огюне пычакъны ерге саплап, озь балта ве мизрагыны алып, чыкъа. Бу къабиледен къараман эбедий кете.

Мухамед-Али СУЛАЙМАНОВ

(г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — филолог, поэт, прозаик, переводчик, член ОО "Союз писателей Республики Крым". Победитель ряда литературных конкурсов и фестивалей, в том числе международных. Автор изданной книги

прозы, публикаций в крымскотатарских изданиях в стране и за рубежом. Лауреат V Международного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Литература на крымскотатарском языке" (2 место).

БАЛАЧЫКЪЛАР ОЛЬМЕСИН

Къырым бир бахче олсун,
Къырымтатар бахчиван...
Халкълар дост-мабет къалсын,
Айткъан Челебиджихан.

Эзельден мерт халкъымыз,
Мусафирчен, саф олгъан.
Чуфут-къале, монастырны,
Герайлар къорчалагъан.

Джесюр Алим Айдамакънен,
Айвазовский достлашкъан,
Нидже чуфут баласыны,
Къызларымыз къуртаргъан.

Шанлы Атамыз Гаспринский,
Бизге ёлну костерген,
Дин ве миллетке бакъмагъан,
Инсанларны о севген.

"Ант эткенмен" муэллифи,
Бу давагъа джан берген.
Аркъасындан Чобанзаде,
Лятифзаделер кельген.

Нидже шанлы зиялымыз,
Бу гъае иле кеткен.
Амма, миллий мефкюремиз,
Битмеген, тюкенмеген.

Эй инсаллар, дост олайыкъ,
Козьяшы төкюлмесин.
Аджджы толугу бу дюнъяда,
Балачыклар ольмесин.

ОГЪЛУМА ДОСТЛУКЪ НАСИАТЫ

Достлукъ — садакъат демек,
Озь джанынъ киби севмек.
Элинъдеки бир отмекни,
Экиге больмек керек.

Достлукъ — къардашлыкъ демек,
Къардашынъ ичюн ольмек.
Керек олса нейинъ барса,
Бир сёз ичюн терк этмек.

Достлукъ — эминлик демек,
Догъру ёлларнен кетмек.
Дост истесенъ — Аллах етер,
Буны бильмеге керек!

Весиле МЕНУСМАНОВА (г. Симферополь, Республика Крым, Россия) — поэт, прозаик. Победитель многих республиканских конкурсов в номинации "Поэзия" и "Журналистика", призёр двух Международных литературно-музыкальных фестивалей "Интеллигентный сезон" (2017; 2018). Лауреат V Междуна-

родного литературно-музыкального фестиваля "Интеллигентный сезон" в номинации "Литература на крымскотатарском языке" (3 место).

* * *

Ёлгъа чыкъкъан ёлджуларгъа...
 Ёлджулыккъа чыкъкъан джевал, тельден индже ёл.
 Ракиб сагъ омузындадыр, Атид исе сол.
 Язылмагъан китап киби, саифень беяз,
 О язылыр, башкъаларнен олунмаз кыяс.

Башкъалары, сен кибилер, темиз догъулгъан,
 Аят бою сена эткен, гуняхлар япкъан.
 Фериште дегильмиз, бельки, шунунъ ичюн бойле,
 Инсан базы хата япа, сонъ тевбе эте.

Ёлджуларнынъ индже ёлу сонъунда багълы,
 Амма ёлнынъ узунлыгы эр кеснинъ фаркълы.
 Индже тельге тель къуралмаз, имкянсыз истек,
 Ёлнынъ сонъу бизге олюм, о лябит кольмек

Ёл алмаздан такъдирымыз чокътан язылы,
 Бунъы билип, аныламалы инсан акъылы.
 Кечирильмез шеньлик, къуванч, нешенен омюр,
 Яхшылыкъны инсан корьмез, олып кёр сокъур.

Къайгы, кедер, гъам-къасевет раст келир, билем,
 Бу шейлернен къаршылаша кунъ-кунъден алем.
 Амма сувукъ серт къыш битер, сонъ келир баарь,
 Кунеш чыкъар, гуллер ачар, унутылыр къаарь.

Чешит тюрлю меселелер, чешит фикирлер,
 Ёл боюнда гъафиль этип гонъюнь килитлер.
 Чаресизлик эсир этер, санъки ёкъ чыкъыш,
 Амма эр бир сынавдан сонъ беклейджек бахшыш.

Башкъа ёлджу хата япар, ёлун чевирир,
 Бир кунъ бири къол узатыр, бириси кулер.
 Такбих этмек эр кес биле, эр кес унута,
 Къандырыджы бу дюньяда ким япмаз хата?

Козюнь къайтыр хаинлерден, ишанч джоюлыр,
 Ынджынырсынъ, гъамлы козьлер агълап оюлыр.
 Сед чеккенлер не истейдир, бельки сен акъсыз?
 Ханджер саплагъан бичаре озю бахытсыз.

Амма олур ойле ёлджу, гонюллерге хош,
 Мерт, самимий, кин бильмеген, догъру, эли бош.
 Ёл боюнда раст кетирсенъ ал, тут къолундан,
 Бойле инсан бир эдие бельки Аллаһтан.

Бир кунъ ярдым узатырсынъ, анъламаз ёлджу,
 Амма ондан ич беклеме, санъа ёкъ борджу,
 Яхшылыкъ яп деньизге быракъ, деген аталар,
 Бир кунъ келир огге чыкъар, сёйлеген къартлар.

Бельки джидден анъламазсынъ айткъан сёзюмден,
 Инсан бойле яратылгъан, билем озюмден.
 Буны ачыкъ юрегимнен язам къардашым,
 Ихтимал бар, инанмазсынъ, генчим чокъ, яшым.

Икметтир бу биль, истесенъ, бельки теджрибе,
 Бунъы затен Юдже Раббим даа яхшы биле.
 Шиirimде умют этем бардыр бир нимет,
 Ёлгъа чыкъкъан ёлджуларгъа олсун васиет.

(Санъа бунъы шимди язам, ким билир... аят.
 Аллахнынъ адий къулундан кучюк насиат.)

ОЗЪ ТИЛИНИ БИЛЬМЕГЕНЛЕРГЕ...

Базыда бир лякъайд олам, базыда бир къайгъырам,
 Сакъав киби озъ юртунда юрьген къардашларыма,
 Сокъур киби коралмагъан азиз къардашларыма,
 Динълемеге истемеген сагъыр къардашларыма.

Сакъавсынъ сен, эльбет...къаба..., амма къабаат озюнде,
 Сен кибилер миллетимни сюйреклей учурумгъа.
 Сен кибилер тильни бильмей итере учурумгъа,
 Келеджегимизни, дуймай, озгъара учурумгъа.

Сокурсынъ сен, акъареттир, амма акъсыз дегилим,
Не мусибет чекти халкъым, даянды, ич корьмейсинъ,
Сен бешикте салланъ дие чаларды, ич корьмейсинъ,
Ватанында бол нефес ал дие ольди, корьмейсинъ.

Эджадынънынъ сёзлерине сагъыр олма первасыз,
Олурсынъмы юрт эвляды тарихыны бильмесенъ,
Асрет толу эзгисини акъылынъа ильмесенъ,
Къальп тюрленир къартананнынъ эзгисини динълесенъ.

Тувгъан юртта омюр сюрип, акъсагъанлар динъленьиз,
Топаллагъан аякъ дегиль, тиллеримиз, достларым.
Ирип кете, буздагъ дегиль, миллетимиз достларым.
Бу бир авуч топракъ дегиль, Ватанымыз достларым.

СОДЕРЖАНИЕ

V Международный литературно-музыкальный фестиваль "Интеллигентный сезон" — Валерий БАСЫРОВ.....	3
Гран-при фестиваля — Сергей ЛЕОНТЬЕВ.....	7
ПРОЗА	
Камиль ЗИГАНШИН	9
Анна БИРЮКОВА	14
Алексей НЕБЫКОВ	17
Инга МАКАРОВА.....	22
Николай ИВЕНШЕВ	24
Валентина ЯРОВАЯ	29
Андрей НОВИКОВ	31
Марина ЗВИННИК	36
Геннадий РЕШЕТНИКОВ	38
Галина ЛОБОДИНА	40
Александр ВОРОНИН	44
Николай БАЛИЦКИЙ	48
Александр РАЛОТ	52
Анна МАТВЕЕНКО	55
Наталья ОЖЕРЕДОВА	59
Виктория АНФИМОВА	64
Павел КРЕНЁВ	68
ПОЭЗИЯ	
Валерий САВОСТЬЯНОВ	78
Борис БОГОМОЛОВ	80
Сулейман КРЫМОВ	81
Равиль ВАЛЕЕВ	83
Анна БИРЮКОВА	85
Светлана ПЕШКОВА	87
Леонид ЯРМУШЕВИЧ	90
Валентина БООВАН КУУКАН	91
Сергей КРИВОНОС	93
Никита БРАГИН	95
Билал АДИЛОВ	97
Марина АХМЕДОВА	101
Сувайнат КЮРЕБЕКОВА	108
Владимир ШЕМШУЧЕНКО	112

ДРАМАТУРГИЯ	
Александр ПОНОМАРЁВ	115
Маргарита СОСНИЦКАЯ	123
Инна ЛАРИНА	131
Ольга ПРИЛУЦКАЯ	139
ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД	
Ремзи ДЕВЛЕТОВ	152
Марина ПОЛЯКОВА	154
Николай НАСТОБУРКО	157
Амди ГИРАЙБАЙ	159
Ольга РАВЧЕНКО	161
Виктория СМИРНОВА	163
Валерий БАСЫРОВ	165
АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ	
Сергей МАКСИМОВ	171
Лариса АФАНАСЬЕВА	172
ИЛЛЮСТРАЦИЯ КНИГ	
Эрвин СЕЙТАСАНОВ	173
Александра ПАНФИЛОВА	175
Дарья ГРЕБЕННИК	177
САКИ: ОЧЕВИДНОЕ, НО НЕВЕРОЯТНОЕ	
Ирина КОЛЯКА	179
Марина ТРУСЕВИЧ	180
Алевтина КАЧКОВСКАЯ	181
ПУБЛИЦИСТИКА	
Коладжеро ЛА ВЕККЬЯ	182
Светлана МИШАКОВА	186
Тьерри МАРИНЬЯК	192
Лола ЗВОНАРЁВА	195
ЛИТЕРАТУРА НА УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ	
Ирина СОЛОГУБ	204
Вера КИРИЧЕНКО	209
Татьяна ТУРБИНА	211
ЛИТЕРАТУРА НА КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ	
Рефат СЕИТ-АБЛАЕВ	213
Мухамед-Али СУЛАЙМАНОВ	217
Весиле МЕНУСМАНОВА	219

Редактор-составитель — Ольга Прилуцкая

Дизайн обложки — Александр Иванченко
Вёрстка — Валерий Басыров

Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная 80 $\frac{1}{16}$ _м²
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,06
Тираж 700 экз.

Издатель —
Государственное автономное учреждение Республики Крым
«Медиацентр им. Исмаила Гаспринского»

© Оригинал-макет и вёрстка подготовлены в ООО «Издательство “Доля”»:
295022 Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Виноградная, 22.
E-mail: vbasyrov@mail.ru